

КНИГА ПЕРВАЯ

ДРОЖЬ

ТРЕВЬОН БЁРНС

Какое главное достоинство обучения на медицинском факультете? Она научилась убивать, не испортив при этом свой маникюр. Ни капли вины. Ни единой улики.

Жажда мести — единственное, что вытаскивало её из постели в течение четырех лет студенчества в Чапелл-Хилл (Прим.: Стэнфордский медицинский университет).

И это — единственное, что вытащило её из постели хмурым воскресным вечером.

Стоя на обрыве скалистого утеса, пока океанские волны снизу разбивались о черные валуны, она знала, что месть — единственное, что будет подталкивать её к действиям, пока все они не окажутся мертвы.

Девушка пристально смотрела через пляж, шурясь от мягкого тумана, который скользил от волн и щекотал её щеки. На другом берегу, на утесе расположился белый каменный особняк. Он светился в темноте, такой же яркий и блестящий, как полная луна в небе, какой она её запомнила.

И она помнила все это.

Она помнила, как он перегнул её через белые каменные перила балкона. От продолжительных криков жгло горло. В самой её сердцевине разгорелся пожар, когда он лишил её девственности, дважды. Она все еще помнила тех других, всего их было девять, разорвавших её на куски, один за другим, пока девушка не потеряла сознание.

Она протяжно вздохнула. Её ногти, украшенные принтом в виде жирафа, врезались в ладони.

Какое главное достоинство обучения на медицинском факультете? Она научилась убивать, не испортив при этом свой маникюр.

И прежде, чем лето подойдет к концу на этом унылом острове под названием Тенистая Скала, Веда Вандайк запланировала найти отличное применение её Стэнфордской медицинской степени.

Десять раз.

Глава 1

— Я обычно не разговариваю с темнокожими девушками, но ...

— Так зачем начинать сегодня? — прервала Веда идиота, расположившегося рядом с ней.

Его карамельная кожа покраснела от шеи до линии волос, карие глаза расширились.

Несколько мгновений спустя, приподнявшись на локте, он оперся о барную стойку около девушки, открыл рот, чтобы ответить, но промолчал.

Веда кивнула в сторону шумной вечеринки в честь помолвки.

— Вы можете идти!

Идиот оттолкнулся от стойки и поспешил прочь, ослабляя на ходу свой галстук. В своей спешке он чуть не опрокинул шестиярусный дамасский торт, который стоял посреди виднеющегося вблизи белого шатра.

Веда наблюдала, как он, уходя, скривил губы. Что никогда не переставало её удивлять, так это огромное количество мужчин, которые подходили к ней, выстраивались в очередь, ожидая, что она будет польщена, или даже признательна тому, что они сочли её коричневую кожу достойной их внимания.

Нет.

Черт, нет.

Она любила свою кожу и шикарные вьющиеся волосы. Она любила заходить в комнату и быть там одной. Ей нравилось одиночество.

И она любила затыкать недалеких мужчин, которые ожидали, что она будет чувствовать нечто другое. Это приносило её сердцу свет тысячи солнц.

Одна из немногих вещей, что доставляла покой.

С того места, где Веда расположилась в баре и наблюдала за вечеринкой, пока удерживала между своими красными губами и посасывала кислый леденец с яблочным ароматом, она проследила за тем, как мужчина исчезал в толпе. Более двухсот человек собралось в эту ночь, одевшись лишь в красное или черное, как своего рода дресс-код, который позволял пить и танцевать под тентом из белой ткани, развивавшейся от дуновения приятного вечернего бриза.

Веда моргнула и закрыла глаза, почувствовав, как кто-то остановился у бара рядом с ней. Она почувствовала его силу, даже не обернувшись. Запах его лосьона после бритья щекотал её ноздри. Он отбрасывал внушительную тень. Бешеное сердцебиение, словно сирена, предупреждало о вторжении в её пространство, которое больше ей не принадлежало.

Она вцепилась в бронзовый медальон, с силой сжала его в руке и позволила острым краям врезаться в ладонь, чтобы отвлечься от собственных мыслей.

Его низкий голос настиг её, но она не подала виду, даже не повернула голову в сторону мужчины.

— Как быстро мир забывает, что человек сделал с тобой, хах?

Неспособная остаться отрешенной от его слов и от правды, заключавшейся в них, Веда ухватила за прядь волос и уставилась на человека рядом с собой.

Парень в безупречном смокинге оперся локтями о стойку. Встретившись с ним глазами, она высунула леденец на палочке изо рта. Его костюм был скроен совершенно идеально, и мускулистые руки просматривались сквозь ткань пиджака. В олосы мужчины были длиннее

на макушке и немного короче по бокам. Густые темные локоны выглядели мягкими и ниспадали естественными волнами, их слегка шевелил океанский бриз, который заставлял танцевать драпирующую ткань шатра.

— Даже мои собственные родители — чистокровные итальянцы, отказываются признавать, что они не могли бы существовать, если бы не королевы Африканской диаспоры, — произнес он.

Веда искоса посмотрела на оливковую кожу мужчины, которая выглядела немного влажной, и не могла понять, был ли тому причиной туман, исходящий от океана в ста метрах от них, или это был просто естественный блеск его кожи.

Уголки полных розовых губ незнакомца приподнялись в тот момент, когда она посмотрела на него широко открытыми глазами, исследуя его силуэт. Густые брови. Прямой нос. Точеные черты лица. Тело, за обладание которым большинство женщин было бы способно на убийство.

Она позволила себе смотреть. Были милые мужчины, были великолепные мужчины, а также были умопомрачительные. Он же был умопомрачительным от первого до последнего дюйма. Ни одной выбившейся пряди волос. Ни дюйма непроглаженной ткани костюма.

Взглядом Веда скользила по его телу в попытке найти хоть малейший изъян, и становилась лишь злее от осознания того, что таковых не было. Она не доверяла каждому мужчине, и это правда. Этот же слишком опытный. Слишком безупречный. Очевидно, рожденный в богатстве, которое требовало благоразумия любой ценой, и поэтому его невозможно было прочесть. Невозможно узнать.

Не то, чтобы это было важно. Она приехала домой не для того, чтобы запасть на какого-то избалованного богатого парня. Даже если его глубокие карие глаза, казалось, раскрывали её словно скальпелем.

— Вы часто разрушаете помолвки?

Её сердце ускорило от его слов и заработало упорнее, чтобы можно было высказаться ему в глаза.

— Я не терплю разрушение!

— О, нет? Вы со стороны невесты или жениха?

— Жениха, — заявила она, глядя в его темные карие глаза.

— Неужели? — его улыбка стала шире.

Возвратив свое внимание к гостям вечеринки, Веда снова провела языком по леденцу, пока один из многочисленных гостей проходил мимо.

Она проследила взглядом за неуклюжим светловолосым мужчиной, осмотрела закатанные рукава рубашки и задержалась на черной как уголь татуировке на его запястье. Номер «23» кричал ей с его загорелой кожи.

Волосы на затылке встали дыбом, леденец в её руке задрожал и упал на пол из-за ослабевших пальцев.

— Черт, у неё тугая киска.

Веда вцепилась в перила балкона, пока крик обжигал её горло, ощущая, как пламя разрывало её внутренние стенки.

Его липкие ладони лежали на перилах прямо поверх её рук. Удушающее хрюканье отравляло слух девушки.

Замутненный слезами взгляд упал на его руку и впился в татуировку с номером «23» на

запястье, до тех пор, пока слезы не ослепили её, сделав цифры расплывчатыми.

Но Веда помнила.

Она помнила число «23» так отчетливо, как помнила ожог. Невыносимое пламя в её киске, когда он порвал её девственную плеву. Украл её девственность. Разделил её надвое. Она помнила кровь, стекавшую вниз по внутренней поверхности бедра. Она помнила, как билось сердце, пока её рвали на куски.

Она помнила.

Веда следила за ним, не в силах успокоить свою вздымающуюся грудь. Она помнила их всех, кроме одного, но из тех девяти животных, которые вторглись в её разум и сердце, она помнила его отчетливее всех. Не только эту татуировку «23» на его запястье, она помнила его лицо, его запах и имя. Тодд.

Тодд Локвуд.

Он был её номером один. Причина номер один из десяти, ради которой она вернулась на жалкий остров Тенистая Скала, штат Калифорния. Причина номер один из десяти, что разрушит эту помолвку. Причина номер один из десяти, почему она не дышала. Единственный вдох за десять лет, вернувший её в прошлое, в ту ужасную ночь. Веда не могла дождаться, чтобы увидеть его последний вдох.

— Откуда вы знаете жениха?

Глаза Веды вернулись обратно к человеку рядом с ней.

«О балдеть. Он все еще здесь?»

Её взгляд путешествовал по его улыбающемуся лицу.

Теперь он осматривал её, но его внимание отвлек приблизившийся бармен.

— Два бокала шампанского, пожалуйста, — велел он, прежде чем встал перед ней во весь рост, поставив один локоть на барную стойку. — Итак, откуда вы знаете жениха?

Внимание Веды снова вернулось к вечеринке, скользая от гостя к гостю, задерживаясь на каждом, только чтобы впитывать в себя номер 2, номер 3, номера 4, 5, 6...

Гарлем — мужчина, шаркающий в центре танцпола, с татуировкой на запястье в виде цифры «5».

Горящие глаза Веды захватили руки второго, сжимавшего перила у неё за спиной, но крик в горле девушки теперь звучал слишком хрипло, чтобы создавать шум, пока его кожа шлепала о её, и от его дыхания её ухо было мокрым. Одна слеза девушки скатилась и попала на парня, после чего потекла вниз по его волосатой руке.

— Я думаю, что хочу в задницу, — застонал он ей прямо в ухо. — Понравится ли тебе в задницу?

Веда зажмурилась, её сердце екнуло. Она рассматривала гостей, останавливаясь на человеке, который сидел один за столом в дальнем углу. Он потягивал виски из стакана, безучастно смотря вперед, и номер «17» кричал с его запястья.

Её взгляд упал на число «17», когда он сомкнул свои пальцы на её шее, сжимая достаточно сильно, чтобы перекрыть ей доступ кислорода. Она молилась, чтобы он сжал крепче. Чтобы покончить со всем этим. Но хватка ослабла, и звук его расстегивающейся молнии раздался в ночном воздухе. Смех его друзей, его товарищей по команде сообщил

Веде, что она все еще жива и почти здорова, а слезы поклялись никогда не забывать о происходящем.

Веда отвела взгляд в сторону. Она остановила себя от тщательного разглядывания гостей вечеринки. Она не нуждалась в подтверждении и уже заметила их всех. Всех, кроме одного, чья личность все еще была ей неизвестна. Девять из десяти мужчин, которые украли её душу десять лет назад, были на этой вечеринке.

До сих пор в этом городе.

До сих пор ощущались в её теле, словно напоминая, что каждая часть её тела все еще оставалась униженной. Оставалась слабой. Оставалась застрывшей в прошлом.

Она отказывалась застревать еще больше.

— Мне нравятся ваши ногти.

Веда бросила испуганный взгляд на мужчину рядом с собой.

«Иисус, он все еще здесь?»

Она машинально посмотрела вниз на свои ногти с принтом в виде жирафа, подпиленные в форме когтей, и выругалась себе под нос. Не потому что на ногте мизинца, каким-то непонятным образом появились сколы, а потому что знала, что должна была придать им более консервативную форму перед первым рабочим днем в ординатуре, которая начнется следующим утром.

— Спасибо, — сказала она.

— Как вы сказали вас зовут?

— Я не говорила, — она снова встретилась с ним взглядом, задаваясь вопросом, почему эта непередаваемая улыбка не покинула его лицо. Конечно, он улыбался. Ему принадлежал мир. Его устрицы. Его оазис. Все принадлежало ему, чтобы делать то, что ему будет угодно.

Даже если в расчет взялась невинная восемнадцатилетняя девушка.

Все принадлежало ему.

Её грудь вздымалась, пока он осматривал её тело. Медленно, конечно, намеренно, таким способом добиваясь, чтобы она заметила его взгляд.

Он погладил свой подбородок.

Веда не смогла сдержать улыбку, приподнявшую уголки её губ. Она ощутила в своем лоне знакомое тепло. Почему же её киска так легко откликнулась на прекрасное лицо?

— Откуда вы знаете жениха? — его голос зазвучал ниже, а в глазах вспыхнуло желание, это просто подарок сегодня. Он облизал свои полные губы и вернул к себе её пристальный взгляд. Когда бармен принес два бокала шампанского, заказанных им, он даже не посмотрел в его сторону и не поблагодарил. Веда знала, что богатый мальчик не преследовал цель быть грубым. Так или иначе, она знала, что даже взрыв бомбы не сможет оторвать его взгляд от нее.

— Мы вместе ходили в среднюю школу, — ответила она.

Он уверенно кивнул, держа бокалы с шампанским, и развернулся, чтобы уйти, но затем остановился и снова вернулся к ней.

— В какую именно школу?

— Блэкуотер Преп, — Веда почти закатила глаза.

Его улыбка стала шире. Она хотела бы узнать, насколько широкой эта проклятая штука была способна стать, и сходила ли она когда-нибудь с его лица.

Брови мужчины напряглись на мгновение. Не отрывая своего пристального взгляда от

нее, он повернулся спиной и бросил уходя.

— Приятно познакомиться.

Взгляд Веды проследил за его уходом. Она наблюдала, как трудно ему было пробраться сквозь толпу, по-видимому, в попытке добраться до того, кому предназначался второй бокал шампанского. Она заметила его природную грацию, которую он постоянно демонстрировал, разговаривая со всеми, кто его останавливал. Хоть было очевидно, что мужчина был на пути к конкретному человеку. Она видела, как он очаровал всех от одного конца шатра до другого, пока, наконец, не добрался до улыбающейся рыжеволосой женщины.

Единственной женщины на этой вечеринке, одетой в белое.

Веда наблюдала, как он поцеловал невесту в щеку.

— Ох... черт, — проворчала она.

В то время как реальность нанесла неожиданный удар, в скором времени жених — Гейдж Блэкуотер, обнял свою невесту, посмотрел через роскошный шатер, встретился глазами с Ведой и поднял бокал.

*

Будучи выставленной как чертова-разбивающая-помолвки-лгунья, Веда не могла заставить себя побыстрее выбраться из шатра. Она спустилась вниз по длинному причалу, который опирался на большие валуны. Пирс находился чуть в стороне от вечеринки, а его перила были обмотаны лентами белого цвета.

Веда не замедлилась до тех пор, пока не почувствовала, как океанские волны зацекотали её лодыжки и наполнили до краев туфли на высоком каблуке. Она перебирала ногами, позволяя камням биться о свои стопы.

Девушка оглянулась через плечо, и ветер швырнул пряди длинных вьющихся волос ей в глаза. Большая белая палатка, казалось, пронзала звездное небо, почти такая же яркая как блестящая луна на небе прямо над ней. Музыка и смех от вечеринки разносились вниз по причалу, смешиваясь с грохотом волн и исчезая вместе с ними в темных глубинах океана.

Веда сделала глубокий вдох через нос.

Она планировала просто заявиться на вечеринку без приглашения, чтобы рассмотреть свои мишени. Она знала, что все они будут там, потому что элита Тенистой Скалы всегда держалась вместе. Поддерживала друг друга. Веда была благодарна, что ей удалось найти девятерых, которых она помнила, прежде чем её отвлек тот блистательный богатый парень. Который, ко всему прочему, был женихом на вечеринке, приглашения на которую у нее не было.

Веда застонала. Это не её звездный час. Отнюдь нет. Как она не додумалась до того, чтобы, по крайней мере, рассмотреть фотографию жениха и невесты. Она была неаккуратна. Слепленная жадной мести, она не смогла ответить на все вопросы.

Она слишком сильно полагалась на свои старые воспоминания о Гейдже — низкорослый, грузный и прыщавый подросток. Но, как и она, Гейдж ошеломляюще возмужал. Невооруженным глазом было видно, что это был совершенно другой человек, а не тот мальчишка, каким он был десять лет назад. Он был совершенно неузнаваем.

Точно так же, как ни одна из её мишеней никогда не смогла бы взглянуть и понять, кто она такая. Десять лет назад её волосы были распущены и окрашены в невероятный красный.

Все это небезопасно, однако раньше она никогда не позволяла пройти и дню, не используя достаточно косметики, чтобы преобразить себя полностью.

Теперь с её длинными волосами естественного цвета, минимальным макияжем и более стройной фигурой, полученной благодаря её самоотверженным занятиям в тренажёрном зале, в эту ночь она была столь же неузнаваема, как и Гейдж.

Плюс ко всему, они относились к тому типу богатых белых людей, которые не могли отличить одного черного человека от другого.

До сих пор не узнать получше о Гейдже было ошибкой. В конце концов, все это началось в белом каменном особняке его семьи, на его домашней вечеринке, на которой она была уничтожена десять лет назад. Это случилось в пустой спальне его матери, именно там Веда была осквернена изнутри.

Она фыркнула.

Лучший вариант развития событий — Гейдж вернулся к своей помолвке и забыл о ней. В худшем случае, её уже разоблачили.

Веда закрыла глаза.

Несомненно, девушка была поймана с поличным, но она была не единственным ужасным человеком в этом шатре сегодня вечером. Гейдж бесстыдно флиртовал с ней. Разглагольствуя о королевах Африканской диаспоры, в то время, как его щенячьи глаза путешествовали по её мягким и податливым изгибам под этим облегающим черным платьем, не оставляя никаких сомнений в том, что он уже представил её обнаженной в своих мыслях.

Она снова фыркнула. Это он один из тех, кому должно быть стыдно. Насколько же непочтительным был Гейдж по отношению к своей прекрасной будущей жене, флиртуя с другой женщиной в баре, на вечеринке по случаю собственной помолвки.

Веда не могла притвориться, что удивилась. Это просто еще одно доказательство того, что все эти люди были животными. Сволочами. Ужасными гребаными людьми.

Очень вовремя, словно подтверждая мысли в её голове, послышалось хихиканье с другого конца пляжа. Взгляд Веды устремился в направлении звука, и она заметила Тодда Локвуда.

Тодд. Он же член братства по прозвищу «придурак».

Стройная брюнетка с грудью больше, чем голова, ковляла по песку, держась за его мускулистые руки. Торчащие светлые волосы Тодда не двигались от ветра, склеившиеся волосок к волоску. В одной руке он держал бутылку шампанского, пока другая рука была обвита вокруг шеи брюнетки.

Запутавшись в собственных ногах, женщина споткнулась и упала на песок.

Тодд наблюдал за её падением, твердый как скала, устояв и не меняя позиции.

Веда задалась вопросом: «С делал ли он хотя бы один глоток из бутылки в своей руке?» Однако она прекрасно знала, что нет. Он поступил точно так же, как в ту ночь десять лет назад — предложил ей сделать глоток первой.

Прежде, чем Веда смогла себя остановить, она пошла к ним по песку.

Девушка сделала это в тот момент, когда Тодд предложил брюнетке руку, подняв ту обратно на шаткие ноги. Позволяя ей рухнуть ему на грудь.

— Эй, — крикнула Веда.

Тодд и женщина посмотрели на нее, улыбки исчезли с их лиц от неожиданного голоса. Слова застыли в горле Веды в тот момент, когда взгляд голубых глаз Тодда поразил её. Сердце рухнуло к ногам, а дыхание резко оборвалось. Её собственные колени начали дрожать так же, как у пьяной девушки перед ней, несмотря на то, что она выпила всего лишь

один бокал шампанского.

— Эй, — повторила Веда снова, её голос дрожал, как и пальцы на руке, которую она протянула брюнетке. — Вы не должны идти с ним. Я могу отвезти вас домой.

Женщина посмотрела на Тодда, который все еще держал её и заметил испуганное лицо. А затем в отвращении взглянул на Веду.

О, удача. Последовательница.

— Вы определенно пьяны. И не в состоянии себя контролировать. Этот парень... Он может сделать с вами, что угодно...

«И он сделает», — хотела сказать Веда.

— Я не хочу, чтобы вами воспользовались.

Тодд стер отвращение из своего взгляда, но не достаточно быстро. Еще один избалованный богатый мальчик, который умел сохранять лицо, однако, он не был таким же опытным актером, как ранее красивый жених, и его презрение не осталось незамеченным. Его ямочки на щеках были в центре внимания, когда он подарил ей ослепительную улыбку, крепко стоя на ногах, в то время, как брюнетка начала медленно сползать вниз, сгибая ноги в коленях. Взгляд Веды упал на бутылку в его руке, задавшись вопросом, что он туда подсыпал.

— Здесь все нормально, — сказал Тодд, кивнув на брюнетку. Он посмотрел на нее сверху вниз, выпячивая губы. — Не так ли?

Широкие открытые глаза Веды исследовали женщину.

— Если вы не в порядке, я отвезу вас домой. Вы не должны чувствовать на себе давление, чтобы пойти с ним куда — либо.

— Ей нравится это, — рука Тодда сжалась вокруг шеи брюнетки. — Не так ли?

Она почти урчала на него, вонзая свои ногти в прорехи между пуговицами его рубашки, принимая его язык в торопливом поцелуе.

— Мне нравится, Тодд... — её детский голосок звучал заторможенно. — Мне правда, правда нравится это. Очень.

— Вы видите? — он послал Веде другую ослепительную улыбку. — Ей нравится это. Очень.

Веда с трудом закрыла глаза.

Он сжал её волосы, потянув за них с такой силой, что она была уверена, пойдет кровь. У неё во рту был кляп, но это только заставило его толкаться еще жестче. Глубже.

— Черт, полегче, брат, — со смешком произнес голос на расстоянии. — Я думаю, что из-за него она задыхается.

— Нет, — прошептал Тодд. — Ей это нравится.

Ноздри Веды раздулись. К тому времени, когда она избавилась от видений, которые отравляли её сознание так долго, пара уже ушла.

Она смотрела им в след, брюнетка все еще спотыкалась, даже под сильным захватом Тодда, навалившись на него всем своим маленьким телом и глядя на него остекленевшим взглядом.

— Ты знаешь эту темнокожую девицу?

Тодд оглянулся через плечо и, встретившись взглядом с Ведой, ухмыльнулся.

— Никогда прежде не встречал её.

И Веда почти опустошила свой желудок на песок.

Если он и испытывал отвращение, то не показывал этого. На самом деле, судя по ухмылке на его губах, если он смотрел, то ему это действительно нравилось.

Веда шла позади них, ожидая, пока они наткнутся на его черный «Астон Мартин», припаркованный на вершине холма, вдоль морского побережья дороги.

Она сжала пальцы вокруг бронзового медальона, который не покидал её руку всю ночь. Веда вращала его, сжимала и пыталась согнуть дрожащими пальцами. Но это ничего не дало. Ничего.

Автомобиль умчался прочь.

После того, как рев двигателя и свет фар исчезли в ночи, Веда, наконец, позволила ухмылке расползтись по губам.

Она надеялась, что Тодд получил все содержимое желудка той девицы, потому что он был её номером один, и она не могла дождаться того дня, когда, наконец, сотрет их с лица земли навсегда.

*

Гейдж Блэкуотер и Скарлетт Ковинтон в это время поднимались по белой мраморной лестнице их особняка «Тенистая Скала». Их ладони скользили по черным металлическим перилам, пока они шли вверх по ступенькам. Долгие часы были потрачены на счастливую болтовню, и теперь они двигались в приятном молчании.

От света величественной люстры бусинки на струящемся белом платье Скарлетт мерцали. Когда она обернулась и поймала взгляд Гейджа, он улыбнулся.

Её голубые глаза опустились, и краска медленно расползалась по щекам.

Они столкнулись друг с другом на вершине лестницы. Черные, скалистые утесы Тенистой Скалы манили к себе из овальных окон. В особняке было два коридора: один вел в восточное крыло, другой — в западное.

Они разделили напряженные улыбки.

Рыжая челка упала на глаза Скарлетт, когда она посмотрела вниз на свои сложенные руки и тонкую ткань платья, развивающуюся от бриза, который пробрался через открытое окно.

— Наши родители казались счастливыми сегодня, — прошептала она.

Он наблюдал, как её волосы падали на глаза, скрывая лицо. Ветер шевелил пряди. Гейдж ждал, заталкивая желание обратно.

— Я никогда не видел своего отца на седьмом небе от счастья, — ответил он, услышав пустоту в своем голосе.

Девушка вздохнула, убрав свои волосы с глаз.

— Если бы ты захотела лечь спать со мной сегодня вечером...

Почувствовав, как задрожало её тело глядя на прикрытые глаза и плотно сжатые губы, Гейдж успокаивающе поднял руку.

Её ответ прозвучал быстро и нервно, не глядя на него.

— Это ничего, если мы сможем отложить все на потом?

— Скарлетт, — он улыбнулся ей. — Все в порядке.

Она подняла взгляд, и голубые глаза встретились с карими. Её глаза были такими большими, что она напоминала ему анимационного персонажа. Девушка так крепко сжала руки, что было удивительно, как она не оторвала кожу от тела. Скарлетт прикусила свою

нижнюю губу.

— Спасибо, — слова едва слетели с её губ.

Он, мягко кивнув, отвернулся, а потом бросил ей через плечо.

— Доброй ночи.

Стоя рядом с открытым окном, пока ветер развивал её челку, Скарлетт наблюдала, как Гейдж пошел по коридору, который вел к восточному крылу.

— Спокойной ночи, — прошептала она ему в след, развернулась на каблуках и пошла в сторону западного крыла.

*

Вздыхнув, Гейдж вошел в свою спальню. Простая, современная, преимущественно белая с небольшими вкраплениями серебра, эта комната всегда его успокаивала. Он разделся до черных брюк и красной рубашки, расстегнул верхние пуговицы и шагнул на собственный балкон.

Как только он оказался снаружи, то вцепился в черные металлические перила и стал впитывать великолепный вид острова Тенистая Скала, вдыхая океанский бриз. Вниз по пляжу, в миле от них, на вершине самой высокой скалы в городе стоял дом, в котором он вырос. Гейдж позволил своим глазам путешествовать вдоль белого каменного особняка, видневшегося на расстоянии. Маленькие водопады брызгали из зазубренных расщелин в скале утеса, падали со всех сторон и возвращались в океан.

Он улыбнулся, когда увидел её. Высокая и хрупкая, с шелковистыми черными волосами, которые развивались за спиной и двигались, словно водопад. Она вышла на свой балкон, сжала белые каменные перила и посмотрела на воду.

Как будто она тоже могла видеть его, наблюдая за ним через дорогу, но звонок сотового вернул Гейджа к жизни.

Он ответил, не глядя на дисплей.

— Здравствуй, мама.

— Дорогой, — сладкий женский голос Селисты Блэкуотер промурлыкал так, как она делала это только для него. — Ты живешь, чтобы мучить меня?

Гейдж усмехнулся.

— Есть вероятность, что ты уже делишь кровать со своей будущей женой?

— Ты следишь за тем, с кем я сплю? — он усмехнулся. — Что крайне навязчиво и очень странно, кстати!

Долгая пауза. Он знал, что она тоже улыбалась, потому что слышал это по её следующим оживленным словам.

— Возможно, если бы ты не вытворял такие вещи, то я вела бы себя иначе.

— Тем не менее, странно, мама, — Гейдж сжал перила балкона.

— Почему у меня такое ощущение, что ты не смутился бы разделить спальню с той молодой леди, которой ты наслаждался в баре сегодня вечером?

Желудок Гейджа сделал кувырок.

— Она была просто женщиной, которая оказалась в баре в то же время, что и я. Незванный гость.

— И все же ты отказался выпроводить её, — он слышал эти изменения в её голосе, когда улыбка матери стала шире. — Это так благородно с твоей стороны.

— Она покинула вечеринку сама, когда поняла, что я поймал её на лжи.

— С пасибо Богу за это, так как ты, конечно, не имел никаких планов взять на себя инициативу, — мягкий вдох. — Я видела, как ты на нее смотрел.

— Мам, хватит.

— Почему я чувствую, как будто нахожусь на постоянной миссии, напоминая тебе, насколько это необходимо...

— Соблюдать приличия, — закончил он. — Я понимаю.

— Слава богу, отец Скарлетт не видел, что ты так нагло позорил его дочь. О дному Богу известно, какой бы ущерб это нанесло. Ты так сильно хочешь управлять отцовской компанией, однако, не желаешь делать то, что нужно, чтобы заработать это право.

— Кто сказал, что я не желаю?

— Твои глаза сказали это, дорогой сын, в то время как ты развлекал себя этой женщиной сегодня вечером.

Гейдж почувствовал, как внутри него зарождалось какое-то новое чувство. Это было не чувство удовлетворенности, не ощущение мучительного страха, и даже не тонкие муки острой боли, скручивавшие его внутренности и вынуждающие его сдаться.

Нет. Это чувство было больше похоже на мед. Горячий, тягучий мед, введенный прямо в вену, достаточно липкий, чтобы бродить вокруг, пока не станет совсем невмоготу.

— Я устал, мама, — он вжал два пальца в уголки своих глаз.

— Отдыхай. Люблю тебя.

Гейдж повесил трубку и схватился за балконные перила двумя руками, позволяя своей голове упасть. Он пытался отдышаться, замедлить бег своего сердца и изгнать горячий мед, который, как он чувствовал, таял внутри него.

Десять лет назад

Карие глаза Веды распахнулись, уставившись на яркую луну в чернильном небе. Это первое, за что зацепился её пристальный взгляд в тот момент, когда вода заполнила горло, удушая и убеждая, что смерть близка.

Вместо этого девушка была перевернута на бок сильными руками, схватившими её за талию и тыльную часть шеи. Соль жгла ей горло, когда вода полилась изо рта. Казалось, соленой воды было достаточно, чтобы осушить океан и наполнить его снова, давая волнам, что разбивались на некотором расстоянии от нее, новую жизнь.

Её легкие плотно сжимались и расправлялись вновь, раз за разом, песок прилип к губам, пока её тело выталкивало каждую унцию воды, которая, казалось, душила её и одновременно воскрешала.

Только когда вся вода покинула её сведенный в спазме желудок, измученная рвотными позывами, Веда ощутила хватку на своей руке.

Девушка вонзила пальцы в песок, пытаясь посмотреть на человека, схватившего её, но обзору мешали убийственно-красные пряди, прилипшие к лицу. Её хрип перешел в удушье. Больше огня в горле, когда ещё один спазм скрутил её. Больше укулов в сердце, когда каждая частица света разрывалась в ней. Больше страха. Больше отвращения. Больше страдания.

Когда не последовало ничего, кроме нежного прикосновения к спине, Веда оттолкнулась от песка, до сих пор лежа на животе, и взглянула через плечо.

Его скрытые под капюшоном зелёные глаза расширились в тот момент, когда их взгляды встретились. Длинные каштановые волосы мужчины были насквозь мокрыми и прилипли к загорелому лбу, капли стекали по плечам, громоздким и широким в полицейской форме, также промокшей и прилипшей к его телу.

— Ты в порядке? — его грудь вздымалась.

Мужчина потянулся к ней, но едва успел коснуться подушечками пальцев её щеки, прежде чем Веда закричала изо всех сил и вскинула руку, пробороздив ногтями его лицо. Его теплая кровь потекла вниз по её кисти и предплечью, когда она подалась назад, зарывшись ногами в песок, и ударила его пятками в сильное бердо в попытке убежать.

Его голова дернулась от удара, и он прикоснулся к своей брови, так же мягко, как к ее щеке до этого. Когда он отошел с собственной кровью на своих пальцах, его взгляд не отрывался от ее глаз.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, милая, — у него был глубокий голос. Такой же, как у них. Наполненный властью, которой она не могла противостоять. Так же, как и им. Но он был крупнее: накаченные руки, широкая грудь и длинные ноги. Она знала, что у нее нет шанса одолеть его. Как не было шанса и с ними. — Я нашел тебя, плавающей в воде, и сделал искусственное дыхание «рот в рот».

Когда он потянулся к ней снова, Веда взвизгнула, и он остановился на полпути, держа обе руки так, что она могла видеть его ладони.

— Ладно, — сказал он. — Я не буду тебя трогать. Это нормально, — он встретился с ней взглядом. — Сколько тебе лет?

Когда она не ответила, он облизал губы, замывшись, а потом полез в нагрудный карман

своей рубашки. Он вытащил оттуда бронзовый медальон, держа его двумя пальцами и поднимая вверх, чтобы она могла рассмотреть. — Вы знаете, что это?

Веда всмотрелась в медальон в его руке и съежилась.

Он встряхнул медальон.

— Он моей матери. Это был первый трезвый год, когда она получила его в обществе анонимных алкоголиков. Каждый раз, когда я боюсь, то просто сжимаю его в руке, по-настоящему сильно, как только возможно, — он схватил медальон, скрыв его в своей большой ладони. — И это напоминает мне, что... что все будет хорошо.

Когда парень снова потянулся к ней, она напряглась, но он все равно не отступил. Мужчина кивнул, предлагая ей медальон. После долгого колебания она схватила его, сжав в пальцах, а затем отползла назад, притянув свои колени к груди, всё ещё дрожа всем телом.

Её взгляд блуждал, пока она рассматривала полицейскую форму, длинные каштановые волосы и зеленые глаза, в которых было большое количество терпения и доброты даже в тот момент, когда струйка крови из раны, оставленной её ногтями, стекала от брови вниз к челюсти.

Его взгляд блуждал по её телу, задержавшись у лифа белого облегающего вечернего платья.

Она проследила за его взглядом до кромки своего платья, остановившись на огромном кровавом пятне, которое пропитало весь перед платья. Когда она поняла, что её трусики напрочь отсутствовали, то дернула подол вниз по бедрам, но оно было настолько коротким, что глубокий вырез декольте опуститься еще ниже, выставив на обозрение дерзкую грудь.

Казалось, его глаза потемнели, когда пристальный взгляд поднялся к её груди, прежде чем он смог остановить себя, и, если такое вообще возможно, взгляд стал еще более отстраненным.

Веда судорожно прикрыла грудь руками, кусая нижнюю губу и сдерживая крик.

Мужчина отвернулся.

— Мы должны... — он провел рукой по рту, избегая её взгляда. — Мы должны отвезти тебя в больницу, чтобы они могли провести обследование на предмет изнасилования. Тот, кто сбросил тебя в воду, сделал это, чтобы смыть улики, но мы все равно должны...

Веда ждала, когда он повернется к ней. И он повернулся. Их глаза встретились. Девушка знала, что она видела в них. Те же тени, то же самое лукавство, ту же испорченность, что она видела в глазах тех уродов, которые перегнули её через белые каменные перила, которые все еще хорошо различимы в свете луны на вершине скалы далеко позади них.

Она посмотрела вниз и увидела до боли знакомую ткань темно-синих брюк, что видела на них.

Мужчина в успокаивающем жесте снова показал ей свои ладони.

— Я — офицер полиции. Я бы никогда не навредил тебе. Ты можешь доверять мне.

Прежде, чем он успел сказать еще хоть слово, Веда вскочила на ноги и помчалась прочь. Её ноги дрожали, несколько раз она спотыкалась, но когда воображала себе, что он преследовал её и как легко мог поймать и причинить боль так же, как это сделали они, скачок адреналина, порожденный слепым страхом, заставил девушку двигаться еще быстрее.

Она не останавливалась всю дорогу до тех пор, пока не добралась до дома.

Веда сжимала бронзовый медальон в руке. Острые углы впивались в её ладонь, но она лишь усиливала хватку и вдыхала запах пластика и дезинфицирующего средства, который

наполнял стерильную операционную комнату в больнице Блэкуотера.

Она покачивалась вперед-назад на своем кресле на колесиках, безучастно глядя на находящийся прямо перед ней современный аппарат для анестезии. Эту машину она изучила так досконально, что могла управлять ею во сне, потому сейчас она позволила своим мыслям дрейфовать, стараясь не думать о кошмаре, разбудившем её этим утром ровно за два часа до того, как она намеревалась зарегистрироваться в первый рабочий день в Блэкуотерской больнице после окончания четырехлетней ординатуры.

Веда пыталась не думать о приснившемся ей лице, что сохранилось в памяти. Единственное лицо из её прошлого, которое не вызывало у нее отвращения. Единственное лицо, которое ей предстоит увидеть вновь, ведь она вернулась в город всего лишь чуть более недели назад.

Она задалась вопросом, жил ли до сих пор тот мужчина на острове Тенистая Скала. Тот зеленоглазый полицейский, который вдохнул в неё жизнь несколько лет назад. Тот длинноволосый полицейский, которого она никогда не видела снова, но не проходило ни дня, чтобы она не вспоминала о нем хотя бы раз.

Когда хирург на противоположной стороне операционного стола заговорил, взгляд Веды сфокусировался на нём.

— Извините, доктор Бритлер. Вы что-то сказали?

— Прежде чем мы начнем, я хотел бы узнать одну вещь, я... — доктор Бритлер запнулся, поскольку медсестра обернула синюю хирургическую маску вокруг его носа и рта таким образом, что Веда видела лишь его расширенные холодные серые глаза, когда он поманил её рукой в перчатке.

Её позвоночник выпрямился, и она указала на себя.

— Я — Веда. Веда Вандайк.

— Веда... — доктор Бритлер, которого она встретила несколько минут назад, держал излишне длинную паузу. Светодиодные лампы сверкали над их головами, когда все медсестры суетились вокруг него, готовя комнату и пациента на столе для предстоящей процедуры. Медсестра опустила пару операционных очков на нос доктора Бритлера, надела полиэтиленовую шапочку на его седеющие волосы и помогла ему с хирургическим халатом. Он протянул руки, показав худое тело, и его маска сдвинулась, когда он заговорил. — Веда, я хотел бы кое-что прояснить. Мне плевать, чему вас учили на медицинском факультете в Стэнфорде, мне не нужно, чтобы вы рассказывали мне о том, что я делаю правильно или неправильно в своей операционной. На самом деле, я вообще не хочу вас слышать. Это не командная работа и не демократия.

Глаза Веды расширились.

— Е сли решение должно быть принято относительно пациента на моем столе, то дело доходит до драки. Н езависимо от того, подпадает ли вопрос в сферу анестезии, последнее слово за мной. Ты просто сиди там и помалкивай, ладно, куколка?

Господи. Оскорбил, унизил и сексуально домогался, и все это меньше, чем за минуту. Веда и молодая темнокожая медсестра, подающая скальпели, обменялись взглядами.

— Хорошо, но при всем уважении...

— Я так рад, что мы договорились, — прервал он, прежде чем она смогла вставить замечание, и его глаза весело заискрились.

— Хо... рошо, — она сжала край машины.

Еще даже не середина первого дня ординатуры, а она уже нашла ординатора-засранца.

И ими всегда оказывались хирурги.

— Боже, я ненавижу хирургов, — ворчала Веда, перемещая леденец с вишневым вкусом из левой щеки за правую.

Молодая медсестра-ассистент, которая помогала Веде катить пациента в послеоперационную палату для дальнейшего восстановления, нахмурилась и взглянула на нее с другой стороны больничной койки. Пациент всё ещё был без сознания, но мог проснуться в любой момент, и медсестра приготовила красное фруктовое мороженое к моменту, когда он откроет глаза.

— Да, я тоже, — сказала медсестра. — Хирурги? Худшие, — она нахмурила брови, но от этого стала выглядеть в десять раз моложе. Это было симпатичнее, чем предыдущий нелюбезный хмурый взгляд. Она затянула свои длинные темные волосы в высокий конский хвост и слегка завила концы в спиральные локоны. С полными губами, прямым носом, который был широковат для её лица, тонкими бровями и большими выразительными глазами цвета миндаля, она напомнила Веде младенца, пойманного в ловушку в тело девочки-подростка. Немного понаблюдав за ней, Веда уже знала, что эта девочка никогда не прекращала улыбаться, любила махать незнакомцам и была слишком взволнована сменой «утки». Всепроникающий луч проклятого солнечного света.

Веда не могла сдержать удивления. Для нее это всегда было странно — встречать молодых девушек, которые еще не были уничтожены, испорчены, растерзаны чудовищами уродливого мира, в котором они жили. Мир только и ждёт, чтобы порвать симпатичную молодую темную кожу девочку вроде неё в клочья.

Она наклонила голову, задавшись вопросом, когда наступит этот день. День, когда какой-то человек войдёт в её жизнь и разорвет на куски.

Мысли Веды блуждали и вернулись назад к доктору Бритлеру, который так небрежно провёл удаление аппендицита этим утром. Она вытащила леденец изо рта с причмокивающим звуком, безучастно глядя вперед.

— Действительно ли ужасно, что я почти хотела, чтобы что-то пошло не так, как надо с дыхательными путями, дыханием или кровообращением этого пациента? — спросила Веда. — Именно так я могла спасти день и доказать, что он козел, не так ли?

Помощница хихикнула.

— Отчасти. Но никто в этой больнице не обвинил бы вас. Между собой мы не называем его доктор Бритлер. Вы, знаете. Бритлер... Гитлер... Отбросьте «Р». Доктор Гитлер...

— Не лучшая игра слов, но я соглашусь с вами.

Хихикая, девушка протянула руку через все еще спящего пациента.

— Я — Коко. Я — студентка, работаю здесь медсестрой-ассистентом каждое лето.

Веда вернула леденец в рот и пожала ей руку.

— Веда Вандайк.

— Ты из Тенистой скалы?

— Я родилась здесь. Уехала, когда мне было восемнадцать, и никогда не оглядывалась назад.

— Ты выглядишь очень молодо, чтобы быть врачом.

— Мне 28.

— Анестезиолог, — протянула Коко. — Это охренительная работа.

— Я хотела бы так думать.

— Почему анестезия?

Реальный ответ — она хотела научиться убивать без необходимости прикасаться к кому-либо — мог только навредить наивному взгляду ангела, что стояла напротив нее, поэтому Веда поломала голову, чтобы найти более подходящий ответ.

— Я хотела быть врачом, но мне не нравится портить свой маникюр. Ничто не разрушает маникюр быстрее, чем кровь и кишки. Также я схожу с ума, разговаривая с людьми, поэтому психиатрия исключается. Рентгеновские лучи вызывают у меня слезы, так что «адъёс» рентгенологии. Анестезиология стала единственно возможным выбором.

— Где ты училась?

Да. Это единственное, о чем она любила говорить. Веда в последний раз ощутила вкус леденца на палочке, прежде чем выбросить его в ближайшую урну, потому что ей надоело, что он мешал говорить.

— Стэнфорд.

Коко открыла рот от удивления, а потом с шумом закрыла.

— Это универ моей мечты. Я должна проработать тут четыре года, прежде чем отправить туда заявку, но однажды я хочу стать сердечно-сосудистым хирургом.

— Я думала, что мы ненавидим хирургов.

Глаза Коко расширились, и её улыбка исчезла. Она отдернула длинные рукава белой водолазки, которую носила под розовым халатом, и тянула их вниз, пока они не сползли до пальцев.

— Нет, я вообще-то тоже ненавижу хирургов. Я не знаю, почему сказала, что хочу стать им. Это было глупо.

— Я шучу. Если хочешь стать хирургом, будь им. Для этого нужны мозги и яйца. Я говорю гадости о докторе Бритлере, потому что мне не нравятся высокомерные мужчины, но я бы предпочла надменного человека, который говорит все в лицо, тому, кто сплетничает за спиной.

— Точно, — Коко нахмурилась, её голос сорвался, глаза прикрылись. — Я полностью согласна.

Веда искоса посмотрела на неё. Так значит, кто-то навредил ей однажды. Она была слишком покорной, чтобы быть совершенно неиспорченной.

— Эй! — глаза Коко загорелись. — Хочешь потусить сегодня вечером?

— Я не тусуюсь.

— О, конечно. Я тоже не тусуюсь. Просто мой брат Тодд устраивает сегодня вечеринку в честь своего дня рождения. Я должна пойти, потому что он мой брат, но его друзья такие придурки. Я терпеть не могу оставаться с ними наедине.

— Тодд Локвуд, — сердцебиение Веды ускорилось.

Коко дрогнула.

— Да.

— Тодд Локвуд твой брат? Белокурый белый парень?

«Придурок, извращенец, насильник? Человек, который скоро испустит последний вдох от моей руки?» — Веде удалось прикусить язык, прежде чем реальные вопросы сорвались с губ.

— Ну, Тодд мой сводный брат со стороны отца. Трудно поверить, потому что у меня темная кожа, но мой папа белый. И у меня есть еще один сводный брат, по маминой линии — Данте. Данте владеет баром, где Тодд устраивает вечеринку сегодня вечером. Длинная

история, короче говоря, мои родители действительно неплохо погуляли в свое время. Только Бог знает, сколько родственников у меня разбросано по всей стране.

— Как называется бар?

Улыбка Коко расширилась, и она заёрзала на своём стуле.

— Он называется «Данте». Это у подножия холма, прямо у воды. Так ты придёшь?

«Тодд Локвуд, устраивавший вечеринку на холме?» — мысленно задалась вопросом Веда.

Прошло более десяти лет с тех пор, как она покинула Тенистую Скалу, но Веда знала, что обширный холм, расположенный в самом дальнем углу острова, был все еще пропитан бедностью и деградацией. Веда росла в таких условиях, и красочные хижины, расположенные на холме, всегда напоминали ей о трущобах Рио-де-Жанейро. Так много коварных спусков и кривых темных углов и переулков, скрывающих опасность за каждым поворотом. Большинство детей, рожденных на холме, не были достаточно зрелыми или умными, чтобы оставить его. Веда была одним из тех немногих счастливиц, кому удалось сбежать.

— О, верно, ты же не жила здесь некоторое время. Да, это благоустройство как безумие, — сказала Коко. — Большинство бедных людей были вытеснены дальше, на гору. Все, что на воде, кроме бара «Данте», сейчас принадлежит Блэкуотерам. Они даже купили пристань для яхт и построили загородный клуб. Теперь, чтобы половить там рыбу, тебе нужно членство.

— В связи с тем, что Блэкуотерам не хватает собственной рыбы, они должны выкачивать рыбу, которая кормит бедных детей?

— Полностью с тобой согласна. Но не говори здесь об этом слишком громко, — Коко кивнула на потолок больничной палаты. — Клянусь Богом, у Гейджа камеры на каждом углу. Плюс ко всему, он сегодня здесь, делает обходы с лечащим врачом, и у него уши, как у летучей мыши.

— Гейдж? — спросила Веда, её сердце упало к ногам, когда она подумала об ослепительном мужчине с вечеринки, которая была прошлой ночью. Великолепный мужчина, который поймал её с поличным на лжи, отчего она была вынуждена покинуть помолвку намного раньше, чем предполагала.

— Блэкуотер, — Коко кивнула. Когда Веда просто уставилась на нее, девушка продолжила. — Генеральный директор этой больницы? Сын человека, который владеет этой больницей, а также круизной компанией, которая в одиночку держит весь этот остров на плаву?

— Нет, я знаю, кто такой Гейдж Блэкуотер, — Веда вскочила со стула. — Я просто понятия не имела, что он собирался быть здесь сегодня.

— Он не часто это делает. Каждые пару месяцев он любит заглядывать, чтобы шпионить за нами... — слова Коко затихли, когда Веда повернулась и поспешила к двери.

— Хорошо, пока! Не беспокойся о пациенте, — Коко подняла фруктовое мороженое в руке и помахала им. — Я поняла! Так я увижу тебя на вечеринке сегодня вечером?

Но Веда уже повернула за угол и покинула комнату, исчезнув из виду.

Веда понятия не имела, почему чувствовала себя на грани срыва, настолько выбитой из колеи при одной лишь мысли о Гейдже, который находился тут, в этой больнице. Это был её первый день в ординатуре, в конце концов; конечно, у нее были дела и поважнее, чем

волноваться о богатом парне.

Несмотря на это, она не могла отделаться от бабочек в животе, дрожи в коленях и быстро сохнувших губ, которые она увлажняла языком. Быстро шагая через светлые коридоры больницы, она пыталась прекратить думать о том, как прошлой ночью в его карих глазах сверкало веселье, когда она лгала ему прямо в лицо. Она пыталась прекратить думать о густых волосах, уложенных как у модели в рекламе шампуня, и о линии подбородка, которая могла бы разрезать стекло. Об улыбке, которая растопила в ней те частицы, которые, по её убеждению, были навечно скованы льдом.

Те частицы, которые до сих пор фантазировали о мертвом Тодде Локвуде. Которые жаждали, чтобы та же участь настигла и девятерых остальных. Частицы, которые, как она думала, уже потеряли способность таить...

Ей необходим воздух. Ей необходимо подумать. Ей необходимо подготовиться на случай, если или когда она столкнется с Гейджем.

Веда повернула за угол в шумный коридор, где врачи бегали от одной палаты к другой, пациенты заполняли документы, медсестры развозили больных в инвалидных креслах и каталках, и резко остановилась.

Там был он, Гейдж Блэкуотер, одетый в безупречный темно-синий костюм и черный галстук. У входа в больницу мужчина опирался на большую круглую стойку ресепшена, расположенную около огромного панорамного окна. Пациенты и врачи входили и выходили из здания, снаружи свистел ветер, заставляя его волосы танцевать. Так или иначе, его черные как уголь волосы оставались идеальными, даже когда он двигался. Она впилась ногтями в ладони, тогда как её пальцы жаждали прикоснуться к шелковистым прядям.

Не обратив никакого внимания на пристальные взгляды, Гейдж улыбнулся женщине за столом информации — старшей медсестре, и повернул голову в сторону Веды.

Сердце Веды застучало сильнее, а все её тело подпрыгнуло от неожиданности. Она отвернулась от Гейджа, прежде чем их глаза встретились, и, выругавшись про себя, поспешила обратиться с глаз долой.

«Боже, Веда, сколько тебе лет? Ты действительно только что убежала от человека, потому что он бросил в твою сторону мимолетный взгляд?»

Веда провела рукой по плотно стянутым в пучок волосам, убрала несуществующие выбившиеся волоски и заметила, что её лоб покрылся испариной.

Она двигалась по коридору на максимальной скорости, стремясь держаться как можно дальше от этих карих глаз, этой золотистой кожи, этих накаченных рук, так прекрасно обрисованных тканью дорогого костюма.

Пытаясь отвлечь себя, она заглядывала в открытые двери каждой больничной палаты, двигалась, и пыталась напомнить себе, что была здесь для того, чтобы выполнять свою работу. Менее чем через час ей нужно подготовить другого пациента для своей третьей операции на сегодня, третьей из пяти, и ей нужно было взять себя в руки, прежде чем операция начнется.

Увиденное в следующей палате заставило её остановиться, запнувшись о собственные ноги, и вылететь из комнаты, убеждая себя, что глаза обманули её.

Сидевшая на краю больничной койки, болтая голыми ногами взад-вперед под бумажной медицинской рубашкой, оказалась той самой брюнеткой с прошлой ночи. Девушка, которая отказалась идти с Ведой, когда она предложила отвезти её домой. Которая едва могла стоять, когда Тодд Локвуд тянул её через пляж и, в конечном счете, посадил в свой

автомобиль, умчавшись прочь.

Сердце Веды подскочило к горлу, и ей даже не пришлось читать карту пациентки, чтобы узнать, что произошло.

Она знала Тодда Локвуда.

И это была вся информация, которая ей нужна.

Тем не менее, Веда выхватила файл женщины из акрилового держателя для карт на болтах рядом с дверью, листая его. Быстрый беглый взгляд на размашистый почерк доктора разбил сердце Веды надвое.

Её звали Сара Адамс, и она была доставлена рано утром с разрывами в анальной и вагинальной полости. Разрывы были вызваны отсутствием смазки во время полового акта.

Прижимая карту к своей груди, с бешено колотящимся сердцем, Веда проскользнула в палату, прячась за голубую занавеску и осматриваясь вокруг.

Голубые глаза Сары Адамс больше не были наполнены пьяным веселым, как накануне ночью, когда она хихикала под рукой Тодда Локвуда на пляже. Нет, теперь её глаза были огромными как блюдца, как будто они оставались открытыми только благодаря невидимым нитям. Эти глаза были заполнены слезами, а под левым глазом распух уродливый черный синяк. Девушка говорила с широкоплечим мужчиной, стоящим перед ней.

Мужчина, стоящий спиной к Веде, был высоким, не менее шести с половиной футов, и обладал широкими плечами. Наверняка, его вес превышал двести фунтов. Он носил обычную одежду, джинсы и черную футболку, но властность в его голосе кричала о том, что он полицейский. Комнату наполнил глубокий как теплое какао голос, который идеально соответствовал его мускулистому телу. Его мужественное доминирование было настолько лаконичным, что даже длинные волосы, которые были завязаны в пучок на затылке, нисколько не мешали этому впечатлению. Само его присутствие, его голос, его отношение и его огромные размеры просто кричали об опасности.

— Нет никаких причин для отказа от обследования после изнасилования, когда вы уже здесь, в больнице, — сказал мужчина, и в его мягком голосе появился огонь, когда он скрестил большие руки, отчего мышцы на них забугрились.

Слезы Сары капали с длинных опущенных ресниц, словно пропитанные её болью.

— Я уже сказала вам, — прошептала она. — Он не насиловал меня.

— Спустя пять часов после того, как вы покидаете вечеринку с Тоддом Локвудом, вы появляетесь в больнице с кровотечением от анальных трещин и разрывов. В рачи утверждают, что они могут быть получены только в результате чрезмерного, нежеланного давления, и вы говорите мне, что он не насиловал вас?

Она подняла на него взгляд, и прохрипела:

— Да.

— По крайней мере, мы должны сделать анализ на токсины, чтобы исключить рогипнол (Прим.: рогипнол — запрещенное снотворное без цвета, запаха и вкуса; его могут подсыпать в бокал жертве, чтобы заняться сексом, пока та спит) и гаммагидроксибутират (Прим.: так называемый «наркотик для изнасилования»).

— Я уже сказала вам, — её голос понизился еще больше, а мягкий всхлип прервал его на полуслове. — Он не заставлял меня. Мне нравится грубо, хорошо? Мне нравится.

— Черт возьми, что ты делаешь? — он попытался смягчить свой голос, но сила все еще присутствовала в нем. — Послушай, я не рассказываю об этом всем подряд, ясно? Но... — ему пришлось сделать паузу, как будто он обдумывал, стоит ли договаривать. Он глубоко

вдохнул, словно собирался с силами, а потом накрыл рукой свое сердце. — Я — результат изнасилования. Какой-то мудака тридцать два года назад взглянул на мою мать, и решил, что её тело больше не принадлежит ей.

Сара засопела, взглянув на него.

Он ткнул пальцами в грудь.

— Я знаю, как трудно это может быть для женщины. Я видел это своими собственными глазами. Моя мать была наркоманкой первые восемь лет моей жизни, потому что это был единственный способ, который она знала, как справиться со всем дерьмом. Но это не единственный способ борьбы. Вы можете разобраться со зверем, который сделал это с вами. Вы сможете разобраться, посадив его за решетку, чтобы он не смог сделать это ни с кем другим. Почему в этом городе нет никого, кто готов выступить против этих людей? Не позволяйте им спустить все на тормозах, — он протянул руку и схватил Сару за предплечье, его твердый бицепс увеличился, когда мужчина сжал пальцы и потряс её.

Веду затрясло при виде его сгибающегося бицепса, демонстрировавшего силу, которую он использовал.

Хныканье Сары сменилось рыданиями, и мгновение спустя превратились в настоящие слезы. Дергая рукой, девушка, пыталась вырваться из его сильной хватки.

Он отпустил её, убрав хватку с руки, и наблюдал, как она закрыла руками залитое слезами лицо. Полицейский замер, как если бы сам обалдел от того, что позволил себе коснуться её подобным образом. Серебряное обручальное кольцо отсвечивало на его безымянном пальце.

— Извините. Я не хотел хватать вас.

— Просто оставьте меня в покое! — закричала Сара в сомкнутые руки.

Он сделал шаг назад, а потом еще один, прежде чем отвернуться от девушки. Золотой значок детектива на длинной цепи качнулся на его шее, когда он бросился к двери.

Веда выпрямилась, когда мужчина встретился с ней взглядом. Что-то подсказывало ей бежать, но она поняла, что было уже слишком поздно. Карта, которая была прижата к её груди, почти рухнула на пол. И не потому, что коп поймал её на шпионаже, а потому, что его зеленые глаза прожгли её насквозь, и она почувствовала, как кровь закипела в венах.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, милая, — его голос был глубоким. — Я нашел тебя, плавающей в воде, и сделал искусственное дыхание «рот в рот».

Он замер, когда увидел Веду, его пухлые губы раскрылись одновременно с её. Глаза девушки путешествовали по его лицу, задержавшись на глубоком шраме, что разрезал его левую бровь пополам.

Мужчина потянулся к ней, но едва успел коснуться подушечками пальцев её щеки, прежде чем Веда закричала изо всех сил и вскинула руку, пробороздив ногтями его лицо.

Его голова дернулась от удара, и он прикоснулся к своей брови, так же мягко, как к ее щеке до этого. Когда он отошел с собственной кровью на своих пальцах, его взгляд не отрывался от ее глаз.

Грудь Веды вздымалась, пока его глаза изучали её. После минутного колебания, детектив продолжил двигаться к двери, повернув шею и удерживая её взгляд.

Он был силен в переглядывании. Веда вспомнила этот неодобрительный взгляд, как

будто все произошло только вчера.

В взгляд детектива оставался хмурым, ноздри слегка раздувались. В сочетании со щрамом на брови, он выглядел прямо-таки злобным и опасным словно лев, всегда готовый к прыжку.

Веда расправила плечи и ждала этого прыжка.

Вместо этого он поднял свою изуродованную бровь, скривил губы и отвернулся, скрываясь за углом в коридоре.

Веда фыркнула и бросилась вдогонку.

— Эй! — крикнула она, быстро догнала его со спины и схватила за руку.

Он остановился посреди оживленного коридора, и, не оборачиваясь, посмотрел вниз на руку, которой она ухватилась за него. Лишь потом он оглянулся через плечо. Его обжигающий взгляд пронзил её, и его бровь поднялась снова.

Веда сглотнула и сжала пальцы вокруг его бицепса, который на удивление был приблизительно в десять раз твёрже, чем выглядел. Она подняла глаза, вынужденная вытянуть шею просто, чтобы встретиться с его пристальным взглядом.

Она посмотрела вниз и увидела до боли знакомую ткань темно-синих брюк, что видела на них.

Мужчина в успокаивающем жесте снова показал ей свои ладони.

— Я — офицер полиции. Я бы никогда не навредил тебе. Ты можешь доверять мне.

— Эй, — сказала она низким голосом, убирая руку.

Он шагнул к ней, и она дала ему время, чтобы изучить её. Веда ждала, что мужчина увидит в ней ту же ярость, которую она видела в нем. Девушка ждала признания.

Детектив кивнул головой, как будто ждал, что она продолжит.

Веда просунула руку в карман своего хирургического костюма, сжимая пальцы вокруг бронзового медальона внутри.

Он встряхнул медальон.

— Он моей матери. Это был первый трезвый год, когда она получила это от общества анонимных алкоголиков. Каждый раз, когда я боюсь, то просто сжимаю его в руке, по-настоящему сильно, как только возможно, — он схватил медальон, скрыв его в своей большой ладони. — И это напоминает мне, что... что все будет хорошо.

— Я видела их, — прохрипела Веда, едва в состоянии вспомнить английский язык. Она взяла медальон из своего кармана и спрятала его в кулаке, жестом указав на больничную палату позади нее. — Я видела Сару, которая уходила с вечеринки вместе с Тоддом Локвудом прошлой ночью.

Его брови оставались поднятыми.

Веда продолжила.

— В конце концов, вы не можете просто так уйти. Я говорю вам, что видела их. Я видела, как она садилась с ним в машину, пьяная, ничего не соображающая. И этот синяк у нее сегодня... его не было прошлой ночью. Я не сомневаюсь, что Тодд что-то ей подсыпал. Он изнасиловал её, — голос Веды сбился. — Вернитесь туда и сделайте что-нибудь с этим. Не позволяйте ей бежать от этого.

Веда вскочила на ноги и помчалась прочь. Её ноги дрожали, несколько раз она спотыкалась, но когда вообразила себе, что он преследовал её и как легко он сможет поймать её и причинить боль так же, как это сделали они, скачок адреналина, порожденный слепым страхом, заставил её двигаться еще быстрее. Она не останавливалась до тех пор, пока не добралась до дома.

— Вы не можете позволить ей убежать от этого! — воскликнула Веда дрожащим голосом. — Что еще более важно, вы не можете позволить, чтобы все сошло с рук Тодду Локвуду.

В зеленых глазах детектива бушевал огонь, мужчина поднял бровь со шрамом, снова повернулся к ней спиной и пошел прочь.

Ошеломленная Веда смотрела ему вслед. Когда детектив исчез за другим углом, она помчалась вслед за ним.

— Эй! — воскликнула она, привлекая к себе внимание всех окружающих, кроме него.

К тому времени как она снова заметила его, он уже добрался до фойе больницы, распахнув одну из стеклянных дверей с такой силой, что было удивительно, как она не разбилась. Окружающие оставили все свои дела, чтобы посмотреть, как он исчезает снаружи.

«Даже не думай об этом!» — шептал голос в голове у Веды.

Её трясло, и она стояла, не понимая, что длительное время не спускала глаз с тех стеклянных дверей. Повернув голову, она встретилась глазами с Коко.

Коко понимающе ухмыльнулась.

— Тебе бы лучше спрятать эти выпученные глаза прямо сейчас.

— Мои глаза больше, чем на выкате.

— Каждая женщина в этой больнице влюблена в Линка, — сказала Коко, кивнув в направлении дверей, сквозь которые он только что вышел. — Они ампутировали бы руку, чтобы заполучить его.

Веда опять оглянулась назад на двери, и её сердце бешено заколотилось в груди. Она давала ему множество имен за все эти годы, но, ни одно не было столь же прекрасно как это.

— Линк?

— Детектив Линкольн Хилл из спецотдела полиции по преступлениям сексуального характера. Он местный, но уже ушел с рынка холостяков.

Веда взяла себя в руки и пыталась сохранить хладнокровие.

— Я знаю, что ему это больше не интересно. Заметила кольцо на пальце.

— Да, он покинул рынок, потому что женат.

Веда бросила на нее любопытный взгляд. Коко понизила голос до шепота.

— Его жена пропала без вести пять лет назад. Дело было закрыто, но он все еще носит свое обручальное кольцо. Линк не был замечен с другой женщиной с тех пор, как она исчезла. Я предполагаю, что он думает, что предаст её, даже притом, что она, очевидно ... — Коко сделала паузу. — Он одержим идеей найти её.

— Это ужасно, — Веда нахмурилась в сторону дверей.

— Твои глаза все еще навывкате.

Веда опять посмотрела на девушку.

— Нет.

— Не волнуйся. Он действует так на всех. Просто не обижайся, если он никогда не обратит на тебя внимания, — рассмеялась Коко, подтолкнув её плечом. — Так ты придешь? Сегодня в «Данте»?

Веда перевела взгляд обратно на двери. Если ни Сара, ни Линк не сделают то необходимое, чтобы уничтожить Тодда Локвуда, Веда будет счастлива взять дело в свои руки.

— Я буду там, — сказала она, ведь её сердце жаждало крови.

Детектив Линкольн Хилл вошёл в отделение полиции Тенистой Скалы во второй половине дня. Участок был расположен у подножия холма, выступая на острове в роли своеобразного барьера между районом трущоб и более богатыми домами. Его всегда забавляло то, что он мог пройти один квартал налево или направо и оказаться в двух совершенно разных мирах.

На первом этаже выстроились в ряды десятки столов, и каждый из них был завален полицейскими досье, гора из которых становилась только выше и никогда не уменьшалась. За несколькими столами детективы рывкали в телефонные трубки или заполняли документы, которые, казалось, никогда не закончатся.

Линк остановился у своего стола и встретился глазами со своей напарницей — Харриет Веллс, сидевшей за столом напротив него. Харриет — пожилая женщина, латиноамериканка, которая не была дерьмовым человеком, как многие вокруг; она просто была единственной в этом участке, кого Линк опасался.

Как ни странно, офицер Веллс являлась одной из тех людей, кто никогда не пытался его запугать.

Их взгляды встретились, и Харриет показала ему фотографию обнаженной девушки, лежавшей в собственной крови на бетонном полу; место преступления было огорожено полицейской лентой.

— Дом Мэта на вершине холма. Она вышла и застрелилась.

— Они всегда так делают.

— Предупреждаю, — женщина понизила голос. — Капитан пронюхал о том, что сегодня ты схватил потерпевшую за руку. Он недоволен.

— Что еще нового? — Линк нахмурился, взял свои ключи от машины и подмигнул ей. — Спасибо за своевременное предупреждение.

— Ты сделал бы то же самое для меня. Давай, уходи.

В тот момент, когда Линк уже направлялся к дверям участка, чуть ускорив шаг, глубокий голос прокричал его имя со второго этажа.

— Детектив Хилл. В мой офис.

Линк остановился как вкопанный.

— Чёрт.

Через стеклянные двери он мог видеть свою машину, припаркованную менее чем в ста футах. Он мог притвориться, что не слышал своё имя и сбежать.

Громкость голоса капитана увеличилась.

— Линкольн. В мой офис. Сию же минуту.

Линк терзал нижнюю губу на протяжении всего пути вверх по лестнице, и чувствовал на себе взгляды коллег, пристально наблюдавших за каждым его шагом, пока он закрывал за собой дверь в кабинет капитана. Сделав глубокий вдох, он повернулся к нему и прислонился к двери.

Капитан Леонард Фокс сидел, скрестив руки. Его иссиня черные волосы, зачёсанные назад, подчеркивали его преклонный возраст и открывали покрытое шрамами от оспы лицо, а так же серьезные карие глаза. Его губы были сжаты в тонкую линию, отчего он выглядел еще старше.

— Я не хватал эту девушку с намерением причинить ей боль, понятно? — сказал Линк. — Я взял её за руку в момент отчаяния, но не причинял ей вреда.

— У её отца была другая версия произошедшего, которую он рассказал, когда звонил мне этим утром. Её отец — Сидни Адамс, знаешь такого? Стальной магнат с достаточным количеством денег и возможностями оставить нас обоих без работы, если он так решит.

Линк отвёл взгляд, плотно сжав губы.

Леонард вцепился в стол, опустив голову.

— Ты поклялся мне, не заставляй меня это делать.

Линк держал руки по швам.

— Так не делай этого.

Леонард продолжал, как будто не слышал его, качая головой, все еще не поднимая её.

— Ты поклялся мне... но ничего не изменилось, Линк. Ты становишься обузой. Легко замять дело, когда ты занимаешься рукоприкладством с головорезами и преступниками, но с дочерьми известных бизнес-магнатов? Господи, кто следующий? Ты также собираешься задушить Селесту Блэкуотер? Может, полетишь в Вашингтон и покажешь Саше Обаме, кто здесь главный? (Прим.: Саша Обама — младшая дочь бывшего президента США).

Линк избегал взгляда капитана и при этом поглаживал рукой свою покрытую щетиной челюсть. Это напрягало, его пристальный взгляд вновь устремился к Леонарду.

— Эта девочка была изнасилована Тоддом Локвудом.

Леонард застонал и опустился в свое рабочее кресло, спрятав голову в ладонях.

Линкольн продолжил наступление.

— Но, как всегда, он нашел способ её заткнуть. Безмолвно напугать. Чем-то, в чем все они повязаны, Лео, и ты знаешь об этом. Блэкуотеры. Локвуды. Почему случается так, что девяносто процентов женщин, которые были изнасилованы на этом острове, пострадали во время или после мероприятия, организованного одной из этих семей?

Леонард поднял голову, поставил локти на стол и поднес сжатые руки ко рту. После чего прищурил глаза.

— Я отправляю тебя в административный отпуск.

— Лео...

— Четыре недели, с оплатой. И мне пришлось побороться, чтобы добиться этого для тебя, — он ткнул пальцем в сторону Линка. — Ты вернешься назад, в этот полицейский участок, после получения одобрения от консультанта по управлению гневом.

— Ты что, бл*ть, шутишь.

— Я нахожусь в безвыходном положении, Линк. Люди болтают разное. Задают вопросы. Я не могу больше предоставлять тебе привилегированное положение. Я понимаю, что ты борешься. Я понимаю... — Лео вздохнул.

Линк облизал губы.

Лео хранил молчание в течение минуты.

— Я тоже скучаю по ней.

Линк съёжился. Его челюсть снова напряглась. Он отвел взгляд, когда пламя в его глазах полыхнуло с новой силой.

Леонард слегка смягчил тон.

— Я скучаю по Лизе... все время. Но чрезмерное насилие, агрессивное поведение, запугивание? Это должно прекратиться. Тебе нужно начать учиться тому, как... как её отпустить, или ты собираешься жечь и крушить все на своем пути?

Линк снова облизал губы, вцепившись взглядом в Лео.

Капитан держался стойко.

— Возьми месяц отпуска. Поговори с консультантом. Твоя работа будет ждать твоего возвращения, но в остальном у меня связаны руки.

Без лишних слов Линк повернулся, ухватился за открытую дверь кабинета и захлопнул её за собой.

Прошло много времени с тех пор, как Веда наряжалась на вечеринку. Но не потому, что не хотела, а потому, что для этого просто не представлялось ни единой возможности. Как студентка колледжа и медицинского университета, она была слишком занята, чтобы наслаждаться настоящей общественной жизнью. Впервые за много лет, когда она наконец-то надела платье, стала та ночь, когда она потерпела фиаско на помолвке Гейджа Блэкуотера. Сегодня вечером она снова надела платье, уже второй раз меньше, чем за неделю. Темно-синее макси в горошек для вечеринки по случаю дня рождения Тодда Локвуда в гриль-баре «Данте».

Должно быть, это желание наряжаться в ней пробуждал скрытый убийца.

Веда любовалась собой в зеркале, а затем просунула пальцы под лямку платья, которая начиналась у декольте, проходя через шею, и отыскивала там крошечный пузырек с прозрачной жидкостью.

Она приподняла пузырек до уровня глаз, наклонила его из стороны в сторону, и принялась наблюдать, как прозрачная жидкость перекачивалась по небольшой ёмкости.

Одна капля этой жидкости была меньше кончика её ногтя.

Достаточно мощная капля, чтобы поставить десять человек на колени.

Лишь одной каплей она смогла бы закончить то, ради чего приехала.

Она могла бы убить их всех.

Веда верила в могущество терпения. Отсроченное удовольствие. Она выбрала этот препарат не только потому, что его невозможно было обнаружить в анализе на токсины, но и потому, что он был медленного действия. Она хотела своего рода изысканной кульминации, которая будет дарована только тем, кто готов играть в долгую игру. Она хотела видеть выражение глаз каждого из них, вместе и по отдельности, в тот момент, когда мужчины осознали бы, что теперь она отнимает у них то, что когда-то они забрали у нее. Она хотела видеть свет, который покинул бы их глаза, как это было с ней. Так дьявольски медленно и спокойно, и они даже не поймут, что были обречены, пока не станет слишком поздно.

Таким образом, сегодня вечером на этом крошечном пузырьке, который она украли из больницы... крошечном пузырьке, который был достаточно сильным, чтобы убить десятерых мужчин... было только одно имя.

И это имя — Тодд Локвуд.

От вида со второго этажа в баре «Данте», у Веды напрочь перехватило дыхание. Впереди у пристани для яхт Тенистой Скалы выстроились ряды судов, а бирюзовые воды были настолько чисты, что легко можно было рассмотреть камни и водоросли на дне. Справа от нее находился холм, на котором она выросла, всё ещё усеянный домами всевозможных оттенков, несущих следы музыкальной культуры и творчества, которые могли родиться только в недрах чудовищной бедности. Некоторые дома скрыл туман,

спустившийся с вершины холма. Слева от нее располагался новый загородный клуб, где миллиардеры весь вечер загоняли мячи в лунки на огромной лужайке, а нищета на холме менее чем в двух кварталах от них, либо оставляла их равнодушными, либо они просто не предполагали о её существовании.

Круизное судно Блэкуотеров, готовящееся отплыть нынешним вечером, было пришвартовано вдалеке, в конце длинной бетонной пристани. Это был закат круизного сезона Тенистой Скалы, и сотни, слоняющихся вокруг посетителей разъехались, возвращая острову первоначальное спокойствие и тишину, вплоть до наступления нового курортного сезона.

Ничего не изменилось в Тенистой Скале. По-прежнему скромный остров, с одной стороны достаточно небольшой, чтобы от наплыва туристов создавалось ощущение тесноты, но достаточно крупный, чтобы богатые и бедные могли бы сделать вид, что друг друга не существовало.

Белая палочка между губами описала медленный круг, когда Веда перевернула леденец с клубникой под языком. Девушка опиралась на стеклянные перила верхней палубы бара, которые были скользкими от тумана и влажности океана, и вдыхала запах водорослей. Её длинное платье струилось вокруг лодыжек, а глубокий разрез обнажал ногу. Большинство гостей бара собрались внизу в ожидании главного гостя этого вечера. Веда знала, что это был всего лишь вопрос времени, прежде чем они заполнят белые столы и стулья на верхней палубе, развалившись под красными зонтами, но данный момент был только её.

Ей нравилась эта дистанция.

Ей нравилось быть наедине с собственными мыслями, с демонами в голове, составлявшими ей компанию. Они напоминали ей о причине, по которой она была здесь.

Девушка позволила себе крутить пузырек в руке, пока наблюдала, как каждую минуту очередной роскошный автомобиль въезжал на парковку внизу, и большинство из водителей занимали больше, чем одно место, чтобы защитить свои драгоценные машины. Её желудок мутило при мысли об общении с этими несчастными людьми, но поскольку она ждала Тодда Локвуда, который должен был приехать на своем «Астон Мартин», она знала, что это будет того стоить.

Быстро и легко. Вперёд и назад. Одна капля из этого флакона в его напиток, когда он отвернется, и миссия будет завершена. Как божественно бы было поймать его таким же образом, как и он её. Наблюдать, как он с трудом проглатывает напиток с необузданным остервенением, понятия не имея об опасности, стекающей по горлу. Он изменил её жизнь безвозвратно, когда отравил её, восемнадцатилетней девушке, напиток, и теперь она была здесь, готовая удостоить его той же участи.

Один глоток — это всё, что требовалось. Один глоток, и Тодд продолжил бы наслаждаться своим последним днем рождения на Земле в той же манере, как вел себя в течение всей своей жизни — как полный придурок, поскольку яд распространялся бы медленно, как враждебный захватчик иммунной системы. На самом деле, он бы не умер сразу, а чуть позже той же ночью после того, как приехал бы домой. Возможно, в тот самый момент, когда он будет забирать жизнь у своей будущей жертвы — настолько глупой, чтобы пойти к нему домой.

К утру он будет мёртв.

А затем она перейдет к номеру два.

Улыбка расцвела на лице девушки, когда сзади раздался голос.

— Ну, здравствуй, незванный гость!

Глаза Веды беспокойно закрылись от звука глубокого знакомого голоса. Она вытащила леденец изо рта и попыталась проигнорировать бабочки. Веда сжала пальцы вокруг флакона в другой руке, и мгновенная боль пронзила каждый дюйм её тела. За столько времени она привыкла ничего не чувствовать ко всему вокруг, и независимо от того, какие ощущения возникали у нее в присутствии этого человека, а она понятия не имела, что это было, порыв зарычать смешался со страстным желанием, с которым она не знала, что делать. Девушка держала глаза закрытыми, даже когда знакомый аромат того самого, сводящего с ума одеколona, которым он пользовался в ночь их предыдущей встречи, начал витать так близко. Слишком близко. В дюймах от неё. Он не прикасался к ней, но, так или иначе, она чувствовала его.

Веда стряхнула кудри с лица и даже не повернула головы.

— С вашей стороны было очень грубо, — сказала она, — позволить мне одурачить себя подобным образом, — она не взглянула на него, её разум бушевал. Но в следующее мгновение Веда повернула голову и, встретившись взглядом с Гейджем Блэкуотером, резко вдохнула.

Одетый в облегающую черную футболку и темно-серые слаксы, опираясь одним локтем на перила, он жестом показал на себя и высоко поднял брови. Он боролся с улыбкой на лице, но она отражалась в его глазах.

— Так это моя вина, что ты ворвалась без приглашения на мою помолвку? — глубокие морщинки обозначились около глаз, когда он улыбнулся, но от этого лицо мужчины не стало выглядеть старым. От этого его лицо засветилось, да так, что этому свету позавидовало бы даже солнце. — Итак, я виноват в том, что вы лгали мне в лицо, проникнув на помолвку?

— На самом деле... — пробормотала она, попытавшись сосредоточиться и не обращать внимания на его восхитительную улыбку. — Да. Это полностью ваша вина.

— Пожалуйста, продолжайте, — он скрестил руки на груди, опёрся бедром о перила и устроился поудобнее.

Она сжала губы.

— Вы уличили меня во лжи.

Он кивнул, нахмурившись, как будто всерьез задумался над этим.

— Ясно.

Голос Веды повисился.

— Задавая мне вопросы, на которые вы уже знали ответ. Провоцируя, а затем, раскрывая мою выдумку... просто чтобы развлечь себя... — она позволила голосу затихнуть, когда поняла, насколько смешной казалась. Она боролась с желанием продолжить, напомнив себе, почему находилась здесь и зачем вернулась в Тенистую Скалу. Уж точно не для того, чтобы спорить с этим блистательным богатым мальчиком, так зачем продолжать спор? Жар залил её щеки.

Он облизал губы, наклонив голову, пока его глаза блуждали по её лицу.

— Почему вы уехали так скоро?

— Полагаю, я решила уйти перед тем, как у вас появится шанс вышвырнуть меня оттуда.

— Я не выгнал бы вас. Моя мать, напротив... — усмехнулся Гейдж. — Так что заставило вас выбрать мою помолвку?

Она смахнула волосы с глаз и напряженно задумалась. Она не могла сказать ему, что была на помолвке с целью найти десятерых её худших врагов, всех тех, кто был в его списке

приглашенных. В то же время, какая-то её часть никогда не хотела лгать ему снова.

— Наслаждение бесплатными напитками, — сказала она. — Подумала, что у семьи с состоянием в двадцать миллиардов долларов должен быть вполне подходящий ассортимент.

У улыбка Гейджа засияла ярче.

— Вполне логично.

— Почему вы позволили мне остаться? Несомненно, у самой богатой семьи в Тенистой Скале есть много тайн, которые необходимо беречь. Разрешить постороннему оставаться на семейном торжестве — довольно опрометчивый поступок.

— Если бы у меня была миссия выгнать каждое незнакомое лицо с этой вечеринки, то три четверти из списка гостей были бы уже выпровожены.

— Три четверти лиц на вашей собственной помолвке были вам не знакомы? Как это произошло? — когда он не ответил, она затолкнула леденец назад в рот, надеясь, что это поможет запереть её болтающий без умолку рот на замок.

— Вы когда-нибудь выпускаете леденец изо рта? — его голос стал мягче. — С каким вкусом этот?

Веда резанула по нему взглядом. Он не ответил на её вопрос, поэтому она не собиралась отвечать на оба его вопроса.

Он уставился на белую палочку, которая торчала между её губ, и девушка облизала свои губы.

— Как будто ложь на моей помолвке была недостаточно грубым поступком, вдобавок вы израсходовали довольно много энергии, когда уклонялись от встречи со мной в больнице сегодня утром. Честно говоря, моё самолюбие было немного задето.

Веда медлила с ответом и игнорировала вопрос, потому что болезненное ощущение в животе усилилось и стало почти невыносимым, от чего её обычно размеренное дыхание сделалось прерывистым, не говоря уже о мыслях. Она отвела взгляд, сосредоточившись на сотне белых лодок, покачивавшихся у пристани внизу.

— Конечно, я избегала вас, — сказала она после того, как вытащила леденец изо рта и остановилась на мгновение. — Какая женщина не будет избегать человека, который флиртовал с ней на собственной помолвке? На глазах у будущей жены?

— Я флиртовал с вами? — Гейдж просиял в неверии и, оттолкнувшись от перил и выпрямившись, запустил руки в карманы.

Веда посмотрела на него. Боже, а он был высоким. По меньшей мере, шесть футов три дюйма.

— Да, — удалось прохрипеть ей. — Вы флиртовали со мной. Но кроме этого, вы были настолько дерзким, что упомянули даже об африканской диаспоре. Как будто темнокожая девушка обязана опустить свои трусики в тот момент, когда какой-то белый парень произносит два этих слова.

— Я видел, как вы пялились на меня!

— Я понятия не имела о вашем существовании, пока вы не заговорили со мной в баре.

— Как вы можете лгать себе подобным образом?

Веда захохотала и почувствовала, что её глаза распахнулись.

Он протянул руку, легонько коснулся костяшкой указательного пальца мягкой ткани платья и погладил её талию, после чего его голос смягчился.

— Эти большие глаза... они рассматривали меня, — одновременно их грудные клетки приподнялись на вдохе, и мужчина отдернул руку, засунув её в карман. — Если кто-то и

флиртовал, то это была ты.

Веда засмеялась и пробежала взглядом по его телу.

Он приподнял бровь и снова ухмыльнулся.

Девушка оттолкнулась от перил и начала отступать, не прерывая их зрительного контакта, а затем снова расхохоталась, но в этот раз громче, застряв где-то посередине между глумлением и презрением.

Гейдж презрительно фыркнул, и на его лице вспыхнул гнев.

Этот обмен взглядами продолжался, они оба издавали презрительное фырканье до тех пор, пока расходились все дальше и дальше. А потом Веда спустилась по лестнице и не исчезла с глаз долой.

Только когда она добралась до первого этажа, до неё дошло, что они оба вели себя как дети.

Прошло много времени с тех пор, как Веда видела эту часть себя. Этого внутреннего ребёнка. Того, кто мог презрительно фыркнуть, если разговор поворачивался не в её пользу. Ребёнок, который, как она была уверена до этого момента, был давно мёртв.

Она прикрыла рот рукой, пока передвигалась по первому этажу бара, не желая, чтобы кто-нибудь увидел её глупую улыбку.

И когда эта улыбка задержалась чуть дольше, она поклялась держаться подальше от Гейджа Блэкуотера.

Он был ничем иным, как опасным отвлечением.

Стоя на парковке, Гейдж с минуту наблюдал за ней снизу-вверх, прислонившуюся к перилам второго этажа, и не мог оторвать взгляд. Не успев поприветствовать всех своих друзей на первом этаже бара, он взбежал вверх по лестнице, перешагивая через две ступеньки. Мужчина не мог не приблизиться к восхитительным густым кудрям, что создавали ореол вокруг её головы и были, вероятно, даром свыше, к этой коже молочно-шоколадного цвета, которая, казалось, впитывала лучи заходящего солнца, к этому длинному платью, которое развевалось дуновением вечернего бриза, дразня его сознание невероятным видом её гладкого шелковистого бедра. Гейдж не решался приближаться к ней, стоявшей у перил. А когда встретился с ней взглядом, то был не в силах удержать свой глаза, и опустил их на леденец, который оставался зажатым между её полными губами.

Боже, её губы.

Он не мог остановиться. Даже когда в голове зазвучал голос матери.

— Почему у меня такое чувство, что ты не смутился бы разделить спальню с девушкой, общением с которой наслаждался в баре этим вечером?

Мужчина убедил себя, что его мать слишком остро отреагировала, ведь она часто так делала. Он смирился с женитьбой на Скарлетт Ковингтон. Мужчина принял то, что чем бы все это не являлось, оно было ложью.

Гейдж жил в мире, где правили деньги. Когда дело доходило до денег, любовь не учитывалась. Любовь была подделкой. Сказкой. В его мире любовь была не более чем деловой сделкой.

И, к счастью он увидел, как ангел с пушистым ореолом волос отхошла от перил, казалось, в отчаянной попытке сбежать от него, и в то же время презрительно фыркая. Он вернул ей это фырканье.

Любовь — это ложь.

Эти волнительные ощущения в животе? Счастливая случайность. Его грохочущее сердце, которое, казалось, через секунды разорвет грудную клетку. Его опьяненное сознание было не в состоянии стереть из памяти её лицо с тех пор, как он впервые её увидел. Хорошо... Гейдж ещё не совсем разобрался в этих ощущениях.

В любом случае.

Его мать права.

— Ты так сильно хочешь управлять отцовской компанией, однако, не желаешь делать то, что нужно, чтобы заработать это право.

Гейдж был готов сделать всё, чтобы получить это. Если он хотел существенную часть компании своего отца и реальное место в семейном бизнесе, то Скарлетт должна стать его жизнью. Скарлетт — его будущее. Скарлетт — его единственно возможный вариант.

Даже если каждой клеточкой своего существа он понимал, что не может последовать вниз за шоколадной богиней на первый этаж, он сделал это.

Гейдж облокотился на перила и рассматривал пристань, сомкнув губы в улыбке, которые все еще покалывало от презрительного фырканья.

Рев «Астон Мартин» его лучшего друга, припарковавшегося на стоянке внизу, завладел его вниманием, и Гейдж оттолкнулся от перил, направившись к ступенькам, чтобы поприветствовать именинника.

Последнее, что «волновало» Веду — это изучение новых сведений о Тодде Локвуде. Единственная новая информация, которую она действительно хотела знать, так это, как его тело покинет последняя капля жизни. Он будет биться в конвульсиях? Пройдут ли по его телу судороги? Его глаза останутся открытыми, когда он испустит последний вздох, или же будут медленно закрываться трепещущими веками? Столько восхитительных возможностей, и все они украшали её мечты в течение многих лет.

Но что кроме этого? Никто другой, кроме Тодда, умирающего ужасной, мучительной смертью больше не интересовал В еду...

Что сделало всё еще более странным, когда она поймала себя на том, что изучала информацию о нем...

Как, например, тот факт, что он никогда в жизни не поворачивался спиной к своему напитку.

Вообще.

Понаблюдав за ним через переполненный бар, Веда прокляла себя за то, что недооценила его. Конечно, человек, который постоянно отравлял напитки, чтобы позабавиться с девушками, был слишком умен, чтобы поставить себя в такое же уязвимое положение. Прошёл уже целый час с тех пор, как он прибыл. О бъятия, аплодисменты и подарки от его самых близких друзей, а напиток Тодда все ещё не покинул его руки.

Ни разу.

В тот момент, когда в голову Веды пришла мысль, что этой ночью она может не суметь достигнуть поставленной цели, мысль, от которой у нее практически повалил пар из ушей, пара рук обвилась вокруг шеи. Воздух покинул её легкие, и она приготовилась, чтобы повернуться и замахнуться кулаком, готовая ударить того, кто был достаточно глуп, чтобы схватить её так.

А затем до её слуха донеслось:

— Я так рада, что ты пришла.

И всё тело Веды расслабилось.

Она повернулась на каблуках, встречая взгляд больших карих глаз, которые следовали за нею по всей больнице этим утром.

— Я даже не думала, что ты придёшь! — Коко распустила высокий хвост, который носила утром, позволив волосам струиться вниз по спине и плечам. Она выбрала красное обтягивающее платье с длинными рукавами, выставив свои бесконечные ноги на показ. Девушка все тянула рукава наряда вниз до кончиков пальцев, растягивая ткань до тех пор, пока швы не достигли ногтей. После чего сжала их пальцами, чтобы гарантировать, что рукава не задерутся вверх.

Веда боролась с желанием вырвать эти рукава из рук Коко и заставить её носить их должным образом, или, по крайней мере, подвернуть их так, чтобы не было соблазна дергать их. Она могла вспомнить время, когда имела такую же привычку ещё в средней школе. Как будто тот факт, что она прячет руки за тонким куском ткани, защитит её от мира. От противников. От монстров в её голове. Этого не случится; все, что за этим последует — растянутые рукава на хорошей одежде.

Веда выдавила улыбку, её взгляд блуждал за плечом Коко, задерживаясь на человеке, ради которого она была здесь в первую очередь.

Тодд стоял, прислонившись к бару, в нескольких метрах от Веды и Коко, в окружении своих друзей, пока все они смеялись над своими глупыми шутками.

— Ага, я пришла, — Веда провела руками по бокам, демонстрируя себя. — Но я не могу остаться надолго. Завтра в 6:00 утра у меня смена. Плюс ко всему, ты была права. Тодд и его друзья — придурки.

— Согласна, — Коко улыбнулась, и её глаза загорелись. В следующее мгновение её улыбка исчезла, и она бросила взгляд через плечо на Тодда, прежде чем снова посмотрела на Веду. — Эй, а ничего, если... — она еще сильнее потянула рукава вниз. — Ничего, если я побуду с тобой? Я имею в виду, до тех пор, пока ты не уедешь?

Веда могла понять этого ангела, спустившегося с небес и прилипшего к ней как пиявка, но у неё не было времени, чтобы нянчиться с Коко. У нее не было времени для друзей.

Однако, когда она удерживала взгляд Коко, пытаясь придумать способ отказать ей, Веда потрясла саму себя, ответив:

— Хорошо.

И от этого нерешительного согласия, Коко ахнула и всплеснула руками, сжав её в объятиях так крепко, будто не собиралась позволить Везде сбежать в ближайшее время. А потом Коко потянула её по направлению к бару.

— Ты должна встретиться с моим братом Данте. Я думаю, вы бы поладили. Ты полюбишь его. И ты должна увидеть верхнюю палубу. С неё умопомрачительный вид на весь остров!

— На самом деле, я уже видела...

— Коко Пуффс!

Веда оторвала глаза от Коко и посмотрела через её плечо, задаваясь вопросом, кто же их прервал. Её челюсть практически упала, когда взгляд встретился с глазами Тодда.

Они впервые находились так близко друг к другу после той ночи. Когда его пронзительные голубые глаза прошли по её ногам и, наконец, поднялись к лицу девушки, она ничего не могла поделать с дрожью, охватившей тело, пока сердце взрывалось в груди, сжигая каждый орган. Она удивилась тому, что ей удалось устоять на ногах.

Веда ощутила, как руки Коко, которые все еще были сомкнуты вокруг неё, сжались в мертвой хватке.

Глаза Тодда пробежались по телу Коко.

— Крошка Коко, что за платье? Отец знает, что ты решила быть шлюхой сегодня, напялив это?

Хватка Коко усилилась настолько, что Веда стала беспокоиться, как бы ей не перекрыли кровообращение. Она посмотрела на Коко и увидела, как голова девушки склонилась вниз, подбородок прижался к груди, когда она пробормотала что-то неразборчивое в ответ.

Пузырек, который был в руке Веды в течение многих часов, казалось, накалился так, что вот-вот мог оставить след от ожога. Было настолько горячо, что возникло ощущение, будто он слился с её рукой.

— Да, всё верно, — Веда стрельнула своими горящими глазами в Тодда и использовала всё своё терпение, что у неё было, чтобы не запихнуть этот флакон ему в глотку. — Ведь женщина, принимающая свое тело и естественную красоту, обязательно должна быть шлюхой?

Тодд бросил взгляд на Веду, как будто забыл, что она тут присутствовала, при этом маня рукой Коко, демонстрируя «23» на внутренней поверхности своего запястья.

Глаза Веды сфокусировались на этом числе, и она едва не закричала.

Тодд указал своим напитком на Коко.

— Эй, это моя сестра, ладно? Все нормально.

Глаза Веды расширились, и зубы заскрежетали с такой яростью, что она забеспокоилась, как бы они не раскрошились.

На Веде были туфли на высоких каблуках, на которых она неуверенно держалась весь вечер и неуклюже скользила по мраморному полу, когда Тодд начал тащить её в тёмную спальню. На первом этаже продолжала греметь вечеринка.

— Я хочу вернуться вниз на первый этаж, — она попыталась вырвать руку из его крайне жесткого захвата, задаваясь вопросом, когда комната начала вращаться. Её зрение стало размытым, и напиток выскользнул из руки. Она только отдаленно слышала, как он разбился о пол, когда приложила руку к горящему лбу и невнятно продолжила, — я не хочу туда идти.

— Девушка надевает платье, подобное этому, исключительно для того, чтобы подразнить чей-то член, — он дернул её за руку, заставив девушку споткнуться в туфлях на каблуках и уткнуться в его грудь. — Чувствуешь? — он засмеялся, обвиняя руку вокруг её талии, используя свою силу, чтобы затащить Веду в спальню. — Ты вся для меня. Расслабься, детка. Перестань бороться с этим. Это круто.

— Это круто, — снова сказал Тодд, посмеиваясь.

Веда мгновенно вернулась в настоящее, сделав судорожный вдох. Она бросила на Коко еще один взгляд, увидела, что её глаза все еще прикованы к полу, и снова повернулась к Тодду.

— Кажется, что для неё это ненормально, — мысли Веды вернулись в это утро, к детективу Линкольну Хиллу, и она повторила его слова. — То, что она женщина, не означает, что её тело принадлежит вам, или, что вы имеете право судить её. Раз уж она хочет носить настолько обтягивающее платье, то это её чертово право. И если она хочет носить

паранджу, за которой вы не сможете рассмотреть даже белки её глаз, это также её чертово право. В любом случае, это не имеет ничего общего с вами, и ваше мнение не приветствуется и не учитывается.

Тодд указал на нее, и изумленная улыбка пересекла его лицо.

— Я знаю тебя, — его улыбка стала шире. — Ты та сумасшедшая сучка, которая была на пляже прошлой ночью.

— Так, значит, не только она — шлюха, но и я — сука? — Веда кивнула. — Потрясающе.

«Боже. Он всё еще был жив?» Пузырек покалывал ладонь. Её взгляд опустился на напиток, который он сжимал, и от этого её зубы заскрежетали.

Тодд прищурился.

— Э-э — э, опять... Кто ты, твою мать? Я предполагал, что ты переехала в Тенистую Скалу и стала главной полицейской киской. Они уже выдали тебе значок и пистолет, м — м-м?

Веда почувствовала, как невольно оскалилась.

— Извинись перед ней, — именно в тот момент она обняла Коко. Тодд рассмеялся, а её грудь наполнилась воздухом. — Извинись.

— Хорошо, я приношу извинения, — Тодд посмотрел на Коко и прижал руку к сердцу. — Я приношу извинения, Коко Пуффс, что ты решила надеть это шлюховатое платье, обнажающее твою задницу сегодня вечером. Просто постарайся изо всех сил, чтобы тебя не изнасиловали, хорошо?

Веда не осознавала, что кинулась на Тодда, пока мускулистая рука не обвила её талию и не остановила на полпути. В следующий момент ноги девушки оторвались от пола. В тоже мгновение от силы, сжимавшей талию, её тело с головы до пят обдало волной тепла. Веде не нужно было даже смотреть через плечо, чтобы узнать, кто взял её на руки и понес обратно, устанавливая расстояние в несколько футов между ней и Тоддом.

Она могла чувствовать его. Ощущать его запах. Его аромат сбил её как бульдозер, заставив голову кружиться. Веда не могла сказать, испытывала ли головокружение от ярости или от чего-то еще.

Голос Гейджа мягко прозвучал позади нее, согревая слух, словно теплое масло.

— Черт возьми, Тодд. У нас может быть хороший вечер, хотя бы сегодня? Мы можем просто хорошо провести эту чертову ночь?

Тодд пересекся взглядом с Гейджем, который предпринимал попытку поставить В еду на ноги, указывая на Коко с притворным выражением ужаса.

— Да ладно, мужик, Коко в курсе. Я всегда так с ней собачусь.

— Ей не нравится это! — взревела Веда, устремляясь вперед и преодолевая сопротивление руки Гейджа, которая до сих пор обнимала её за талию, при этом указывая кивком головы на Коко, которая все еще в защитном жесте обнимала руками свое тело, пока глаза девушки по-прежнему были опущены вниз. — Посмотри на нее. Почувствуй язык её тела. Она отталкивает тебя. Она не может находиться рядом с тобой. Как ты не понимаешь? Или ты видишь это и тайно наслаждаешься? Ты получаешь удовольствие, зная, что причинил молодой девушке крайнее неудобство? Что, бл*ть, с тобой?

Тодд уставился на В еду, открыв в удивлении рот, а затем бросил взгляд через плечо на Гейджа, чей взгляд был наполнен удивлением и весельем.

В это время голос Гейджа прозвучал вблизи, согревая ей ухо.

— Пойдем.

— Нет, — Веда повернулась и впервые встретилась с ним взглядом. — Я не готова уходить.

Глаза Гейджа расширились.

— Ты приехала сюда на такси, так?

Веда подняла голову. Как он это узнал?

Его голос понизился.

— Я отвезу тебя домой.

Пыхтя, Веда вырвалась из его захвата. Она не хотела уходить домой, пока не получила то, зачем пришла. Когда она столкнулась с Тоддом, который смотрел на нее так, будто у нее выросло две головы, она, наконец, осознала, что этой ночью запланированное не случится. Этого просто не произойдет. Мало того, что Тодд был именинником и к нему было приковано слишком много взглядов, так теперь он еще знал о существовании Веды. Тодд проведет остаток ночи, наблюдая за ней как ястреб, если не из любопытства, то, по крайней мере, насмехаясь над ней вместе с друзьями-идиотами.

Прохладная дрожь пробежалась по телу Веды, когда руками Гейдж обхватил её за плечи. Он позволил себе погладить её предплечья, а так же медленно и мягко начал прикасаться к каждой тонкой прядке её волос.

Веда втянула воздух.

— Хорошо, — сжатая в руках Гейджа, выплонула она и вздохнула, поглощая взглядом ухмылку на лице Тодда. — Я не боюсь дать отпор мужчине.

Тодд поднял руки.

— Я люблю жесткое обращение от женщин. Особенно от диких штучек.

Веда закатила глаза и повернулась к Гейджу, поворачиваясь спиной к Тодду.

Гейдж попытался поймать её взгляд. Выражение на его лице, как и полагалось, было серьезным, но уголки его губ угрожали подняться вверх в улыбке, отражая внутреннее веселье.

Он слегка прикоснулся к Веде костяшками своих пальцев, что заставило желудок девушки сжаться. Когда она отступила назад, Гейдж поднял брови.

— Пойдем, — он посмотрел ей через плечо и кивнул, мягко улыбаясь. — И ты тоже, Коко.

Гейдж говорил с Коко более мягким тоном, с большим теплом в глазах, словно его окружала намного более спокойная аура, чем у Тодда.

Взгляд Коко оставался прикованным к полу, она натянула рукава так сильно, что они полностью скрыли её руки.

— Конечно, — прошептала она. — Во всяком случае, я абсолютно точно готова уйти.

— Хорошо, — Гейдж положил одну руку на поясницу Веде, а другую на плечо Коко. Когда они проходили мимо Тодда, Гейдж бросил на него взгляд и кивнул на напиток. — Я думаю, с тебя уже достаточно, брат.

Веда взглянула через его плечо как раз вовремя, чтобы увидеть бешенную улыбку Тодда. Он закричал через небольшую толпу, которая собралась вокруг него.

— Я только начал, брат!

Зубы Веды заскрежетали.

«Отрывайся сейчас, пока можешь, ублюдок», — подумала она, когда Гейдж вывел их из бара.

— Да уж, это быстро всплыло, — Гейдж бросил на В еду удивленный взгляд, и его руки словно едва касались руля, когда он проезжал по узким улочкам Тенистой скалы. Близилась середина ночи, поэтому на улицах было тихо, доносился лишь шум разбивавшихся о берег волн.

Высунувшись из открытого окна его «Роллс-Ройса Фантом Купе», Веда наблюдала, как мимо проносился асфальт. Автомобиль матово-черного цвета почти сливался с магистралью и темнотой снаружи, практически исчезая, от чего она ощущала себя парящей в воздухе. Девушка жалела, что не могла летать. Однако, в тот же самый момент, когда она захотела этого, то сразу же осознала, насколько это было бесполезно. Она уже пыталась улететь — из Тенистой Скалы, от своего прошлого, от постоянной боли. Когда она закончила медицинский факультет, то наконец-то оставила эту затею.

Девушка не могла улететь от себя самой.

Веда моргнула и закрыла глаза.

— Это было настолько удивительно, — просияла Коко. Не глядя, Веда знала, что та наклонилась вперед с заднего сиденья. — Это выражение на лице Тодда. О, мой Бог. Ты знаешь, что никто и никогда не разговаривал с ним подобным образом, верно? Так ведь?

— Предполагаю, что не я одна, — сказала Веда, отвернув голову от окна и улыбнувшись ей в ответ.

Коко вернула ей улыбку, застенчиво опустив глаза.

Да, Веде нужно держаться подальше от этого. Если бы она позволила ей, то Коко уничтожила бы всё.

Но не только Коко была незапланированным и нежелательным отвлечением. Её настороженный взгляд переместился к водительскому сиденью, где в этот самый момент Гейдж наклонялся влево, поворачивая руль в ту же сторону. Она заметила, что он, как правило, смещался своим телом вместе с рулем. Это сводило её с ума.

Да, оба этих человека должны быть изгнаны. Сегодня вечером и навсегда.

Если бы она не была так занята, пока защищала Коко от этого придурка Тодда, то была бы больше сосредоточена только на его убийстве. Яд из пузырька уже прокладывал бы себе путь по его венам именно в тот момент, когда он возвращался бы домой. Тодд закрыл бы глаза этой ночью и никогда не открыл бы их снова.

Веда впиалась взглядом в Коко. Такая милая. Такая очаровательная. Такую невозможно не защищать.

Чёрт бы её побрал.

— Коко Пуффс, — позвал Гейдж, потянув ручник на себя и остановив машину перед особняком на знаменитой стороне холма. Это был квадратный белый дом с современной отделкой, немного похожий на дом Джетсонов (Прим.: Джётсоны (англ. The Jetsons) — американский научно-фантастический мультипликационный ситком студии «Ханна-Барбера». В мультфильме отражены многие популярные идеи из фантастики середины XX века).

Веда заметила, как Гейдж даже произнес «Коко Пуффс» иначе, нежели Тодд. Как это возможно для двух мужчин — делать и говорить одинаковые вещи, но звучать при этом совершенно по-разному?

— Вы, ребята, хотите прокатиться и потусить немного? — спросила Коко протяжным голосом.

— Я говорила тебе утром. Я не тусуюсь, — ответила Веда. — И теперь, когда из бара меня выпроводил генеральный директор нашей больницы, ты знаешь почему.

Коко одёрнула рукава.

— Категорическое нет. Я тоже не тусуюсь. Просто подумала ... может быть...

— Спокойной ночи, Коко, — сказала Веда.

Большие глаза Коко метались между Ведой и Гейджем, на её лице расцвела небольшая понимающая улыбка. Это продолжалось до тех пор, пока Гейдж не повернулся и не поймал её взгляд, после чего Коко потянулась к дверной ручке.

— Ладно ... Гейдж, — её улыбка стала шире от понимания происходящего, пока Коко словно намекала на секс. Веда почти могла видеть непристойные мысли, витавшие в голове девушки, касаемые её и Гейджа. — Доброй ночи, — промурлыкала она, переводя веселый взгляд с одного на другого.

Гейдж подождал, пока Коко не добралась до парадной двери дома своей семьи, не открыла её и не помахала им, показав, что с ней всё в порядке. А затем он переключил передачу, вырулил на дорогу, и двигатель взревел в тишине.

Повисла пауза. Веда знала, что в этот момент нормальные люди обычно пытались заполнить тишину из-за страха показаться стеснительным, но она никогда не была таким человеком. Не тишина заставляла её чувствовать себя неудобно, а разговор.

— Веда. Какой у тебя адрес?

Веда сверкнула глазами на Гейджа.

— Откуда ты знаешь мое имя?

Она никогда не говорила ему своего имени и была уверена, что Коко не произносила его ни разу за всю дорогу.

Улыбка расплзлась по его губам, но он не взглянул на нее, а оперся локтем на открытое окно и положил голову на руку, пока они ехали по тихим улицам.

— Я знаю каждого сотрудника, работающего в моей больнице, мисс Веда Габриэлла Вандайк, — он встретился с ней взглядом. — Мисс Первый Интерн-анестезиолог. Мисс Второй Высший Балл В Стенфорде, — он улыбнулся. — Мисс Незванный Гость. Как ты думаешь, кто подписал твой трудовой договор?

— Какой же ты сталкер.

Веда изучала его профиль, когда он отвернулся с улыбкой на лице. Эта точеная челюсть. Которая, казалось, дернулась, когда Гейдж понял, что она смотрела.

— Просто не можешь оторвать от меня глаз, — прошептал он.

— Ой, прекрати, — Веда отвела взгляд в сторону, сосредоточившись на дороге. Тем не менее, даже оторвав от него взгляд, она не могла проигнорировать тело, дрожавшее от вибрации, которые посылал двигатель по кожаным сиденьям. Девушка скрестила ноги, пытаясь не обращать на это внимание, но сжатие её бедер только усилило трение на клиторе. От огня, проходившего по телу, у нее перехватило дыхание. Веда отчаянно нуждалась в любом отвлечении от этих странных вещей, происходивших с её телом, поэтому она заговорила.

— Я должна была быть отличницей, между прочим. Я проиграла Дэнни Чангу, который был печально известен списыванием вплоть до последней точки. Я была оскорблена. Так что спасибо, что напомнил.

Он захихикал. Звук его смеха проник в её тело и пронесся обжигающим вихрем от головы до пят. Веда сильнее сжала скрещенные бедра, попытавшись тем самым справиться с болью в клиторе. Девушка держала под контролем свои чувства в надежде, что после небольших усилий её желание утихнет.

— Я живу на бульваре Декатур, между судом и 6-ой улицей, — сказала она, отчаянно пытаясь добраться до дома и убраться от этого человека навсегда. Избавиться от Коко будет сложнее, так как они вместе работают, но Веда была уверена, что сможет сделать это сегодня, по крайней мере, с Гейджем. Коко уже сказала, что он бывает в больнице только каждые несколько месяцев, просто для того, чтобы проверить работу, и он уже сделал это утром. Таким образом, Веда никогда больше не увидит его. Ей никогда не придется терпеть эту загадочную потерю концентрации, скованность в теле и затрудненное дыхание — все то, что она испытывала от его близости и не могла объяснить.

— Как прошел первый день на работе? — он откинулся на спинку сиденья и бросил на нее взгляд, остановившись на красный сигнал светофора. Когда она вернула ему пристальный взгляд, грудь мужчины поднялась, а глаза потемнели. — В добавок ко всему, я предполагаю, что ты избегаешь меня как чумы. Хирурги обращались с тобой нормально?

Веда придумывала ответ, который помог бы ей остаться беспристрастной.

— Где твоя невеста? — резко сорвалось с её губ, прежде чем она смогла подумать и сдержаться.

Он отвел на мгновение взгляд, поглаживая щетину.

— Не здесь, — его прищуренные глаза блуждали по ней.

— Почему?

— Она ненавидит моих друзей.

— Я в шоке.

Он ухмыльнулся, трогаясь с места, когда загорелся зеленый.

От внимания Веды не ускользнул тот факт, что он вел «Фантом» очень медленно. Она знала, как быстро плохие мальчики могут ездить. Для молодого человека, любящего давить на газ, рёв двигателя был просто раем на Земле, но он ехал как какой-то дедуля.

«Он что, не может прибавить газу?» — подумала Веда и плотнее стиснула бедра.

— Тодд может быть настоящим мудаком, — сказал Гейдж. — Но я знаю его так долго, сколько себя помню, и внутри он добрый.

Веда хихикнула, ощутив, как взглядом мужчины прожег её лицо. Без разницы. Бессмысленно спорить с ним.

Когда они подъезжали к её дому, она указала на приближающийся поворот.

— Я знаю короткий путь. Просто возьми здесь правее...

Он проехал мимо этого поворота, даже не взглянув на девушку.

Веда посмотрела на него ошеломленно.

Его улыбка расширилась.

— Ты недавно в городе?

Веда повернулась к окну, провожая взглядом короткий путь — её свободу. Вновь устраиваясь на сидении, она проглотила стон, поскольку её колотившееся сердце, казалось, переместилось к самому её центру, пульсация в котором усиливалась с каждой секундой, и это становилось невозможно игнорировать.

— Я родилась здесь и выросла на холме. Я уехала во время учебы в выпускном классе.

— От холма до анестезиолога, — он улыбнулся ей. — Тебе повезло.

— Иногда я задаюсь вопросом, не сошла ли я с ума. В планах было выбраться из Тенистой Скалы и не оглядываться назад, но...

«Н адо доделать дела, убить людей», — она улыбнулась своим мыслям.

— Все хотят остаться... пока не уезжают, — он подъехал к другому светофору и встретился с ней взглядом. — Что-то есть в этом острове. Он попадает в твою кровь, — его взгляд упал на её губы. — Ты даже не знаешь об этом, и вот он уже мчится по твоим венам и атакует твою нервную систему.

Веда облизала губы, не уверенная, говорил ли он о Тенистой Скале или о себе.

— Как бы твоя избранница почувствовала себя, если бы узнала, что я была в твоей машине?

Он отвернулся.

— Моя невеста не распоряжается моей жизнью.

Веда не пропустила напряженность в его голосе. Что это было? Злость? Чувство вины? Её садистская сторона очень хотела слегка ударить по этому. Так или иначе, усугубить огонь, вспыхивающий в нем всякий раз при упоминании его невесты, но она дала ему передохнуть. Нет необходимости мучить того, кого никогда не собиралась видеть вновь. В чем забава, если девушка не могла стать свидетелем последствий?

— Твоя семья всё ещё живёт здесь? — спросил он.

— Мои родители уехали спустя несколько лет после того, как я поступила в колледж.

Гейдж нахмурился.

— Разве ты не говорила, что уехала на последнем году обучения? Они не уехали с тобой?

Воздух покинул легкие Веды. Она дрожащим пальцем указала на другой поворот.

— Кратчайший путь. Сверни вправо.

Гейдж вновь промчался мимо поворота.

И до неё, наконец, дошло.

— Меня держат в заложниках?

Он схватился за руль.

— Ты встречаешься с кем-нибудь?

Она бросила на него испуганный взгляд.

— Серьезно?

— Просто невинный вопрос.

— Невинный?

— Невинный разговор...

Веда упивалась его улыбающимся профилем, давая себе разрешение насладиться им в последний раз. Она пробежалась взглядом по его телу. Эти руки... её любимая часть тела Гейджа, сейчас чуть согнувшиеся, когда он сжал ладонями руль и, наконец, повернул направо. Эти длинные мускулистые ноги, напрягавшиеся под брюками, чуть упирающиеся коленями в приборную панель, хотя он отодвинул водительское кресло назад до упора. Грудь, четко очерченная под тканью рубашки, поднималась и опускалась немного быстрее, чем обычно.

Когда он остановил машину на парковке, потрясенная Веда посмотрела сквозь лобовое стекло.

Они уже были возле её дома?

Гейдж вытащил ключи из замка зажигания и заглушил двигатель, не отводя от нее

взгляда.

— Я пойду с тобой.

Веда вышла из автомобиля на подгибающихся ногах. Её колени действительно дрожали?

Серьезно?

Он обошел машину, положил руку ей на спину, и это потрясло её так сильно, что она чуть не выпрыгнула из своей обуви. Гейдж не убирал руку всю дорогу до её двери, и она, в конце концов, призналась сама себе, что для того, чтобы сегодняшний вечер был последним, она должна была приложить некоторые усилия.

Девушка чувствовала тепло его тела позади себя, когда вставила ключ в замочную скважину двери. Она успела лишь наполовину открыть замок, прежде чем повернулась на каблуках.

Да, он был там, слишком близко, его грудь вздымалась всего лишь в нескольких дюймах от ее. Веда прижалась спиной к двери, и глухо ударилась об нее руками. Вцепившись ногтями в дверное полотно, сейчас она пыталась помешать своим рукам двигаться куда-либо, ведь они не принадлежали ей.

— Послушай, — она задохнулась, когда он шагнул ближе. Гейдж уже был на расстоянии поцелуя, так что еще один шаг — и она будет прижата спиной к двери, к которой сама и так уже почти приклеилась.

— Могу я взять номер твоего телефона? — прошептал он.

Веда сглотнула.

— Я думала, что ты знаешь всё о сотрудниках своей больницы? Конечно, если тебе нужен номер моего мобильного...

— Я хочу его от тебя.

— Ты помолвлен.

Гейдж попытался заглянуть девушке в глаза. Его пристальный взгляд упал на её губы, наблюдая, как она облизывала их. В этот момент она заметила, как зрачки мужчины расширились и увеличились практически вдвое.

— Видишь ли, — опять заговорила Веда. — Независимо от того, что между нами... Эта странная... зудящая вещь...

— Эта... — нахмутив брови, он провел костяшками пальцев по её руке, и на его лице появилась улыбка. — Зудящая вещь?

— Давай просто дадим этому выход и покончим с этим навсегда, а?

Честно говоря, это было совершенно неприемлемо, и неважно, какой животный инстинкт связывал их между собой. Независимо от того, что зверь сжимал её соски при одном только взгляде на Гейджа, а так же заставлял киску пульсировать от каждого касания, и рот девушки наполнялся влагой от неоспоримой потребности попробовать на вкус каждую пульсирующую мышцу на теле мужчины, угрожая утопить её в своем собственном чувственном желании. Так что взглядом Веда блуждала по его рукам, напряженным так же сильно, как и его челюсть. Физическое напряжение Гейджа было видно визуально так же, как и её.

Его глаза оставляли обжигающий след на каждой части её тела, на которой останавливались. Веда почувствовала, как сжались стеночки её киски, и насколько мокрой она стала.

Да, она должна была убрать этого блистательного богатого мальчика из своего плана.

Сегодня вечером, раз и навсегда.

Задыхаясь, она уже повернулась, чтобы зайти в свою квартиру, когда в следующий миг кончики его пальцев коснулись её бедра. Р ваное дыхание мужчины отяжелело и с каждой секундой становилось еще более напряжённым. Она знала, что если отступит назад, то его твердость встретит её на полпути, уткнувшись в задницу. Каким-то чудом ей удалось дрожащими, словно от сейсмических толчков пальцами, заставить входную дверь открыться.

Она вошла внутрь и посмотрела через плечо, впиваясь взглядом в его ошеломленное лицо.

— Ты идешь?

Не дожидаясь ответа, она повернулась и двинулась дальше, её сандалии постукивали о деревянный пол по пути к её спальне.

Когда она услышала, что входная дверь со щелчком закрылась, и почувствовала, как под его приближающимися тяжелыми шагами завибрировал пол, улыбка расцвела на лице девушки.

Веда не могла обернуться назад, ощущая себя где-то между болезненным состоянием и весельем. Д аже не глядя, она могла видеть свои затвердевшие соски, ведь с каждым тяжелым вздохом они сами попадали в поле её зрения. Девушка вошла в свою спальню, увидела черную спинку кровати и красное постельное белье, и ощутила, как её колени практически подогнулись. Этот дурманящий запах пришел за ней, эта аура, эта сила.

Она развернулась на каблуках, столкнувшись лицом к лицу с большими глазами. Он стоял в дверях её спальни.

Гейдж задержался в дверном проеме, выглядя очень стильно в этой рубашке с V-образным вырезом и серых брюках. Его грудь раздувалась так же яростно, как и её. Веда задалась вопросом, если бы её глаза могли говорить, чтобы они ему сказали? Были ли они столь же темными и заполненными желанием? Её взгляд упал на его руки, когда он сжал их в кулаки, и этого крошечного, произвольного движения было достаточно, чтобы украсть её внимание, подобно взорвавшейся бомбе.

Веда не двигалась и не могла понять, было ли это от того, что не хотела... или не могла.

Тогда Гейдж двинулся к ней. Первый шаг, сделанный через порог её спальни, был медленным, как будто он ждал, что она вскинет вверх руку и крикнет остановиться.

У девушки не было такого желания. Независимо от того, что заставило желудок Веды сжаться, её сердце колотилось, а центр пульсировал так, будто это была гонка, чтобы наполнить каждый уголок её тела. Э то просто должно было произойти.

Она сделала глубокий вдох, когда мужчина сделал еще один шаг внутрь комнаты. Уголок его рта приподнялся в небольшой улыбке, когда они сблизились.

Веда не улыбнулась в ответ. Когда Гейдж оказался достаточно близко, она протянула руку, схватившись за пояс его штанов.

Он шумно вздохнул и неожиданно застенчиво улыбнулся настолько искренне, что его глаза превратились в маленькие щелочки.

— Я никогда прежде не встречал такой девушки как ты.

— Заткнись, — она расстегнула его ремень и вытянула его из петель.

Веда чувствовала, как его глаза сверлили её макушку, когда она чуть сдвинулась, чтобы расстегнуть пуговицу и молнию на брюках. Гейдж держал свои мускулистые руки по бокам, и эта ухмылка, всё ещё игравшая на его губах, дрогнула только тогда, когда её руки

остановились в дюйме от его выпуклости. Он задержал дыхание, когда она расстегнула его брюки, но не стала стягивать их вниз по ногам мужчины.

Руки Веды полностью покинули его тело, и она подняла на него глаза. Девушка даже не осознавала, что его лицо стало её второй любимой вещью в нем, пока не увидела, как оно преобразилось в этот момент. От восхищенного до растерянного, от нетерпеливого к восторженному и обратно. Он всё время смотрел на неё так, как будто был в нескольких шагах от того, чтобы съесть её живьем.

Когда Гейдж протянул руку и обхватил её за талию, Веда почувствовала, как фейерверк взорвался внутри нее, освещая каждый дюйм. Она взяла его за запястье, ощущая несущийся галопом пульс, и убрала руку со своего тела.

Брови мужчины дернулись. Он ждал, пока Веда отпустит его запястье, прежде чем похоронить свои пальцы в её волосах. Шагнув вперед, он наклонился и раскрыл губы, страстно желая отведать её на вкус.

Веда откинула голову назад, отворачиваясь от его губ.

— Нет, — прошептала она.

Он прижался своим лбом к её, слегка соприкоснувшись кончиками носов.

— Ты пугаешь меня, — мягко рассмеялся он.

Веда приоткрыла в улыбке рот и ухватила рукой за низ его рубашки, дергая её изо всех сил.

Не задумываясь, Гейдж стянул её через голову, а затем подошел ближе и возвратил взгляд к её лицу, при этом отбросив рубашку прочь. Он снова прижался своим лбом к её, а пальцы вновь погрузил в волосы девушки. Мужчина наклонился ближе и поцеловал её щеку, нежно коснувшись губами.

Глаза Веды дрогнули и закрылись, однако она тут же открыла их, когда почувствовала тепло его дыхания на нижней губе, приближавшееся все ближе с каждой секундой. Её широко раскрытые глаза продолжали внимательно смотреть на Гейджа, когда он высунул кончик своего языка, чтобы ощутить её вкус.

Веда положила руки на его плечи, и, сдержанно поразившись их шириной, отвернула голову в сторону.

— Я сказала нет.

В глазах Гейджа был виден шок, но в то же время в них светился скрытый восторг. Он снова нахмурил брови, изучая её лицо.

Веда удерживала его пристальный взгляд ещё мгновение, прежде чем разрешила своим пальцам пройти по его голой коже. Она была поражена тем, как что-то настолько сильное могло быть таким мягким и упругим одновременно. Неподвижные горы его плеч, твердый изгиб бицепсов, которые напрягались под её пальцами, его предплечья, запястья, вокруг которых она даже не могла полностью обернуть свои пальцы.

Её дыхание участилось, она гладила его руки снова и снова, пока не насытилась. А затем её ласки переместились к глубоким V-образным мышцам его живота*, и она улыбнулась от его резкого вдоха, позволяя пальцам скользить обратно вверх по восьми кубикам пресса. (Прим.: так называемый «пояс Адониса» — линии, образующиеся при «прокачке» нижнего пресса, а именно, косых мышц живота). Веда упивалась его красотой и тем, что она могла так легко получить все это.

У девушки было время оценить контраст между ними. З агорелая кожа Гейджа, казалось, светилась как восходящее солнце через её пальцы, пока она проводила ими по

мышцам груди, по темным волоскам на ней, по небольшим веснушкам у края плеч и по кресту, висящему у него на шее.

Веда позволила своим пальцам задержаться на холодном металле, ощущая, что его сердце стучало так ясно, как если бы оно жило снаружи, а не внутри груди. Никогда в своей жизни она не чувствовала, чтобы сердце билось так сильно.

— Ты пугаешь меня до смерти, — признание Гейджа прозвучало более глубоким и одновременно скрипучим голосом.

Веда подняла глаза на мужчину, вцепившись в бицепс жесткой хваткой, и потянула его в сторону кровати.

Он разрешил ей переместить его. Даже притом, что Гейдж был достаточно крупным и сильным, и мог легко взять управление на себя, он позволил ей сделать это.

— Сними свою одежду, — прошептала она.

Гейдж исследовал её чувствительную ложбинку, а его взгляд следовал за ненасытными руками девушки. Костяшками пальцев он ласкал мягкую ткань, поднимаясь вверх по её платью. Он задержал дыхание, когда достиг выпуклости её груди. Мужчина обхватил сначала одну грудь, а затем другую, прежде чем поднял свою вторую руку и взял сразу обе, словно проверяя их вес. Его дыхание стало хриплым. Быстрым. Тяжелым.

— Сними свою одежду, — повторила она снова.

Он провел рукой по её ключице, потом вверх по шее, обводя подбородок, и его взгляд смягчился.

— Я хочу тебя поцеловать.

Она посмотрела на него из-под ресниц, борясь с улыбкой.

— Сними. Свою. Одежду.

Гейдж провел по её щеке большим пальцем, наклонившись достаточно близко, чтобы их носы соприкоснулись. Он прижался к её телу, чтобы быть ближе, но при этом не касаться губами, и с трепетом закрыл глаза.

— Я благодарил небеса, когда тот идиот на моей вечеринке сказал то, что он сказал в баре. В противном случае, я бы никогда не осмелился начать с тобой разговор.

— Ты всё ещё одет?

Он неожиданно хохотнул. Не говоря ни слова, Гейдж сделал шаг назад, убирая руки от её лица. Его ноги ударились о край кровати, и каждый мускул в его теле, казалось, неожиданно напрягся, как будто мужчина совершенно забыл, что кровать была там. Небрежно подцепив мысками ботинок задники, он снял обувь.

Веда наблюдала, пока мужчина снимал брюки, как двигались его пальцы. Они дрожали. Девушка никогда не видела, чтобы мужчина дрожал так сильно, пока стягивал свои штаны вниз по ногам и демонстрировал совершенные стройные и мощные бедра и икры. Люди всегда высмеивали мужчин, которые ходили в спортзал и работали только над своими руками, не обращая внимания на ноги. Было ясно, что Гейдж не был одним из тех мужчин.

Он шагнул из штанов и подцепил пальцами пояс своего нижнего белья, дрожа теперь еще больше. Его взгляд ни на секунду не покидал её, даже когда он наклонился вперед и стянул их вниз по ногам. Он остановился в таком положении, его прикрытые глаза пожирали её, пока он стягивал нижнее белье со своих ног.

Веда не обращала внимания на страсть в его глазах. Её взгляд был прикован к твердости, покачивавшейся между ног Гейджа. Длинный, толстый, и если посмотреть со стороны, казалось, что его член мог коснуться её, несмотря на расстояние между ними. Её

пальцы жаждали коснуться его, попробовать и использовать, чтобы прогнать то животное, которое управляло ею и заставляло дрожать её собственные руки.

Гейдж выпрямился перед ней, оставшись полностью обнаженным, предоставляя достаточно времени, чтобы оценить вид. С очередным жарким вздохом каждая мышца в его теле сократилась. Он не шевелился, его улыбка исчезала и появлялась вновь, с новой порцией застенчивости. Мужчина не пытался прикрыться. Он мягко провел рукой вниз по волоскам, пока глаза Веды оставались прикованными к доказательству его желания.

Веда облизнула губы при виде его, трогаящего себя.

— Ложись, — сказала она шепотом.

— Я хочу видеть тебя.

Она, наконец, подняла на него глаза, но не ответила.

Гейдж оглянулся, как если бы не был уверен в том, что кровать по-прежнему была за ним, а потом плюхнулся на нее. Её поролоновый матрас просел под его весом очень сильно, и Веда заволновалась, что он не сможет вернуться в свою изначальную форму после того, как Гейдж уйдет.

И если сейчас она что-нибудь скажет об этом, то он скорее всего уйдет.

Он лежал на спине, его икры свисали с края матраса, а член, бьющийся о плоский живот, двигался так, будто жил собственной жизнью. Большая темно-красная головка с блестящей капелькой предэякулянта пульсировала от любого прикосновения, любого поглаживания и любого движения.

— Позволь мне выразиться предельно ясно, — сказала Веда, услышав дрожь в собственном голосе.

Он сложил руки за голову, ожидая.

Веда попыталась усилить свою интонацию, вложить в нее больше власти, но получилось, что она сделала более очевидным свою дрожь.

— Это не будет развиваться дальше. Это все одноразово. Два человека, не имеющие никаких обязательств, которых влечет друг к другу, решают проблему влечения и дают её как таракана, прежде чем она разрушит жизни их обоих.

Гейдж приподнялся на локтях, посмотрел на неё снизу-вверх глазами, которые были вдвое больше обычных. Его улыбка казалась почти детской, как будто он был готов опровергнуть это, но какая-то мысль в голове остановило его, и улыбка стала шире.

— Я понимаю.

Веда удерживала его взгляд на мгновение дольше. Гейдж сказал, что понял, но она не могла не сомневаться в нем. Когда его мальчишеская улыбка начала её бесить, она наклонилась к своей тумбочке, борясь со своей собственной ухмылкой, и потянулась открыть ящик. Шелест обертки от презерватива заполнил спальню, когда она зажала его между пальцами.

Девушка выпрямилась и повернулась к нему, располагаясь между его разведенными в стороны ногами. Бедра мужчины напряглись, когда она коснулась его своими ногами, выражая, таким образом, жажду прикосновений.

Веда держала обертку презерватива в руке и размышляла, что Гейдж будет делать с ней. Фольга смялась под её пальцами, дрожавшими так сильно, что она чуть не уронила презерватив. Сердце девушки ускорило свой бег, когда она поняла, что мужчина мог заметить дрожь, свидетельствующую о её собственном желании. Она посмотрела на его губы и издала приглушенный смешок, когда попыталась разорвать упаковку. У нее не получалось,

и с каждой проходящей секундой девушка все больше теряла способность сделать что-то столь простое, как открыть упаковку чертового презерватива. Её сердце забилося немного быстрее, посылая кипящую кровь в каждую клеточку её тела, в том числе и в пульсирующую киску, что только усугубило проблему и заставило руки дрожать ещё сильнее.

Гейдж оттолкнулся локтями, сел прямо и сильной хваткой обхватил её за талию, глядя на нее как щенок, ждущий угощения.

Он накрыл её дрожащие руки своими.

Веда успокоилась, торопливо закрывая глаза.

— Я не могу сделать это...

Он забрал пакетик из её рук, прежде чем она успела закончить фразу, и с легкостью открыл его. За несколько секунд медленными рывками Гейдж раскатал презерватив по своей твердости, при этом глядя на нее снизу-вверх. Он оставил свой член, позволяя ему покачиваться между бедер, и вернулся к её талии. Его пальцы двинулись в сторону молнии на её платье и попытались стащить его вниз.

Веда схватила его за запястья, слегка отталкивая. Он был в два раза больше её. Конечно, она не могла заставить его сделать того, чего он не хотел, но Гейдж все же уступил, откинувшись назад.

Но перед этим он украл больше, чем одно прикосновение, нежно и легко касаясь своими пальцами её живота.

Веда одной рукой подняла подол платья, а другой оперлась на его плечо, забираясь на кровать и удерживая его темный взгляд, пока седлала мужчину.

Гейдж обхватил её локоть и крепко держал, позволяя своему телу служить опорой, пока она усаживалась на него сверху. Затем он руками обхватил её за талию и погладил задницу. После чего, плотно сжимая, обхватил широкой ладонью свой член.

Она ослабила хватку на платье, и драпированная ткань упала ему на живот, пряча киску от его взгляда. Даже прохладное дуновение воздуха от падения ткани, которое обдало её опухшую киску, заставило тело Веды гудеть. Она задавалась вопросом, было ли её сердце на грани сердечного приступа, потому что оно билось в конвульсиях с такой силой, которую она никогда не ощущала прежде. Её клитор приветствовал прижатый к её губкам гладкий ствол, и она могла чувствовать рвущийся из нее крик.

Веда ахнул от этого прикосновения, и, обхватив его ствол тонкими пальцами, прошлась по пульсирующим венам, наполняя его желанием. Бедра мужчины непроизвольно содрогнулись, толкаясь в тисках её рук.

Её половые губы приоткрылись и набухли, когда Веда приподнялась на коленях достаточно высоко, давая мужчине пространство, чтобы прижать его налитую головку к её входу.

— Да, Веда, — прохрипел Гейдж, его руки двигались по её попке, незаметно проскользнули под платье и впились пальцами в бедра.

Веде поймала его за запястья и убрала руки прочь. Казалось, его руки напряглись и приготовились борьбе, но мужчина позволил ей зафиксировать их над своей головой. Когда она наклонилась вниз, горячий воздух их затрудненного дыхания столкнулся между их жаждущих губ.

От головокружительного ощущения из горла Веды вырвался стон, её тело раскрывалось для него. Новые волны удовольствия оживали в каждом дюйме её тела, к которому прикасался Гейдж, настолько наполняя отчаянным желанием освобождения, что это было

почти невыносимо. Заполнив киску до предела, головка его члена врезалась прямым в её точку G. Веда страстно двигалась сверху, прокладывая поцелуями путь вниз по его плечам, после чего оперлась руками на его грудь для удобства. Она запустила пальцы в завитки волос на груди мужчины, царапая кожу, а затем поднялась чуть выше, оставляя только кончик его члена внутри, прежде чем опуститься вниз, ударя своей попкой о его бедра.

— Господи, это невероятно. Ты ощущаешься невероятно, — голос Гейджа срывался. Он протянул руку к груди Веды, отчаянно сжимая её в такт с подпрыгивающими бедрами девушки. Его хриплое дыхание соответствовало её. Он попытался сесть и развязать бретельки на задней части её шеи, но Веда надавила на его плечи, не нарушив ритма своих движений.

Гейдж, хихикая, откинулся на спину, в то время как Веда схватила его запястья и вновь сжала их над его головой, увеличивая темп.

Взгляд мужчины переместился туда, где его член проникал в её киску, погружаясь ещё глубже на тот уровень, где полностью теряется контроль, и человек больше не несет ответственности за действия своего тела.

Глаза Веды искали его, слушая вздохи, становившиеся все тяжелее и быстрее. Она наблюдала, как изменялось лицо Гейджа, усилив свою хватку на его запястьях.

Он поднял голову, его губы изогнулись и, задыхаясь, умоляли её не останавливаться.

Она откинула голову назад.

— Нет.

И это произошло. Изменение в его прищуренном пристальном взгляде столь мощное, что образовало торнадо в животе. Веки Гейджа дрогнули и закрылись, скрывая его собственный взрыв, но в следующее мгновение он уже был на ней, сжимая и удерживая её талию в тисках настолько свирепо, что у Веды даже не было времени на то, чтобы подумать и остановить его. Сжав её груди вместе, мужчина похоронил свои приоткрытые губы между ними, и из его горла вырвался крик, согревая её. В то же время, Гейдж уперся ногами в пол и начал вбиваться своими бедрами с такой яростью, что у неё перехватило дыхание.

Глаза Веды закатились и закрылись, когда его дикие толчки достигли точки G, пронзая её снова и снова. Она распахнула глаза, когда почувствовала, как знакомый огненный жар от её центра распространился по животу, растекаясь по венам и проникая в каждый дюйм тела. Чувственный звук, прорвавшийся сквозь губы, был столь лаконичным и мощным, что она даже не узнала его.

Гейдж обхватил девушку за шею и прижался своим лбом к её, удерживая взгляд, пока она медленно возвращалась, а затем вновь проваливалась в бездну удовольствия. Волны оргазма одна за другой сжимали её стеночки вокруг его члена. Когда Веда думала, что все закончилось, его член нашел новый угол проникновения, заставляя её крики стать хриплыми, а бедра биться в конвульсиях.

— О... Боже ... — Веда нахмурилась, не в силах остановить эту произвольную реакцию, когда второй оргазм незамедлительно последовал за первым.

Гейдж ни разу не разорвал их зрительный контакт, одной рукой он сжимал её талию, в то время как другой обхватывал за шею, а его бедра врезались в нее одновременно с её хриплыми криками. И только когда она издала свой последний стон, он позволил вырваться своему собственному удовольствию.

Веки Веды трепетали, она не сдерживала криков, когда Гейдж подчинился своему собственному желанию и глубоко похоронил себя в её стеночках, все еще удерживая девушку

над пропастью.

Он зарылся лицом в её шею и запустил пальцы в кудри, притягивая к себе, перед тем как рухнул обратно на кровать.

Гейдж рассмеялся ей в волосы, это было что-то среднее между хихиканьем и истерическим смехом, сильной рукой он прижимал её к своему телу так плотно, что она едва могла дышать.

— Боже, Веда, мне было это необходимо ...

Она поцеловала его в плечо, но не ответила, ожидая, когда её сердце наконец-то замедлит свой бег, а живот расслабитя, и она станет сама собой.

Она ждала пока это «зудящее ощущение» пройдет.

В любую минуту...

— Мне, правда, это было необходимо, — повторил он шепотом.

Когда он прижал её крепче, словно защищая, и даже когда их дыхание расслабилось, Веда все еще выжидала. Она позволила своим глазам закрыться, не сознавая, насколько успокаивало её, его теплое дыхание, которое касалось уха, пока не погрузилась в глубокий сон.

Глаза Веды беспокойно открылись и снова закрылись, и не потому, что коварные лучики восходящего солнца прокрались через её дамасские шторы, а потому, что это всё ещё было здесь.

Это урчание в её животе. Её заходящееся сердце. Это чувство постоянного отсутствия равновесия. Если она не сошла с ума, то эти странные ощущения теперь стали даже интенсивнее, а ото сна её ресницы склеились сильнее, чем были накануне вечером.

Веда простонала в подушку, уперлась кулаками в матрас и заставила свое тело приподняться. Она попыталась расправить свое платье, которое смялось во множество немислимых складок вокруг её тела, пока она спала. Из-за этого она почувствовала себя словно в ловушке.

«Почему я не сняла эту проклятую вещь?»

А потом она замерла.

И ахнула.

Её сонные глаза устремились к другой половине кровати.

Пусто.

Веда пристально осматривала спальню, переводя взгляд с одной вещи на другую.

Серые брюки по-прежнему валялись на полу. Черная футболка накрывала её телевизор с плоским экраном. Ремень висел у изножья кровати. Черные боксеры лежали на смятых красных простынях.

И этот запах. Мускусный. Пряный. Как этот сводящий с ума аромат все еще сохранился за ночь? Как он мог находиться в её комнате, когда не было заметно даже тени его присутствия?

Мысли девушки устремились к произошедшему пару часов назад. Она моргнула и распахнула глаза посреди ночи в тот момент, когда Гейдж согревал её лопатку поцелуями, полагая, что она все еще спит.

Веда вцепилась пальцами в простыни и попыталась сглотнуть, но пересохшее горло не позволило ей этого сделать. Прижав ноги к кровати, она приказала себе оставаться спокойной.

Но, прежде чем она смогла позволить себе осмыслить реальность происходящего...

До её носа дошел аромат ... бекона.

Она ощутила запах бекона. И сиропа.

Шипение масла на сковороде. Грохот кастрюль и сковородок.

Её желудок резко ухнул вниз.

В одно мгновение Веда пересекла свою спальню, споткнулась о книгу «Фармакология анестетиков» — гигантский учебник, который не раз спасал ей жизнь в работе над огромным количеством разнообразных случаев из практики; он был больше, чем энциклопедия. Падая, девушка ухватилась за тумбочку, после чего подняла книгу, ругнувшись себе под нос. Девушка всегда читала эту книгу перед сном и потому неудивительно, что после событий предыдущей ночи книга, так или иначе, оказалась на полу.

Веда отсмотрела палец, которым ударилась, и еле сдержала крик, когда боль пронзила ногу. Она опустила томик на свой прикроватный столик, затем на одной ноге допрыгала до

двери спальни, ухватилась за дверной проем и выглянула из-за угла.

С утра ему было плевать, и совершенно голый он двигался туда — сюда на её модернизированной кухне, закусив нижнюю губу между зубами.

Гейдж был абсолютно голым, когда копался в её белых тасканских шкафах и ящиках.

Стоял голым даже в тот момент, когда горячий бекон выстрелил в него раскаленным маслом, заставляя шипеть от боли.

И раздражающе обнаженным, когда он распахнул её холодильник из нержавеющей стали, достал оттуда бутылку апельсинового сока, наполнил два стакана и оставил их на кухонном островке. Его пребывающие в беспорядке после сна волосы лезли непослушными прядями ему в сонные глаза.

Ощущение, пронзившее В еду, такое же мягкое и невесомое как сахарная вата, выбило воздух из её легких, и она резко отвернулась от вида этого богатенького мальчика, так вальяжно перемещавшегося по кухне и готовившего ей завтрак.

Она кинулась в центр своей спальни, остановилась, огляделась по сторонам и задалась вопросом.

«Что, черт возьми, я делаю?»

Поступок зрелого взрослого человека заключался бы в том, чтобы войти с важным видом в свою кухню, присоединиться за завтраком к этому умопомрачительному мужчине, разделить первый и последний завтрак, а затем мысленно возвращаться к этому в течение дня.

Вместо этого Веда вихрем промчалась через спальню, скидывая одежду, справочники, а также многочисленные туалетные принадлежности, о которых только могла подумать, в черную спортивную сумку. Она застегнула молнию дрожащими пальцами, повесила сумку на плечо и побежала к двери патио.

Открыв её так тихо, как только могла, позволяя чириканью птиц и запаху дуба пробраться в дом, она вышла на улицу и робко закрыла за собой дверь.

Это был первый раз с тех пор, как она вернулась в Тенистую скалу и не пожалела об аренде квартиры, расположенной на нижнем этаже.

Это облегчило её чертов побег.

Гейдж зажмурился, когда смоченный слюной большой палец прошелся по его щеке. Краем глаза он видел, как она облизывала свой палец, так что уже знал, что она сделает это. До сих пор в мире не было ничего более успокаивающего, чем это действие.

— Селеста, Боже мой, — Дэвид Блэкуотер поморщился с противоположной стороны круглого обеденного стола патио. — Может, хватит нянчиться с ним как с младенцем?

Селеста Блэкуотер закончила что-то вытирать на его щеке, и, независимо от того, что это значило, она прикоснулась к щеке Гейджа, позволив пальцам задержаться на подбородке сына, когда они улыбнулись друг другу.

Не обращая внимания на мужа, Селеста погладила край челюсти Гейджа своим большим пальцем, пока её длинные чёрные волосы развивались от дуновения лёгкого ветерка.

— Ты выглядишь таким беспокойным сегодня, дорогой.

— Я в порядке, мама, — сказал Гейдж, проглатывая еще один кусочек своего ужина. Он выдавил улыбку семейному повару, когда тот неслышно подошел сзади и наполнил шампанским бокал Гейджа. Он всегда знал, когда необходимо наполнить бокал, не было

надобности просить об этом.

— Селеста, ты дашь ему возможность немного отдышаться?

Селеста улыбнулась, не отрывая взгляда от Гейджа.

— Ты что-нибудь слышал, дорогой?

Гейдж улыбнулся и почувствовал, как она очертила его ямочки, прежде чем, наконец, отодвинулась, выпрямившись на своем стуле и поднимая вилку.

— Ты прав, Дэвид, — сказала она. — С какой стати я показываю Гейджу свою любовь и привязанность? Тебе не приходило в голову, что именно я носила его в своей утробе девять месяцев и подарила ему жизнь. Ах, как неосмотрительно с моей стороны, — улыбка, которую она послала через стол, казалось, застыла на её лице.

Дэвид Блэкуотер оторвался от своей еды, откинулся назад на белое плетеное кресло за их обеденным столом на открытом воздухе, и положил руки на подлокотники. Панорамный семейный бассейн виднелся позади него (Прим.: Панорамный бассейн — тип бассейнов, границы которых сливаются с горизонтом, создавая впечатление бесконечного пространства из воды и неба). Кроме того, зубчатые черные как смоль пики скал, благодаря которым Тенистая Скала и получила свое название, казалось, пронзали бесконечную гладь звездного неба и исчезали на фоне мрачных очертаний моря. Круизный лайнер Блэкуотеров, намеревавшийся отправиться в плавание следующим вечером, размеренно покачивался вдалеке на волнах.

Почувствовав графитово-стальной пронзительный взгляд отца, впивающиеся ему в макушку, Гейдж оторвал взгляд от своей тарелки и встретился глазами с Дэвидом. Он поднес свой бокал шампанского к губам, смотря на яркую деталь его облика — невообразимые седые волосы, уложенные плавными волнами. Он помнил эту его прическу годами, в отличие от момента, когда отец в последний раз улыбался. Гейдж попытался вспомнить, когда в последний раз видел улыбающегося отца, и обнаружил, что усталился в никуда. Впервые в своей жизни он понял, что должен чувствовать человек, который потерял желание улыбаться.

— Когда вы, ребята, поняли, что любите друг друга? — спросил Гейдж.

Глаза Дэвида и Селесты одновременно расширились.

Гейдж поставил свой бокал, откинувшись на спинку стула, переводя свой взгляд то на мать, то на отца.

Селеста смотрела на него через стол большими зелеными глазами, её подстриженные ногти коснулись груди, которая словно молила о том, чтобы её высвободили из этого тесного платья от Кельвина Кляйна, обтягивающего фигуру. И зящные пальцы женщины скользнули вниз по ткани платья с леопардовым принтом и остановились на коленях.

Она улыбнулась, но эта улыбка не коснулась её глаз.

— Дэвид.

— Селеста, — Дэвид приподнял брови, его голос оставался столь же незаинтересованным, что и глаза.

— Твой сын задал тебе вопрос.

— Вы вообще любите друг друга? — спросил Гейдж, положив конец пассивно-агрессивному обмену взглядами, он уже мог чувствовать, как надвигается неминуемая буря.

— Конечно же, мы любим друг друга, дорогой.

— Когда вы поняли? Я имею в виду, папа вдвое старше. У вас, ребята, нет ничего общего. Вы даже не разговариваете друг с другом до того момента, пока у вас не остается

другого выхода. Что это было? Что заставило вас двоих посмотреть друг на друга в один прекрасный день и подумать ... да. Это тот человек, с которым я хочу провести остаток своей жизни.

Читая между строк невысказанные сомнения Гейджа, Дэвид ответил.

— Н ервничать — это нормально, сын. Я тоже был возбужден. Это не означает, что я не любил твою мать в тот день, когда женился на ней, также сильно как сейчас.

Селеста встретила взглядом с Дэвидом через стол, легкая улыбка не стала шире, но она так же и не исчезла.

— Что, если я не люблю Скарлетт? — прошептал Гейдж.

Дэвид сдвинулся. Он позволил безопасной тишине закончиться.

— Ты научишься любить её.

— Это то, что сделали вы? — спросил Гейдж. — Брак не по любви или... или страсти ... а по необходимости? Брак как деловое соглашение, а не связь по любви.

— Связь по любви, — Дэвид придвинулся к нему, выглядя раздраженным. — Вот что происходит, Селеста, когда ты настаиваешь на том, чтобы вытирать щеку двадцатилетнего сына большим пальцем, который ты смочила своей слюной. Он никогда не будет тем мужчиной, который нам нужен, пока ты не перестанешь относиться к нему как ребенку.

Селеста обхватила Гейджа за плечо.

Гейдж посмотрел на неё, замечая, как её улыбка становится более теплой и настоящей.

— Дорогой, с чего ты это взял?

Гейдж сделал глубокий вдох.

— Я просто хотел знать, как вы оба влюбились. Я хотел бы знать, было ли там нечто большее... большее, чем все, что сейчас между вами. Больше глубины. Больше связи. Больше жизни, чем... — неспособный закончить он указал на серебряную посуду и тонкий фарфор, отблескивающие на белой скатерти.

Дэвид дернул свою салфетку с колен, вытер ею губы и бросил обратно на стол.

— Ты же не отказываешься от свадьбы?

— Я не сказал, что отказываюсь. Я задал простой вопрос.

— Самая большая коммерческая сделка в нашей жизни, сделка, которая обеспечит будущее этой семьи на века, зависит от заключения этого брака. Будущее самого прибыльного бизнеса нашей семьи зависит от него.

— Да. Филиал нашего семейного бизнеса, которым я никогда не буду владеть полностью, или даже частью. Филиал нашего семейного бизнеса, в котором мой друг принимает более активное участие, чем я.

Ноздри Дэвида затрепетали.

— Ты сидишь за столом, намекая, что изменил решение о свадьбе, которая состоится через три месяца, и при этом удивляешься, почему ты неполноправный владелец? Почему Тодд продолжает удерживать более влиятельную позицию, нежели ты? Это потому, что он продолжает опережать тебя. Он продолжает делать то, что нужно, где ты отказываешься.

— Тогда, может быть, он должен жениться на ней, — заметил Гейдж.

— Если бы только...

— Я думаю, что этого вполне достаточно, — прервала Дэвида Селеста, все еще улыбаясь.

— Нет, мама, позволь ему закончить, — яростно бросил Гейдж через стол. — Если бы

только ты мог вернуться и обменять меня на более идеальную версию сына, верно? Если бы только он был твоим сыном, а не я.

Он почувствовал, как хватка Селесты на его плече усилилась.

Дэвид облизал края зубов.

— Я не сказал этого.

— Да, ты и не должен, — Гейдж собрался встать.

Селеста ухватилась за плечо и перенесла на него весь свой вес, усаживая сына обратно на место.

Гейдж не понял, когда его дыхание стало прерывистым, а сердце заколотилось, но почувствовал, как его ноздри затрепетали, извергая обжигающие дыхание, что ощущалось даже на противоположной стороне стола.

— Я согласился жениться на Скарлетт, и я человек слова, — выдавил он сквозь зубы. — Я никогда не хотел запятнать наше имя, отказавшись от участия в этой сделке. Если бы только у моего собственного отца было достаточно веры в меня, чтобы поверить в это.

Взгляд Дэвида смягчился.

— Приношу извинения. Я погорячился. Ты знаешь, насколько вспыльчивым я могу быть, когда дело доходит до бизнеса. Я просто хочу того, что будет лучшим для тебя. Что будет лучшим для твоей матери. Мы оба хотим, чтобы у неё были самые красивые вещи, жизнь в самом красивом доме, и она была бы объектом зависти всех её слабоумных друзей, не так ли?

Селеста продолжала держать вилку так, будто та была оружием, но её улыбка так и не дрогнула.

Гейдж наблюдал за реакцией матери, борясь с собственной кроткой улыбкой.

— Да.

Дэвид вздохнул.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Настоящие победители всегда чем-то жертвуют, сын. Они не сидят и не ждут, когда солнце и луна сменят друг друга. Они просыпаются раньше, засиживаются допоздна, они двигаются, пока их ноги не начинают кровоточить. Они делают вещи, от которых другие отказываются, даже когда им не хочется, поэтому они могут позволить себе то, что не могут другие. Если ты хочешь быть полноправным владельцем, ты должен показать мне это. Ты должен доказать мне, что достоин. Что готов. Честно говоря ... я не вижу этого. Пока нет.

Гейдж чувствовал, как кровь в его венах дошла до состояния кипения, и не мог сказать, было ли это, потому что он терпел одну из многих самовлюбленных речей своего отца ...

Или потому, что лицо Веды Вандайк только что ворвалось в его сознание в миллионный раз за этот вечер.

Когда он снова заговорил, его голос был хриплым, и он знал, что это из-за неё.

— Я готов, — он проглотил комок в горле, чувствуя, как мать массировала его плечо, и нашел глазами своего отца. — Ты увидишь.

Работа этим утром стала настоящей занозой в заднице. После того, как В еду застали прячущейся за каталками, стоящими в пустых больничных палатах, или за любой грузной медсестрой, оказавшейся в непосредственной близости от нее, она, зажмурив глаза, молилась о том, чтобы её не заметили; её поражало то, насколько трудно было скрываться от одного человека.

Веда выглянула из-за угла темной больничной палаты, в которую она просто забилась, и почти дососала леденец с виноградным вкусом, когда увидела Коко. Солнце, светившее через окна больничного коридора, не могло сравниться с ослепительной улыбкой на лице Коко, которой она встречала всех, кого видела. Люди, хмурившиеся прежде, замечали её и не могли не улыбнуться в ответ, когда она, в буквальном смысле, освещала сияющей улыбкой день каждого.

Её длинный хвост взметнулся, когда Коко повернула голову вправо. Веда отпрянула в темноту с придыханием, её затылок ударился о стену, и, зажмурившись, она закрыла глаза. Она сунула руку в карман и схватила бронзовый медальон, крепко сжимая в кулаке.

Веда услышала щелчок переключателя, включающего свет, хотя уже и так, даже с закрытыми глазами, почувствовала, что в комнате стало светло.

— Боже мой, я искала тебя повсюду!

П риоткрыв один глаз, Веда осмотрелась, заметила улыбающееся лицо Коко и выпрямилась.

Девушка сжала руками плечи Веды, притянув её в свои объятия.

— Да, — веки Веды невольно затрепетали. Она давно забыла, насколько хорошо это ощущается — находиться в объятиях другого человека. Тем не менее, она отступила назад, приглаживая собранные волосы в пучок. — Я просто вышла на минутку, чтобы побыть в одиночестве перед моей следующей операцией.

Коко указала на её рот.

— Ты и правда человек, который любит леденцы, да?

Веда переместила за щеку леденец, о котором она совсем забыла.

— Они помогают мне расслабиться.

И она в одиночку уже прикончила половину упаковки этим утром.

— Круто, — Коко пересекла комнату, направляясь к пустой больничной койке, и плюхнулась на нее, игриво пошевелив бровями. — Так... расскажи мне всё.

— Всё?

Коко раздраженно вздохнула:

— Прошлая ночь? После «Данте»? Как всё прошло?

Цунами закрутилось в желудке Веды.

— Как прошло, что?

Прежде, чем Коко смогла вновь повторить, её голос сорвался.

— Гейдж отвез меня домой и высадил. Это всё. Он помолвлен, и я бы никогда не сделала ничего сомнительного с обрученным мужчиной. За какую женщину ты меня принимаешь?

«Подлую? Кровожадную? Может быть, всего понемногу?» — она обдумывала свои мысли.

Коко схватилась своими пальцами за край кровати и начала болтать ногами, пока боролась с улыбкой.

— Д а... нет. Обрученные мужчины — желтый свет. Женатые мужчины — знак «стоп». Гейдж еще не женат, так что тебе лучше пойти и получить свое.

Веда склонила голову назад.

— Семнадцатилетняя сторонница супружеских измен. Можно ли еще лучше начать утро понедельника.

— Я видела, как он смотрит на тебя, — Коко посмотрела на нее краем глаза. — И когда

я пришла этим утром, он спросил, здесь ли ты.

Лицо Веды вытянулось.

— Гейдж здесь.

Это был даже не вопрос, а ужасающее осознание неизбежного.

Коко кивнула, прикусывая нижнюю губу.

— И его свет, между прочим, все ещё очень желтый.

— Я думала, ты сказала, что он приходит в больницу только время от времени.

— Ну, обычно так и есть. Но глава администрации внезапно был уволен, что-то по поводу кражи таблеток из аптеки. Во всяком случае, Гейдж заменяет его, пока они подыскивают замену.

Веда указала на пол дрожащим пальцем.

— Таким образом, он будет здесь... — её горло пересохло, — каждый день?

— Да.

— Каждый. День?

Улыбка Коко медленно исчезла, и её слова стали протяжными.

— Да — а — а... — она рассматривала лицо Веды, и улыбка вновь появилась на её лице. — Он тебе нравится, — она раскачивалась вперед-назад. — Я абсолютно уверена.

— Он мне не нравится. Мне никто не нравится.

Коко рассмеялась.

— Мне нужно к пациенту через пять минут, поэтому я ухожу.

Веда ушла без лишних слов, её широко распахнутые глаза метались по шумному холлу госпиталя, когда она пыталась взять под контроль свое поверхностное дыхание.

Она не возвращалась в свою квартиру с прошлого утра, с той ночи, которую она и Гейдж провели вместе, предпочитая скоротать ночь в ординаторской на тот случай, если он решил подождать, пока она вернется.

Девушка выругалась себе по нос. Её кости ощущались так, словно существовали отдельно от тела, а сердце будто старалось вырваться из — под контроля. Она блуждала по коридорам, просто ожидая ужасающего момента, когда он, наконец, вывернет из-за какого-нибудь угла.

Веда прижала карту следующего пациента к груди. Было достаточно трудно скрываться от Коко, которая, кстати, еще не раз будет разыскивать её. Теперь ей придется прятаться и от него тоже?

Она задалась вопросом, почему ощущала потребность скрываться. Почему она была не в состоянии набраться смелости, чтобы присоединиться к нему на собственной кухне прошлым утром и, по крайней мере, насладиться завтраком, который он так самоотверженно готовил.

Н овый пациент находился в поле её зрения в смотровой. Едва она вздохнула с облегчением, зная, что будет в безопасности в течение следующих нескольких часов, как из-за угла появился Гейдж.

Веда застыла как вкопанная.

Серый костюм с розоватым оттенком идеально ему шел, а бирюзовая рубашка прекрасно дополняла образ.

Придерживая на груди темно-синий галстук, он бесцельно осматривал коридор, его глаза были совершенно отвлеченными. Когда он встретился взглядом с Ведой, его грудь приподнялась, наполнившись воздухом, подобно воздушному шару.

Веда развернулась на каблуках и поспешила в противоположном направлении.

«Боже, сколько тебе лет?»

Посмотрев через плечо, она почувствовала облегчение, увидев, как он движется по коридору в противоположном направлении, запустив руку в свои волосы. Медсестра подошла к нему и завладела его вниманием, что еще больше успокоило её рассудок.

Она выбрала длинный путь к комнате своего пациента, маршрут заставил её пробираться через главный вестибюль, но это того стоило.

Быстро двигаясь через оживленную приёмную, она продолжала смотреть через плечо бешеными глазами, прикусив зубами нижнюю губу.

Нет, его не было позади. Только беспокойные пациенты в приемной и её коллеги — сотрудники больницы. О дни из них шли к своим следующим пациентам, другие суетились, занятые работой.

Когда Веда врезалась в кого-то перед ней, вздох вырвался из её горла, и она встретилась лицом к лицу с дерзкими широко открытыми глазами.

— Боже, мне так жаль! Я должна смотреть, куда я... иду...

— Ты знаешь... — глаза Гейджа сузились, а руки были спрятаны в карманах брюк. — У меня были девушки, которые прежде выгоняли меня. У меня были девушки, пытавшиеся улизнуть от меня раньше. Но у меня никогда не было девушки, которая улизнула из своей собственной квартиры, прежде чем из нее ушел я. Это было интересно и впервые.

Сердце Веды подскочило к горлу и едва не выпрыгнуло изо рта. Её руки непроизвольно дернулись, и карта, которую она держала, чуть не взметнулась в воздух. Пытаясь казаться спокойной, она плотно прижала их к бокам.

— Я, э-э... — она пригладила свой пучок, избегая его взгляда и переминаясь с ноги на ногу. — Да. Я должна была уехать тем утром, потому что я должна была, э-э... Я должна была приступить к работе немного раньше.

— В пять утра, — он остановился. — В свой выходной.

— Да. Для меня очень важно быть подготовленной. Я ответственно отношусь к подготовке. Мои пациенты достаточно взволнованны, поэтому я хочу, чтобы они знали о моем серьезном отношении к их здоровью. Я прихожу пораньше и приезжаю в свои выходные, выкладываясь на сто десять процентов каждый день, — она поняла, что бормотала что-то совершенно глупое, и сделала все, чтобы заставить себя остановиться. А затем понизила голос. — И мы говорили об этом.

Гейдж сжал губы и искал её глаза. Веда заметила, как он пытался контролировать выражение своего лица. Когда мужчина отвернулся от нее, пряча взгляд, то не мог произнести ни слова, или, возможно, не захотел. Она изо всех сил старалась говорить, игнорируя свое трепещущее сердце, пытаясь сохранить спокойствие в своем голосе.

— Мы договорились, что это была лишь ночь. Хорошая ночь, где мы оба поддались моменту, чтобы в последствие не поддаться искушению.

Он поднял на нее глаза, прошептал:

— У тебя получилось?

Его взгляд упал на её губы. Она сглотнула.

— Да.

Его лицо застыло.

— У меня получилось избавиться от искушения. Полностью. И теперь ...

«Мой голос действительно дрожит?»

Она замолчала на полуслове, взяв минуту для того, чтобы поменять позу под его непоколебимым взглядом, и крепче сжала бронзовый медальон в руке.

— И теперь мы вернулись к реальности. Ты помолвлен, а я...

«Сосредоточена на убийстве твоего друга? Нет, это не прокатит. Здесь, чтобы отомстить за свое тело и утраченную невинность? Нет, так не пойдет», — бормотала Веда, проклиная свое тело, поскольку теплая пульсация в самом центре её естества стала неистовой лишь за мгновение, заставляя её кожу пылать и покрываться мурашками.

— И я... я также твоя подчиненная. Ординатор с приличным долгом по студенческому кредиту, достаточным, чтобы разорить нефтяного магната. Ординатор, который не может себе позволить потерять работу из-за чего-то, настолько смехотворного, как... — она понизила голос. — Как парочка мимолетных оргазмов.

— Четыре оргазма, если быть точным, и в них не было ничего мимолетного.

— Гейдж Блэкуотер...

Что-то промелькнуло в его глазах, когда она произнесла его имя, как если бы он был в другом месте. Вероятно, вернулся обратно к прошедшей ночи, когда она стонала, кричала и хныкала, произнося его имя, а в самом конце просила о большем.

Слабая улыбка исказила его лицо.

Веда задумалась, и её дыхание стало учащенным.

— Ты помолвлен. И как бы соблазнительно это не звучало — проводить время с богатым парнем, я думаю, что воздержусь от этого. Это была одна ночь. Это было... замечательно, — Веда глубоко вздохнула, когда его глаза вернулись к ней и загорелись. — Но сейчас все кончено. Навсегда.

Гейдж смягчился, но, не смотря на это, расправил свои плечи. Он облизал губы, приподнимая брови, смотря на нее.

Веда попятилась, спотыкаясь о собственные заплетающиеся ноги, заправляя выбившуюся прядь волос за ухо.

— С ейчас у меня пациент, который... — она кивнула назад и отвернулась от него, не закончив мысль.

Она чувствовала его пристальный взгляд на себе, прожигающий спину, и, хотя она знала, что шла неправильным путем, Веда увеличила скорость, вновь выбрав самый длинный маршрут, просто чтобы ускользнуть от него.

Гейдж наблюдал за тем, как уходила Веда, и его губы плотно сжимались до тех пор, пока не стали белыми как у призрака.

Она спустилась вниз в шумный зал сначала спокойной походкой, но чем дальше уходила от него, тем быстрее двигалась, пока практически не перешла на бег.

Эта женщина убегала от него.

Он нахмурился ей вслед, удивляясь, как она не высекала крошечные искры, когда прокладывала свой, словно полыхающий языками пламени, путь, тщательно обходя персонал больницы, прежде чем исчезнуть за углом.

— С недавних пор, ты, определенно, проводишь много времени в больнице.

Гейдж посмотрел налево и поник.

Старшая медсестра — Латика, ухмыльнулась ему из-за стойки регистрации.

Он вскинул бровь, глядя на нее.

— Мы потеряли главу нашей администрации. Кто-то должен управлять всем, пока мы

не подыщем замену.

Латика опустила голову, глядя на него поверх оправы своих очков.

— М — м — м — хм — м — м, — проямлила она, приподняв бровь.

Гейдж собирался уйти, но остановился на середине пути и еще раз повернулся к ней лицом. Он открыл рот, чтобы кое-что сказать, но передумал, а потом повернулся, вновь намереваясь уйти. Он сделал только несколько шагов, когда внезапно развернулся на пятках и снова подошел к стойке регистрации.

— На что именно ты намекаешь?

Латика боролась с улыбкой, посмотрев в сторону коридора, в котором только что исчезла Веда, а затем повернулась к нему.

— Сладкий, так это должно было быть тайной?

Гейдж оттолкнулся от стола, сунув руки в карманы.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— М — м — м — хм — м — м.

— Прекрати. Прекрати хмыкать мне.

— М-м-м-хм-м-м.

Гейдж развернулся, произнося проклятия себе под нос. На этот раз он удалился без промедления, даже не дав Латике насладиться его раздраженным взглядом, брошенным через плечо. Было ли все столь очевидным? Был ли тот факт, что он был брошен женщиной, причем в её собственной квартире, в то время пока стоял на кухне, готовя ей завтрак как какой-то придурок, так очевиден? Было ли это написано у него на лице? Возможно ли, что все в больнице успели это заметить?

Он вдруг почувствовал, как они все смотрели на него. Медсестры, ординаторы, хирурги — все беззвучно смеялись себе под нос над тем, как он выставил себя дураком.

Гейдж знал это с самого начала. Настоящие отношения, настоящая близость, реальная любовь, доверие и преданность не могли существовать в его мире. Часть его спрашивала, а существовали ли они вообще.

Несмотря на это, одно было наверняка.

Веда, возможно, смогла заставить его сомневаться в аспектах своей жизни, своих родителях и мире, который он всегда знал. Она, возможно, смогла заставить его поверить, пусть даже на мгновение, что это возможно, что все могло быть возможным...

Гейдж сделал вдох и заставил свой разум прекратить строить догадки. Прервать ход этих мыслей, прямо сейчас и навсегда.

Она, возможно, уже обманула его однажды, но Гейдж поклялся себе, прямо здесь и сейчас, что он никогда не даст Веде Вандайк шанс сделать это дважды.

Поздно вечером Веда открыла дверь своей квартиры, настолько усталая от долгого рабочего дня, что легко бы смогла вырубиться прямо на коврике у входа. Однако, когда она повернула в замке ключ, всплеск адреналина промчался сквозь нее, а пальцы начали трястись. Даже после отказа Гейджу накануне днем, он все равно был достаточно любезен, чтобы закрыть нижний замок после своего ухода.

Её сердце невыносимо сжалось.

Веда знала, даже прежде чем зашла в свою квартиру, что та не будет разгромлена, хотя она бы не удивилась, ведь некоторые мужчины мстят таким образом. Особенно, когда их это было уязвлено настолько, насколько она ранила эго Гейджа.

Нет, её квартира была безупречна. Каждый горшок и кастрюля были вымыты и убраны. Если она не сошла с ума, её рабочие поверхности на кухне были на самом деле чище, чем они были до его прихода.

И его запах.

Он всё ещё был здесь.

Веда бросила сумку на кухонный пол, молясь, чтобы аромат со временем выветрился. Она начала снимать с себя медицинскую форму, пока направлялась в сторону своей спальни, бросая рубашку и штаны на пол.

Девушка добралась до своей комнаты в одном лишь бюстгальтере и трусиках, и остановилась как вкопанная.

Посреди её кровати, где постельное белье по-прежнему было смято после их страстного занятия сексом, стоял поднос с завтраком. Два стакана нетронутого апельсинового сока манили её с порога, и она подкралась неторопливым шагом, как если бы поднос действительно был бомбой замедленного действия.

Когда остальная часть подноса попала в поле её зрения, Веда не знала почему, но из её глаз покатались слезы. Девушка дотронулась рукой до края губ и посмотрела на блинчики, которые он расположил на тарелке так, чтобы они выглядели как восход солнца.

Блинчик изображал само солнце, а тонкие ломтики клубники вокруг него представляли подобие лучиков. Он даже нашел чернику, чтобы сделать глаза, и пакетик с шоколадной стружкой для улыбки. Полоски бекона служили для того, чтобы придать законченный образ солнцу в виде рук и ног.

Гейдж даже взял по одному из розовых цветков, которые, как она знала, росли снаружи на кизиловом дереве, и положил на каждую тарелку.

Веда была удивлена рыданию, которое вырывалось из её горла, а когда попыталась подавить его, её тело задрожало с ещё большей силой, отказываясь мириться с игнорированием собственных чувств.

Она смахнула слезы со щек и прижала кулак ко рту, покачав головой, смотря вниз на поднос с завтраком и прошептав в тишине своей квартиры.

— Ты — настоящая стерва, Веда Вандайк.

— Ты — настоящая сволочь, Линкольн Хилл, — Вино Маретти упер свои руки в бока, и его глаза были полны тревоги. — Это уже третья боксерская груша, которую ты испортил меньше, чем за месяц.

Угол рта Линка поднялся от ухмылки, пока его обнажённая грудь вздымалась, а подбородка ведрами стекал пот. Его руки всё ещё были сжаты в кулаки, которые мгновением раньше уничтожили боксерскую грушу, теперь лежащую у босых ног на ярко-красном ковре. Он пожал плечами. На голову Вино — владельцу крупнейшего тренажерного зала в Тенистой Скале, с потолка вместе с упавшей боксерской грушей обрушились пыль и мусор.

— Значит, моя вина в том, что ты не готов платить деньги за то, чтобы эта вещь была установлена правильно?

— Значит, моя вина в том, что тебя отстранили? — возразил Вино, наклоняясь и пытаясь поднять тяжелую грушу с пола. Румянец расплзался по его щекам, пока он еле-еле передвигал грушу, используя все свое тело, в то время как Линк снес её лишь ударом двух кулаков. — Почему мы все должны страдать из-за того, что ты не можешь контролировать свой гнев?

Неохотно соглашаясь, Линк отодвинул Вино в сторону тыльной стороной ладони, наклонился и обернул цепь груши вокруг руки. Он потащил грушу по полу, слегка опираясь о стену.

Линк отодвинул пряди тёмно-коричневых волос, выбившиеся из насквозь промокшего хвоста, пока его грудь по-прежнему вздымалась и блестела от пота.

— Я снова установлю её, когда у меня будет время, — пообещал Линк, разматывая бинты из спандекса, которыми были обмотаны его руки вокруг ладоней и запястий.

— Как насчет прямо сейчас? У тебя есть ещё неделя, прежде чем ты вернешься к работе, так, чем тебе еще заниматься? Ничем конкретным... кроме как уничтожать мой спортзал.

Линк пронесся мимо него, его колючие зелёные глаза были сосредоточены на стеклянных дверях боксерского зала.

— Нужно кое-что уладить.

Вино проводил мужчину недовольным взглядом. Когда он увидел, на кого уставился Линк, то потянулся и схватил его за руку, которая была вдвое больше обычной, пытаясь остановить.

Линк посмотрел вниз на его руку, а затем через плечо на самого Вино.

— Если действительно хочешь найти...

Хозяин оглянулся назад на стекло, где Гейдж Блэкуотер и Тодд Локвуд подстраховывали друг друга на скамье для жима лежа.

— Ты должен привести свои мысли в порядок. Не позволяй гневу овладеть твоей сосредоточенностью.

Линк огляделся, а потом вырвал свою руку из его захвата.

— Линк, — умоляюще произнес Вино, его плечи опустились, принимая поражение, когда Линкольн рывком открыл дверь и вышел из комнаты без лишних слов.

Веда оторвалась от справочника по клинической анестезии, который давным-давно открыла перед занятием на эллиптическом тренажере, слишком увлеченная

разворачивающимися перед ней событиями. Поглядывая через весь зал, на стеклянные двери боксерского зала, она обнаружила, что очарована детективом Линкольном Хиллом, обливающимся потом и находящимся на грани в момент, когда снес боксерскую грушу. Даже когда он начал дрожать от дикого напряжения, а пот стекал с его упругого тела, словно водопад, мужчина не смягчился. На самом деле, Линк только увеличил скорость ударов, наносимых по груше в самую середину так сильно, что тяжелый снаряд, в конечном счете, сорвался с потолка и рухнул на пол.

Одышка и ворчание её коллег — посетителей тренажерного зала, вывела её из ступора, и Веда моргнула, возвращаясь к реальности.

Её взгляд пересек весь зал и остановился на Тодде — причине, по которой она была тут в первую очередь, а затем заметил Гейджа на скамейке для жима. В течение недели Веда выслеживала Тодда. Она узнала, что он приходил в этот тренажерный зал каждые выходные ровно в десять часов, но это был первый раз, когда кто-то сопровождал его. Она увидела, как вместе с Тоддом зашел Гейдж. Через весь зал они пересеклись друг с другом взглядами, и у нее перехватило дыхание. Он сразу же отвел взгляд и больше не оглядывался. Ни разу.

Неделя.

Неделя пролетела с тех пор, как у них был секс. Неделю они были вынуждены терпеть друг друга на работе, изо всех сил пытались сохранять профессионализм. Неделю Гейдж притворялся, что она для него больше не существовала. Целая неделя, а её тело до сих пор реагировало на его запах, когда он проносился мимо её эллиптического тренажера.

Веда вырвалась из прошлого в настоящее в тот момент, когда Линкольн открыл стеклянную дверь боксерского зала. Его взгляд был устремлен на Тодда, пока он широкими шагами двигался через зал.

Тодд выпрямился, улыбнулся Линку и помахал. В течение недели, следя за ним, Веда хорошо изучила Тодда: его график, его привычки, его каждую, пусть даже крошечную, особенность. Она знала, что мужчина никогда не будет проявлять такой любезности, как улыбка или дружеский взмах рукой. В любом случае, не с добродушным намерением.

Нет.

Тодд дразнил Линка.

Но зачем?

Взгляд Веды вернулся обратно к Линку как раз вовремя, чтобы увидеть, как детектив скривил свои губы, глядя на Тодда. Он сжал кулаки, от чего его бицепсы стали в два раза больше их естественного размера. В походке поубавилось ярости, а затем он и вовсе остановился.

На мгновение Веде показалось, что Линк собирался пронестись через зал и схватить Тодда за горло. Его взгляд обещал, что так он и сделает; вернее, говорил несколько секунд назад, но появился маленький мужчина-итальянец и поймал Линка, сжав руки мертвой хваткой и встряхнув его. Детективу потребовалось несколько секунд, чтобы оторвать свой пристальный пренебрежительный взгляд от Тодда и посмотреть вниз на мужчину, и только сделав это, он позволил оттащить себя. Почему?

Веда посмотрела им вслед, широко раскрыв глаза. Часть её рвалась остановить этот эллипсоид (Прим.: Эллипсоид — тренажер, смесь беговой дорожки, велотренажера и степпера) и последовать за Линком. Тот факт, что он явно презирал Тодда, возможно, даже больше, чем она, усугубил эту потребность до практически предельного уровня. Она жаждала помочь ему. Спасти его так же, как он спас её много лет назад. Но как? Что бы она

сделала? Что бы сказала?

«Привет, я девушка, которой ты делал искусственное дыхание «рот-в-рот» на пляже несколько лет назад, помнишь? На мне было белое платье, едва прикрывавшее мою незрелую, слишком-взрослую-для-неё-самой-хорошенькую задницу? Ни о чём не говорит? Да ладно, ты должен помнить. Ты дал мне медальон своей непьющей матери, чтобы немного успокоить меня? Кстати, я до сих пор храню его».

Она надула губы. Это звучало не так уж плохо. Её палец замер над кнопкой «стоп» на тренажере, но более рациональная часть мозга сдержала её от нажатия.

Если Веда действительно собиралась закончить то, ради чего сюда вернулась, было бы глупо подружиться с Линком. Даже если он спас ей жизнь, то по-прежнему был детективом. Если она расскажет ему о себе прямо перед тем, как трупы всех её мертвых насильников начнут появляться как дешёвые леденцы, он сопоставит факты в считанные секунды. Тогда её арестуют и отправят в тюрьму. Но девушка уже решила, что лучше умрет, чем попадет за решётку.

Она, в буквальном смысле, должна умереть.

Так что нет, Линкольн Хилл никогда не сможет узнать о том, кто она на самом деле. Веда никогда не сможет вернуть этот бронзовый медальон, как всегда планировала. Он так много раз помогал ей за все эти годы. Но из-за сцены, свидетелем которой она только что стала, девушка знала, что сейчас он был нужен Линку больше, чем ей.

Веда надула губы, задаваясь вопросом, смогла бы она узнать, где он живет, и подбросить вещицу ему в почтовый ящик. Нет, об этом не могло быть и речи. Никким образом она не могла предупредить его о своём присутствии.

— Проверяешь свою следующую жертву?

Взгляд Веды метнулся вперёд, и ошеломленный вздох вырвался из глубины её горла от звука голоса Гейджа. Меньше чем в футе от её тренажера она встретила с его холодными карими глазами, когда он проходил мимо, набросив полотенце с логотипом спортзала на свои широкие плечи.

— Он не был с женщиной с тех пор, как пропала его жена, — сказал Гейдж, кивая в сторону Линка, на которого смотрела Веда. — Я сомневаюсь, что он сможет справиться с тобой.

— Хорошо, что он не моя следующая жертва, — Веда крепче сжала ручки эллипсоида, всё ещё скользкие от её потных ладоней. — Я до сих пор получаю слишком много удовольствия от первой.

Его челюсть отвисла. Очевидно, мужчина решил, что девушка говорила о нём, а не о дураке, который быстро приближался к нему сзади.

— Почему ты все время говоришь с этой психопаткой? — Тодд сжал Гейджа в удушающем захвате, шепча ему на ухо так громко, что было слышно всем. — Она сумасшедшая, брат. Давай у*бывай отсюда.

Тодд потащил друга в сторону, не отрывая свой взгляд от Веды, когда Гейдж вытянул шею, и его глаза наполнились эмоциями такой глубины, что девушка еле сдерживалась вплоть до того момента, пока парни не исчезли за углом.

Веда остановила тренажер, как только они ушли, схватила бутылку с водой, влажную от ледяного конденсата, и осушила её за несколько тяжёлых глотков.

Даже когда ледяная вода охладила её горло, она, как и прежде, чувствовала сухость. Её сердце колотилось ещё больше, ведь она не должна позволять себе никаких чувств.

Как возможно, что мужчина, который являлся другом Годда Локвуда, имел такую власть над её телом?

Что, чёрт возьми, с ней не так?

— Латика, ты когда-нибудь работаешь в этой больнице? Или я плачу тебе за то, чтобы ты сидела на заднице в течение всего дня? — Гейдж улыбнулся, когда из-за больничной стойки регистрации в его голову прилетела ручка. — Когда в последний раз ты касалась больного? Как возможно, что все эти документы до сих пор не заполнены, а ты бездельничаешь за этим столом с 5 утра? Какого черта ты делаешь? Честно?

— Мальчик, если ты не уберешься прочь с моих глаз... — Латика прервала себя на середине напыщенной речи, тыкая в него указательным пальцем. — Знаешь, что? Нынче я не потеряю работу из-за тебя. Не сегодня, сатана, — она притворилась, что сосредоточилась на экране своего компьютера, борясь с улыбкой, пока Гейдж заливался тихим смехом, опираясь одной рукой на стойку регистрации, и исследовал взглядом фойе.

— Тихо сегодня, — сказал он.

— Как всегда в праздничные выходные. Ты бы знал об этом, если бы когда-нибудь находился здесь в такие дни, — Латика наклонилась вперёд, прижимая подбородок к тыльной стороне ладони. — Но теперь, так как ты всё время здесь, я полагаю, что ты собираешься начать изучение всех маленьких секретов, которые сохраняют это место живым. Значит, раз уж ты теперь здесь... всё время.

Гейдж сжал губы.

— Поиск нового руководителя занимает гораздо больше времени, чем ожидалось.

— М — м — м — хм — м — м.

— Независимо от того, какие сценарии в больнице общего профиля ты вообразила в своей голове, я здесь только для того, чтобы убедиться, что моя больница работает гладко, пока не нанят новый руководитель.

Латика посмотрела на него поверх оправы своих очков.

Гейдж отвернулся от неё, закатив глаза.

— У тебя есть планы на вечер?

— На самом деле, есть.

— Ах, да? — он оперся на стол обеими руками, поигрывая бровями. — Горячее свидание? И кто же этот счастливчик?

— Дензел, — ответила Латика. — Вечер в сопровождении мощного парня, как я люблю называть «Джек Дэниэлс».

Гейдж захохотал, и собрался было ответить, но кто-то прошел рядом с ним мимо стойки, он бросил мимолетный взгляд... и слова застряли в его горле.

Веда Вандайк подошла, тяжело дыша, остановилась рядом с ним и хлопнула руками по столу. Когда она повернула голову и увидела его, Гейдж задержал дыхание, выпрямился и поправил галстук. Его взгляд упал на её ногти с узором в виде американского флага. Он поспешно отвернулся, а её мягкий голос разнесся по коридору.

— Привет, Латика, — выдохнула Веда. — Ты меня вызывала?

Гейдж бросил на Латика суровый взгляд, а она проделала феноменальную работу, притворяясь, что не заметила этого.

Голос Латика стал сладким и тёплым как персиковый коблер (Прим.: Коблер (от англ. cobble — «булыжник, мостить булыжниками») — пирог-перевертыш: начинка снизу, а тесто

сверху. Похож на крисп или крамбль, с той разницей, что сверху не рассыпчатая крошка, а печенье или булочки).

— Да, сладкая. Ты забыла подписать бумаги для оплаты мистером Харрисоном его эндоскопии завтра утром.

Гейдж сверлил взглядом Латику, удивляясь, почему она никогда не использовала этот приятный тон с ним. Он втянул воздух, когда раздался голос Веды.

— Боже, у меня сегодня такая неразбериха. Несколько человек ушли на праздник, и я предполагаю, что нахожусь в полном раздрае.

— Всё хорошо, сладкая, — ответила Латика. — Вот почему я здесь.

— Спасибо, что помогаешь мне.

Царапающий звук ручки по бумаге разнесся в тишине. Краем глаза Гейдж заметил Латику, наблюдавшую за ним. Зная, что она выискивала в выражении его лица, он сделал так, чтобы удерживать свой взгляд и тело полностью отстраненными от Веды. Гейдж попытался сосредоточиться на крохотном количестве пациентов, сидящих в зале ожидания, и ослабил галстук, когда почувствовал, что тот начал его душить.

Веда по-прежнему использовала тот же шампунь, и каждый раз, когда он глубоко вдыхал, аромат возвращал его память к той ночи, что они провели вместе, вновь разрушая всю сдержанность. С каждым глотком воздуха его дыхание становилось отрывистым, а пальцы дрожали все сильнее. Гейдж вновь видел её полные губы, приоткрывшиеся в экстазе. Губы, которые она не разрешила поцеловать ни разу. П одатливость её упругих изгибов под его жадными пальцами, изгибов, которые она не позволила ему увидеть, отказываясь снять платье. Приятное тепло её киски, сжимающей его член, который сейчас стал таким же жёстким, как был в ту памятную ночь. Он всё ещё мог чувствовать её бархатные стенки, втягивающие его член.

Гейдж облизал губы, когда они совсем пересохли.

Как и раньше, мужчина испытывал необычное чувство умиротворения, пока готовил ей завтрак на следующее утро, и слишком знакомое чувство утраты, разрушившее его в тот момент, когда он понял, что она ушла.

Зажмурив глаза, он накрыл лоб рукой и был потрясён от осознания, что тот оказался влажным.

Молчание затянулось, и Гейдж знал, что Латика сделала это не просто так, давая ему взглянуть на этот момент, на них обоих.

Он отказался доставить любой из них удовольствие увидеть пот, собирающийся у него на лбу, или даже мимолетный взгляд.

А затем Веда мягко прошептала:

— Всем счастливого 4 июля (Прим.: 4 июля — в США национальный праздник — День независимости)!

И её аромат улетучился.

С сердце мужчины упало к его же ногам.

— Счастливого 4 июля, сладенькая, — сказала Латика. — Спокойной ночи.

Гейдж сжал кулаки, втянул воздух и, поворачиваясь к Веде, прошептал:

— Счастливого 4 июля.

Но она уже ушла, торопясь к автоматическим стеклянным дверям лестничной площадки, обхватив себя руками.

Гейджа затрясло. Он чуть не последовал за ней, но что-то помешало ему двинуться

вперёд. Мужчина сунул руки в карманы, пока оценивал её попку. Она выглядела такой же мягкой в голубом костюме, какой и ощущалась под его жадными пальцами той ночью, когда она позволила ему обладать ею.

Их первый и единственный раз.

Его дыхание стало частым и шумным.

Гейдж повернулся лицом к Латике.

Её пронизательные глаза изучали его поверх оправы очков, а губы сморщились.

Он поднял руку.

— Не надо.

— М-м-м-хм-м-м.

Сегодня вечером мероприятие.

Сегодня вечером, 4 — го июля, в ночном клубе отеля Тенистой Скалы на крыше, где фейерверки освещали небо, и гремела музыка в стиле «хаус», Веда Вандайк наконец-то собиралась убить Тодда Локвуда.

Без отвлечений. Без оправданий. Без исключений.

Это был клуб с возрастным ограничением от двадцати одного года и старше, так что Коко здесь не будет, чтобы всё испортить своими выразительными глазами и слащавой улыбкой. Гейджа также не было видно. От двух этих образов здравомыслие Веды стремительно восстановилось, и она стала еще на один шаг ближе к получению того, зачем пришла.

Чтобы унять демонов в её сердце. Чтобы освободиться от эмоциональной клетки, в которой она была заперта в течение многих лет. К следующему животному, на котором она поставит крест.

На один шаг ближе к номеру два.

Но сейчас, когда девушка покачивала телом под грохот музыки, сотрясающей пол, Веда оставалась сосредоточенной на своем номере один.

Горький привкус водки до сих пор согревал её язык — единственный напиток, который она употребила.

Только один.

В самый раз для снятия напряжение и расслабления самой себя, чтобы спустить курок, но не так много алкоголя, чтобы быть слишком опьяненной и позволить себя снять.

В середине танцпола полураздетые тела кружились вокруг неё. Эхо от разговоров и смеха переплеталось и сливалось с музыкой. П рожекторы мелькали, но совсем не подходили к красочным фейерверкам в звёздном небе над головой.

Веда откинула голову назад, позволяя глазам закрыться, пока водка согревала её вены. Она вдыхала запах океана, который, казалось, присутствовал в каждом уголке острова Тенистая Скала.

Её голова опустилась, и она посмотрела вниз на своё тело, движущееся в такт музыке. Серебряное мини-платье, которое было на ней, сверкало под огнями и переливалось под стробоскопами. Когда она покачивалась, её мускулистые бедра сжимались.

В правой руке, свисая с кончиков наманикюренных ногтей с изображением американского флага, был пузырьёк, который ей до сих пор не удалось использовать.

Но всё это изменится сегодня ночью. Всё это изменится мгновенно, потому что прямо перед ней, совершенно не подозревая о её присутствии, Тодд Локвуд также двигался вместе

с музыкой, повернувшись к ней спиной. Его правая рука была обернута вокруг шеи гибкой девушки-блондинки, и он терся своей промежностью об её задницу.

В его левой руке, опущенной вниз, был красный стаканчик с коктейлем, который он потягивал всю ночь.

Неделей ранее, в баре «У Данте» она заметила, что Тодд ни при каких обстоятельствах не ставил свой напиток, буквально не допускал, чтобы бокал покидал его руку. Сегодня ночью всё было именно так, но Веда наблюдала за ним, уткнувшись носом в белокурые волосы женщины, предположительно нашептывающего унижительные вещи ей в ухо, и её глаза были прикованы к пластиковому стаканчику, зажатому в его пальцах.

Стаканчик, который Тодд не отпускал, но потерял из виду.

Веда почувствовала, как взрывы из звёздного неба перенеслись в её сердце, когда она дрожащими пальцами вскрыла пузырёк. Глаза девушки были прикованы к стаканчику Тодда.

Веда шагнула вперёд, её пальцам не терпелось вылить пузырёк в его оставленный без внимания напиток, как вдруг что-то остановило её на середине шага.

Она не знала почему, но её глаза взметнулись к готической лестнице в дальнем углу крыши. Извилистые перила, каждая ступенька которой, буквально светилась белым светом. Она проследила взглядом по перилам весь путь до верхнего уровня, где разрешалось стоять только VIP-персонам. Вся элита Тенистой Скалы выстроилась у перил, наблюдая за фаворитами вечеринки, проходящей внизу.

Когда взгляд Веды задержался на Гейдже, прислонившемся к перилам в чёрной футболке, чёрной кожаной куртке и тёмных джинсах. И Веда поняла.

Она поняла, почему какая-то неведомая сила завладела её вниманием, вынуждая поднять глаза на лестницу.

Веда поняла, потому что это стало невозможно отрицать.

Всякий раз, когда она и Гейдж Блэкуотер находились в одной комнате, даже когда они не разговаривали, даже когда они активно избегали друг друга, что-то всегда притягивало её взгляд к нему.

Всегда.

Сегодняшняя ночь, по-видимому, не стала исключением, и Веда выругалась шёпотом, когда от одного его вида она задрожала и чуть не выронила флакон. Девушка посмотрела вниз, чтобы убедиться, что он всё ещё был в безопасности, проклиная своё тело, которое становилось возбуждённым. Её сердце колотилось, словно она приняла дозу одного из наркотиков, которые перемещались по субботней вечеринке всю ночь.

Взгляд Веды метнулся обратно вверх к перилам, и она задержала дыхание, когда обнаружила, что Гейдж смотрел прямо на неё.

И она это почувствовала. Чем бы это ни было, это отразилось в его глазах. Пристальный взгляд мужчины сверху нашёл её и сфокусировался на ней. Он проник в неё и скрутил внутренности в узлы. Даже с танцпола она увидела, как мышцы на его челюсти сжались. Его напряжённый взгляд всегда сохранялся таким, когда касался её, но ему не следовало быть таковым.

Веда ждала, пока он отвернется, потому что знала, что сама не сможет.

Гейдж этого не сделал.

Когда трепет бабочек, рвущих к жизни в её желудке, сделал невозможным исполнять энергичный танец, Веда сделала два простых шага. Она, скорее всего, выглядела смешно,

сделав два шага на танцполе, заполненном людьми, выкладывающимся на всю катушку и совершающим самые сексуальные и сложные движения, которые только можно было придумать. Толпа поднимала руки вверх, когда славили день рождения страны, но Веда не могла делать ни того, ни другого.

Когда Гейдж смотрел на неё, она не могла ничего, кроме как остановиться и изумленно смотреть, позволяя своему телу реагировать и ждать, пока пройдёт хаос. Вроде спазма. Она почувствовала, как появилась невыносимая боль, и знала, что это было ужасно, но не было ничего, что бы могло остановить его. Хаос полностью управлял ею. Всё, что она могла сделать — лечь на пол и ждать, пока он закончится.

Ч тобы вынести огонь, который Гейдж посылал внутрь неё, Веда могла сделать только одну правильную вещь — ждать пока он, наконец, не отведет взгляд, или она медленно не погасит его сама.

Гейдж нахмурил брови. Казалось, что целая жизнь промелькнула перед его глазами, прикованными к ней. Он покрутил бокал в руках; порция янтарной жидкости, находящейся внутри него, всколыхнулась. Фейерверки, сверкающие в небе, осветили его лицо, и Веда не могла решить, выглядел ли он сердитым, раздраженным, «под кайфом» или всё вместе.

Но она не могла отвести взгляд.

Девушка даже не поняла, что уже совсем перестала танцевать — даже тустеп, пока к Гейджу не подошла женщина и не обвила свои тонкие руки вокруг него.

Воздух покинул лёгкие Веды. Бабочки в животе умерли быстрой смертью, резко падая к её ногам, обутым в потрясающие туфли на высоких серебристых каблуках. Её руки и плечи опустились, а флакон ударился о бедро.

Она узнала рыжеволосую женщину, шепчущую Гейджу на ухо.

Его будущая жена.

Как бы то ни было, то, что невеста шептала Гейджу, завладело его вниманием, и он оторвал взгляд от Веды, наклоняясь ближе к той, чтобы послушать.

Веда выругалась шёпотом на чувство, проходящее сквозь неё. Она что, настолько тупая? Большая недотёпа? Она действительно позволила несвободному мужчине завладеть её вниманием настолько, что почти предоставила ему возможность разрушить её план лишь одним тлеющим взглядом?

Её ожесточённый взгляд вернулся к Тодду, напиток все ещё был сбоку, нос до сих пор похоронен в волосах блондинки, по-прежнему не обращая внимания на судьбу, которая его ждала.

Веда взглянула наверх в последний раз. Гейджа и его невесты больше там не было. Она исследовала взглядом лестницу и танцпол, но нигде их не заметила.

Хорошо.

Теперь, когда глаза Гейджа больше не разрывали её на части, и дышать стало легче, её задача вновь стала кристально ясной. Веда шагнула вперёд достаточно близко, на столько, что ветер заставил её локоны задеть заднюю часть классической светло-розовой рубашки Тодда. Он не заметил её близости, так как близость — доказательство того, что на переполненном танцполе не ты один. Для него она была просто ещё одной тусовщицей, отлично проводящей время, вероятно, изрядно подвыпившей, чтобы понять, что задевала совершенно незнакомого человека.

Но Веда не была выпившей.

Она была предельно трезвой, когда поднесла пузырек ближе и позволила ему

задержаться над краем стаканчика с напитком. Затем наклонила его так, чтобы опустошить его содержимое. И как только она уронила флакон на пол, то сделала шаг назад, проверяя своё окружение и убеждаясь, что не была замечена.

Её не заметили.

Веда с одержимостью наблюдала за напитком Тодда, ожидая, когда он сделает первый глоток.

Один глоток — это всё, что требовалось.

Яд проникнет в его вены, и спокойно будет циркулировать в течение нескольких часов. Он даже не поймет, что именно не так. Затем, постепенно, он начнет ощущать потерю равновесия. Дезориентацию. Сонливость. Веда знала, что это был уже пятый его коктейль за ночь, так что, вероятнее всего, он ограничится тошнотворным чувством вплоть до интоксикации. Один напиток — слишком много. Он не будет чувствовать паники или что-то из ряда вон выходящее, а следовательно, не придет на осмотр в приемное отделение. К тому времени, как яд начнет ослаблять его иммунную систему, он, вероятно, будет крепко спать. И когда судмедэксперт сделает анализ, все следы токсина уже покинут его организм.

Маленькая улыбка расцвела на лице Веды, пока она ждала, как он сделает первый глоток. Она подняла руки над головой и начала «долбить под музыку», сильнее предвкушая этот момент. Девушка вращала бедрами и кружила вокруг Тодда, желая увидеть его лицо. Веда хотела стать свидетелем его заманчивого пыхтения, которое медленно положит конец его жизни.

Точно так же, как он медленно положил конец её.

Ни он, ни блондинка не заметили её, пока она танцевала рядом. Они были слишком погружены в то, что одни назвали бы «танцом», а другие «траханье в одежде», чтобы быть в курсе происходящего вокруг.

Блондинка повернулась к Тодду лицом, её длинные волосы развевались, пока она сжимала его подбородок, ни разу не пропуская толчок в её вращающиеся бедра.

— Купи мне напиток, — прочитала Веда по губам блондинки. — Я хочу пить.

С ухмылкой и льстивым взглядом Тодд поднял стакан, который держал, предлагая его блондинке.

Удушье, от которого разорвало легкие Веды, было достаточно громким, чтобы заглушить как грохочущую музыку, так и треск фейерверков.

Блондинка едва обвила пальцы вокруг стаканчика, предложенного Тоддом, прежде чем Веда протянула руку и ударила по его руке.

Тодда встряхнуло, а блондинка вскрикнула, когда стакан взлетел, и красная жидкость взметнулась высоко в небо. Она слилась с фейерверками, которые были (как будто, так и задумано) того же огненно-красного оттенка, прежде чем, разбрызгавшись, упасть на них, окрашивая розовую рубашку Тодда и белое платье блондинки.

— О, мой гребаный Бог!

— Какого хрена! — кричали Тодд и блондинка, разведя руки в стороны, поскольку липкая красная жидкость намочила их кожу, испортила одежду и закапала с волос.

Их испуганные глаза одновременно уставились на Веду.

Веда бормотала что-то непонятное, вжав голову в плечи и сжав кулаки у лица. Её собственные глаза наполнились шоком, пока она пыталась придумать что угодно в свое оправдание.

Ничего не выходило.

— Что, черт возьми, это было? — вопила блондинка, метая глазами молнии, когда её тонкие молочно-белые руки были по-прежнему высоко подняты и разведены в стороны. Она осмотрела свое белое платье, готовая разрыдаться. — Боже мой, это платье за две тысячи долларов!

Гнев Тодда промелькнул в раздраженно прищуренных глазах, но когда он сердито посмотрел на Веду, явно пребывая на грани и готовый разразиться тирадой, его глаза внезапно расширились.

Веда увидела это. Осознание.

Тодд оскалился и в мгновение ока потянулся к ней, сжав руку Веды в жёстком захвате и толкая её вперед.

— Сумасшедшая сука.

Волосы на затылке Веды встали дыбом, а его голубые глаза прожгли её насквозь. К ровь девушки стала ледяной, когда он сжал пальцы вокруг её предплечья, почти причиняя боль.

— Ты кончишь для меня, сука?

Веда сглотнула желчь, поднимавшуюся к горлу снова и снова, молясь о том, чтобы он закончил прежде, чем она была бы больше не в силах этим управлять. Звук удара о его кожу заполнил воздух, сливаясь с хихиканьем его друзей, когда стоны парня превратились в ворчание.

Он сжал рукой её предплечье, пока тепло его семени наполняло внутренности, обжигая нетронутые стенки влагалища. Насильник ужесточил свою хватку настолько яростно, что Веда волновалась, что мужчина мог разорвать её руку надвое так же, как он разорвал сердцевину.

— Отпусти меня, — Веда показала свои собственные зубы, слезы жгли ей глаза, наполняя их до краев и скатываясь по щекам, когда она попыталась выдернуть руку из его хватки. Но он был слишком силен, цифра «23» на его запястье изогнулась, когда он усилил хватку, закрепив его в этом ужасном месте, посылая её обратно в ту тёмную ночь. Крик разорвал её горло, когда она заметалась, пытаясь высвободить руку. — Отпусти меня.

Когда Тодд внезапно отпустил её, зрение Веды уже было ослеплено слезами. Яростно моргая, она обхватила свою пульсирующую руку, пока её грудь вздымалась от шока.

Когда она сморгнула слезы, и зрение прояснилось, Веда поняла, что Тодд вовсе не сам отпустил её.

Мощная рука, обернутая вокруг его шеи, и свекольно-красное лицо из-за отсутствия воздуха в легких и потрясённые глаза Тодда, исследующие лицо Гейджа, когда тот усилил сжатие.

— Не смей когда-либо снова протягивать к ней свои руки, — распалялся Гейдж. — Ты потерял свой чертов рассудок?

Веда накрыла рукой грохочущее сердце. А затем обе, она и блондинка, потянулись к Гейджу, чьё лицо было таким жёстким и багровым от ярости, что Веда едва узнала его.

— Гейдж, остановись, — блондинка попыталась встать между Гейджем и Тоддом.

Гейдж даже не заметил её, сжимая пальцы вокруг шеи Тодда ещё сильнее, напрягаясь до тех пор, пока его друг не захрипел.

Веда подошла на цыпочках и положила руку на бицепс Гейджа, который был напряженным настолько сильно, что она удивилась, собиралась ли эта глыба под её

дрожащими пальцами разорваться, ведь мощь мужчины ощущалась даже через кожаную куртку.

В тот момент, когда её пальцы коснулись его руки, что-то надломилось в Гейдже, чего не произошло от вмешательства блондинки. Он повернулся к ней, встречаясь с Ведой глазами.

Желудок Веды сжался от того, как выглядел Гейдж. Нагота, слепота, выражение настолько безучастное к чему бы то ни было, кроме слепой ярости. Девушка почувствовала, что смотрела на другого человека.

— Я в порядке, — прошептала она, слыша неконтролируемую вибрацию её собственного ошеломлённого голоса и чувствуя высохшие дорожки слез на щеках. — Гейдж, всё хорошо.

Гейдж не смягчился, по-прежнему держа шею друга так плотно, что побудил Тодда ухватиться за лацканы его кожаной куртки. Он дернул, молча умоляя об освобождении. До сих пор, даже пока боролся, Тодд не нанес ему ответный удар.

Удерживая взгляд Веды, всё тело Гейджа затрясло. Он отпустил Тодда, пихая его в шею, пока тот не полетел в толпу, всё ещё не замечая танцующих вокруг них.

Веда впервые за последние минуты втянула воздух, как если бы она была единственной, кто задыхался тут. Её влажные глаза стали шире, следуя за Гейджем, когда он выпрямился, дёрнул за манжеты своей куртки и расправил её на широких плечах. Он внезапно показался в 10 раз выше, в 10 раз шире, в 10 раз более угрожающим, чем когда-либо прежде.

Веда, спотыкаясь, попятилась назад, подальше от него, прикрывая рот обеими руками. Её широко открытые глаза исследовали мужчину, пока его невеста не появилась рядом с ним, со своими наполненными беспокойством голубыми глазами. Она схватила его за руку, потрясла, но Гейджу потребовалось ещё мгновение, чтобы оторвать свой взгляд от Веды и посмотреть на неё. Девушка дотянулась и погладила его по челюсти, одной рукой, что-то прошептав.

Какими бы ни были слова, которые произнесла невеста, они заставили мышцу, которая всё ещё пульсировала на шее Гейджа, расслабиться. Он удерживал её безумный взгляд мгновение, прежде чем поднять свои глаза на толпу.

Веда поняла.

Он волновался, что кто-то увидел его. Заметил его порыв.

Веда наблюдала, как невеста продолжала шептать, видела, как Гейдж заметно расслаблялся с каждым произнесённым ею словом, возвращаясь к облику человека, которого они все знали.

Между тем, видение того, как он был возвращен к своему истинному «я», к кому-то, кто не был им, подтолкнуло Веду обратиться оттуда побыстрее. Подальше от нежных рук его невесты, всё ещё сжимающих его челюсть. Подальше от его глаз, стремительно успокаивающихся от каких-то умиротворяющих слов, которые она говорила.

Веда отвернулась от его взгляда и начала протискиваться через толпу, двигаясь так быстро, как только могла, пока не оказалась на выходе. И, оставив дверь открытой, рванула к лифтам в конце коридора, отчаянно пытаясь побыстрее оказаться на первом этаже здания.

Отчаянно желая ступить ногами на землю.

Отчаянно стараясь сбежать.

Гейдж не курил годами. Годами! Поскольку видел, как его покойный дедушка сделал свой последний сдавленный, клокочущий, скрипучий вдох, пока его обугленные легкие боролись изо всех сил, даже когда совершенно обессилили.

Но сегодняшняя ночь.

О, сегодняшняя ночь.

Гейдж сомкнул губы вокруг тлеющей палочки, набитой табаком, позволяя горькому привкусу ужалить язык, когда его наполненные беспокойством глаза закрылись, и он сделал глубокий вдох, наполняя ядом свои лёгкие. Он вынул изо рта сигарету и держал перед собой, глядя на неё в страхе, когда всё волшебным образом исчезло. Всё. Его рука вокруг шеи. Тогда. Страх в глазах Веды. Ёе вид, снова убегающей от него. Это всё уплыло, растворилось в ночном воздухе вместе с чередой затхлого дыма, которому он позволил вырваться из своих уст.

Он знал, что не останется «потерявшим голову» навсегда. Но на данный момент этого было достаточно.

— Применить к генеральному директору компании твоего отца удушающий захват в самом центре переполненного клуба...

Гейдж повернул голову на звук мягкого голоса своей невесты. Он поймал улыбающийся взгляд Скарлетт, но не улыбнулся в ответ.

— Наши родители будут взволнованы, — прошептала она.

Хлипкая пожарная лестница покачивалась с воем на ветру на высоте сотни футов над землей. Ни один из них не вздрогнул от зыбкого ощущения страха, потому что никто из них не боялся высоты.

«Или, возможно, — подумал Гейдж, — ни один из них не боялся умереть».

Вечеринка на крыше над ними по-прежнему была в полном разгаре, а от грохочущей музыки пожарная лестница дрожала ещё сильнее. Длинные ноги Гейджа были широко расставлены, он занимал большую часть лестницы, но Скарлетт была достаточно миниатюрной, чтобы втиснуться в оставшийся кусочек пространства, что у неё был. Она скрестила стройные ноги и всем телом прижалась к нему, с весельем во взгляде внимательно рассматривая его профиль.

Мужчина облокотился на свои колени и стряхнул пепел.

— Я надеюсь, ты простишь меня. Я знаю, как важно для твоей семьи, чтобы мы соблюдали приличия.

Скарлетт выглядела изумлённой.

— Мне пофиг.

Гейдж бросил на неё удивлённый взгляд, борясь с улыбкой.

— Никогда не слышал, чтобы ты так выражалась.

— Мужчина, — её взгляд опустился на его губы, — защищающий свою девушку. Нет ничего более чистого или более благородного, чем это. Если бы было наоборот, и мой парень оказался в центре внимания? Я бы не колебалась ни секунды, чтобы врезать ему в челюсть.

Гейдж слегка нахмурился.

— Твой парень?

Её улыбка стала понимающей. Она переплела свои пальцы с его.

— У тебя чистое сердце.

— Ты видишь кого-то ещё?

Она широко распахнула голубые глаза.

— Ты злишься на меня?

Он изучил её глаза, после чего отвернулся, нахмутив брови.

— Нет.

— Хорошо. Все из-за той девушки? Если она твоя, а ты её, я не стану сердиться на тебя.

Важно, конечно, чтобы мы сохраняли осторожность, но нет никакого смысла держаться подальше от людей, которые нам на самом деле... — она не закончила.

Он не нужен ей.

— Да, хорошо, — он бросил свою сигарету. — Веда не моя, так что...

Скарлетт крепче сжала его руку и произнесла с заговорщическим видом:

— Но ты её?

Гейдж не ответил.

— Она что-то значит для тебя?

Он посмотрел на Скарлетт и заколебался.

— Я не знаю.

Опьяняющая тишина обрушилась на них, когда их взгляды встретились.

Гейдж был первым, кто прервал зрительный контакт.

Скарлетт наклонилась вперед и коснулась его челюсти, заставив его вновь взглянуть себя. Они удерживали друг друга взглядом. Она наклонилась лишь на дюйм. Он сделал то же самое. Это продолжалось: сначала один из них наклонялся чуть ближе, а затем другой, до тех пор, пока их лбы не встретились, а дыхание, согревающее кусочек пространства между ртами, не смешалось с ночным воздухом.

Их губы соприкоснулись.

Скарлетт была первой, кто отпрянул.

— Нет, — прошептала она.

Гейдж покачал головой, и его лоб отстранился от её.

— Не-а.

Она хихикнула, и его глубокий смех присоединился к ней. Их глаза загорелись, когда они оба полностью отстранились, тихо рассмеявшись одновременно.

Скарлетт положила голову ему на плечо и тяжело вздохнула.

— Ну, у тебя есть она. Если мы не знали об этом раньше, предполагаю, что теперь мы определённо это выяснили.

Гейдж тяжело сглотнул, ощутив, как сто фунтовый валун нашёл постоянное пристанище внизу его живота.

— Да...

Теперь он определённо знал это.

Возможно, она просто не была убийцей.

Возможно, возвращение на этот убогий остров было огромной и глупой ошибкой. Может быть, Б оги судьбы послали ей очень чёткий сигнал о том, что месть не освободит её от них, и пока она продолжала пытаться взять дело в свои руки, невинные люди продолжают попадаться на «мушку».

Вдох застрял в горле Веды, когда она подумала о белокурой блондинке, которая была в нескольких секундах от принятия смертельного яда, предназначенного для Тодда. Что, если бы Веда не наблюдала за ними так тщательно? Что, если бы она не повернула голову? Позволила себе снова отвлечься на страстные глаза Гейджа? Разрешила пройти даже мгновению без сосредоточенного внимания к тому напитку? Та блондинка была бы мертва, как грязь под ногами.

И её кровь была бы на руках Веды.

Э тим утром она шла по коридорам больницы, опустив глаза, как будто все врачи, медсёстры и проходящие пациенты могли увидеть в её глазах то, что она чувствовала в сердце.

Как ей можно было доверить жизни невинных пациентов, если она даже не могла обуздать собственную?

До сих пор она не видела иного способа спастись от монстров в своей голове, кроме убийства чудовищ, которые поселились там. У неё просто не было других вариантов.

У неё не было иного выбора.

Остановившись в конце коридора, она нажала кнопку лифта и нахмурилась от собственных мыслей.

Неужели не достаточно того, что она чуть не убила невинную женщину? Разве этого не достаточно, чтобы заставить её пересмотреть свою стратегию? Переосмыслить всё это?

Нет.

Это лишь научило её, что нужно быть более осторожной. Когда она, наконец, достанет Тодда, он не должен быть на публике. Слишком рискованно. Это должно быть лишь между ними двумя.

Но где?

Когда Веда обдумывала всевозможные места, в которых хотела бы закончить его жизнь, и все интересные способы, которыми бы могла это сделать, двери лифта разъехались в стороны.

Она даже не попыталась скрыть приглушённый вдох, что вырвался из горла, или эмоции, которые, как она чувствовала, жалили ей глаза. Она не пыталась дышать, невзирая на своё колотившееся сердце, предпочитая вместо этого просто задержать дыхание.

Когда девушка вошла в лифт, нажав кнопку верхнего этажа, и встала рядом с Гейджем, то заметила, что его грудь тоже совершенно не двигалась. Веда постучала по карманам своего костюма свободной рукой и с ужасом обнаружила, что у неё не было леденцов. Ничего, что бы могло отвлечь её разум или рот, который уже был готов пускать слюни.

Двери плавно закрылись. Это был самый медленный лифт во всём здании, у которого постоянно возникали неполадки, и когда он потащился на верхний этаж, Веда поняла, что один из них, в конечном счёте, должен сделать вдох, чтобы не умереть медленной и мучительной смертью.

А потом лифт затрясло.

И Гейдж, и Веда расставили ноги, их глаза взметнулись к потолку, когда свет начал моргать.

Едва различимый жужжащий шум, всегда создаваемый лифтом, ослабел, прежде чем тот с рывком остановился.

После чего воцарилась тишина.

Спокойствие.

— О, нет, нет, нет... — Веда наклонилась, тыкая пальцем во все кнопки без разбору и глядя на потолок. Ничего.

Она почувствовала его движение рядом с ней. Тепло его тела подступило к ней сзади, окутало её, и Гейдж протянул руку рядом с ней.

Веда застыла на месте, когда их руки слегка соприкоснулись — чувство, которое она до сих пор не могла понять; чувство, прожигавшее её кости и ставящее под сомнение её здравый смысл, которое, в некотором роде, она никогда не испытывала раньше.

Гейдж нажал на зелёную кнопку вызова, и, спустя несколько секунд, голос всё же раздался.

— Служба безопасности Тенистой Скалы.

Веда выпрямилась, поправив свою одежду, и бросила на Гейджа робкий взгляд через плечо. Его руки даже не дрогнули. Она была единственной, кто находился на грани того, чтобы развалиться на части?

Когда он заговорил, его голос был мягким, словно масло.

— Да, Хавьер, лифт застрял на пятом... снова.

Хавьер простонал.

— Мы же только отремонтировали его на прошлой неделе, босс. Вы знаете, что это на последнем этаже. Там есть кто-нибудь из хирургов?

— Только ординатор-анестезиолог и я. Она уже встречалась со своим последним пациентом сегодня около часа назад, так что не беспокойтесь об этом.

Веда прикусила нижнюю губу, борясь с глупой улыбкой.

«Он знает мое расписание?»

Она закатила глаза, когда поняла ход собственных мыслей. Да, формально ей было пять лет.

Веде не нужно было смотреть на Гейджа, чтобы знать, что он стиснул зубы; она могла слышать это в его голосе.

— Как долго?

Длительная пауза со стороны Хавьера.

— Надо вызвать моего парня. В прошлый раз ему потребовалось чуть больше четырёх часов.

— Четыре часа! — взревел Гейдж. — Четыре часа, чтобы починить лифт?

— Э-э... — Хавьер нервно рассмеялся. — Ему потребуется четыре часа, чтобы добраться сюда, босс. У него ушло ещё пять часов, чтобы починить лифт.

Веда почувствовала, как Гейдж бросил на неё взгляд, но не осмелилась взглянуть на него.

Мужчина начал делать глубокие вдохи.

— Просто... вызовите его прямо сейчас. К чёрту бюджет. Скажите ему, что мы заплатим, сколько потребуется. Просто приведите его сюда как можно скорее и возвращайтесь ко мне, когда у вас будет любая новая информация.

— Конечно. Оставайтесь на месте.

— Собственно у нас нет выбора.

Веда прикрыла ладонью лицо, поскольку Гейдж отпустил кнопку, и тио рассмеялась. Они спокойно вернулись к середине лифта и встали напротив дверей, как будто лифт всё ещё продолжал движение. Как будто эти двери раздвинутся в любую минуту на затребованных ими этажах, освобождая от неловкого молчания, в котором они томились.

М иновало ещё одно долгое мгновение, и Веда не смогла удержаться от того, чтобы не взглянуть на него украдкой.

Она ахнула, когда обнаружила прикованный к ней взгляд Гейджа. Не имея возможности оторвать от него взгляд, она ждала удобного момента, чтобы начать банальный разговор. Она бы сказала: «Предполагаю, мы застряли здесь», а он бы немедленно заглотив наживку, сокрушаясь о том, каким куском дерьма был этот лифт. Гейдж упрекнул бы себя, что не вывел его из эксплуатации раньше. Тогда бы Веда встряла и сказала, что это было хорошей идеей, так как она уже видела всех своих пациентов и тех, чья операция была отложена. После он бы пошутил о том, как хорошо, что он не хирург, иначе бы кто-то, возможно, в итоге умер бы сегодня вечером.

Вместо этого Веда прошептала:

— Мне ни разу не выпал шанс поблагодарить тебя за блинчики... — она сглотнула и встретилась с ним взглядом. — Способ, которым ты выложил их в виде солнца... Это было... очень мило.

Веда отвернулась, когда почувствовала постыдное жжение слез в глазах. Было довольно плохо, что блинчики заставили её плакать в тот первый раз, когда она их увидела, сидя на краю кровати, а теперь она собиралась приумножить этот конфуз, устроив ему приватное шоу? Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, благодарная за то, что показавшиеся в её глазах борьба и эмоции иссякли.

— Когда я был ребенком... — начал он.

Веда упивалась его глубоким голосом, как умирающий от жажды наслаждается водой, тайком посматривая на него краем глаза.

Он продолжал смотреть вперёд, массируя свой подбородок, и небольшая улыбка играла на его губах.

— Превращение овсяных хлопьев в случайные формы или животных было одной из нескольких вещей, которые гарантированно заставляли мою мать улыбаться. К тому времени, когда началась начальная школа, я стал чертовски изобретательным. Завтраки в стиле Пикассо.

— Это то, что ты пытался сделать? — мягко спросила она. — Заставить меня улыбнуться? Потому что это сработало, — это также заставило её истерически рыдать по причинам, которые до сих пор были непонятны, но она опустила эту пограничную психологическую пикантную подробность.

Повернувшись к ней, улыбка исчезла с его лица, когда Гейдж прошептал в ответ:

— Я напугал тебя прошлой ночью?

Неспособная остановить себя от поворота на каблуках, Веда повернулась к нему с широко открытыми глазами, прижимая к своей груди карту пациента.

— Нет.

— Просто... — к его горлу подкатил комок. — То, как ты смотрела на меня. Ты смотрела на меня так, будто...

Веда подошла ближе.

— Я не была напугана. Думаю, что просто была удивлена больше, чем кто — либо. Ты защитил меня, и это... действительно ново для меня, — она глубоко вдохнула. — Предполагаю, я так привыкла всегда полагаться только на себя, заботиться о своих собственных проблемах, вести мои собственные сражения, которые... когда ты вмешался и схватил Тодда за шею... — Веда усмехнулась. — Думаю, что я была немного шокирована. Я

совершенно точно была в шоке, — решила она. — Но мне не было страшно.

— Я просто... Я услышал, как ты кричишь, и... Он не отпускал тебя. Он никогда не должен был хватать тебя своими руками так. Меня ослепил гнев.

— Крик был лишним. Вырвался прежде, чем я смогла его остановить. Мне, правда, жаль, что напугала тебя так сильно, — она моргнула, удивляясь, как они оба столкнулись лицом к лицу, открыто смотрели друг другу в глаза и не трудились поддерживать ложное чувство отчужденности, для которой они приложили столько усилий на прошлой неделе, чтобы сделать разыгрываемое представление правдоподобным. — Я просто ... Когда Тодд схватил меня, то вернул меня к реальности... — дерьмо, её глаза снова горели от слез? Веда пыталась бороться с этим, но, когда заговорила, то услышала слезы, проявляющиеся в её голосе, от чего создалась заминка. — Он вернул меня в по-настоящему плохое место.

Девушка даже не смогла закончить, прежде чем Гейдж сократил расстояние между ними и обнял её за плечи, притягивая к себе.

— Эй, эй, эй... Воу, — его дыхание согревало ей волосы, когда он притянул её в нежные объятия, быстро успокоив.

Веда обвила руки вокруг его талии, прижавшись лбом к его груди, и тяжело выдохнула.

— Это возмутительно.

Одной рукой Гейдж держал её за плечо, а другую поднёс к её затылку, удерживая близко и не позволяя ей отступить, используя свою силу, пока она не повернулась щекой к его груди и не позволила ему убаюкать её рядом со своим бьющимся сердцем.

Веда позволила себе ненадолго закрыть свои взволнованные глаза, попав в тепло его больших сильных рук и зная, что ничто не сможет проникнуть сквозь их кольцо, если бы он того не захотел. Она вдохнула его пряный аромат, позволив ему свернуться в теплый клубок у неё в животе. Веда обняла Гейджа, сжимая так крепко, как только могла, желая заставить мужчину почувствовать себя в безопасности так же, как и она чувствовала себя в его руках.

Что-то в ней кричало, приказывая отступить. Восстановить стены, по возведению которых они проделали блестящую работу в течение прошедшей недели... Потому что этот...

Этот чувственный путь, крайне приятное направление. Это чувство, слишком хорошо знакомое Веде, могло плохо закончиться.

Вещи, которые ощущались так хорошо, всегда наносили вред.

Веда попыталась отстраниться, но он снова не позволил ей. Гейдж усилил захват, пока она не перестала пытаться отойти.

Его дыхание стало медленнее, тяжелее. Оно по-прежнему согревало её волосы, когда он зарылся в них носом, вдыхая аромат.

Его пульс бился у её щеки, ускоряясь с каждой секундой. И когда член Гейджа стал твердеть около её живота, она почувствовала, как её собственное сердце ускорило, чтобы соответствовать ритму его сердца.

Карта выскользнула из её пальцев и с грохотом упала на пол.

Прежде, чем подумать о том, чтобы остановиться, Веда руками скользнула под пиджак его делового костюма, словно погрузившись в него. Её жадные руки исчезли под пиджаком, растягивая тонкую ткань, в то время как пальцами девушка пробежалась по сильным мышцам его спины, царапая их через тонкую белую рубашку, которую он носил под пиджаком, отчаянно пытаясь почувствовать кожу любовника. Она повернула лицо к его груди и тихо застонала.

Н ос Гейджа отстранился от её волос и переместился на шею, щекоча ключицу. Пока её ногти царапали рубашку, его губы коснулись нежной кожи между шеей и плечом, посылая фейерверк ощущений, проносившийся сквозь тело девушки так сильно, что она приподнялась на цыпочки.

Гейдж поцеловал этот изгиб, сначала нежно, а затем буквально объял его пламенем, коснувшись языком, посасывая и прокладывая горячую дорожку поцелуев по её шее, издав при этом громкий стон. Он принялся целовать все новые и новые участки на теле, пока алчно не захватил её шелковистую кожу своими зубами.

И что-то в Веде сломалось. Она убрала свои руки из-под его пиджака, скользнула ими по плечам мужчины и, тяжело дыша, попыталась стянуть с него пиджак.

Гейдж отпустил её на достаточное расстояние, чтобы сорвать пиджак со своих плеч. Его губы, с которых срывались задыхающиеся стоны, не покидали её кожи более чем на расстояние миллиметра, пока кончики их носов соприкасались друг с другом, словно приклеенные.

Он ещё даже не закончил снимать пиджак, когда дрожащими пальцами Веда уже начала расстёгивать верхние пуговицы на его рубашке. К тому времени, как Гейдж бросил его на пол, она наполовину расстегнула её.

Гейдж покончил с этим занятием, схватив распахнутый воротник дрожащими пальцами и разорвав его, чтобы быстрее раздеться. Когда он сорвал рубашку, пуговицы разлетелись, отскакивая от стальных дверей.

Веда наслаждалась его видом, проводя своими пальцами по каждому новому обнажающемуся дюйму, который он выставлял напоказ, словно разворачивал подарок рождественским утром. Восемь кубиков пресса, твёрдая как камень грудь, эти широкие плечи и жесткие бицепсы — каждый изгиб открывался её прикосновениям, пока он сдергивал рукава рубашки.

Когда рубашка застряла на запястьях, где манжеты по-прежнему были застегнуты на пуговицы, Гейдж выпустил смешок, его глаза сверкнули на неё сверху-вниз, пока он попытался расстегнуть их. Мужчина не смог, потому что его руки дрожали слишком сильно.

Облизав пересохшие губы, Веда схватила манжет и начала расстёгивать его самостоятельно. Её руки так же сильно дрожали, как и у него, но так как их было две, чтобы действовать, она оказалась способной расстегнуть их быстрее, просто разорвав рукав. Её пальцы украли ещё одно прикосновение к его бугрящимся мышцам, прежде чем она двинулась к манжете на другой руке.

Гейдж снова зарылся лицом ей в шею, пока Веда продолжила заниматься другим рукавом. Не в силах ждать, он покрыл её плечо страстными поцелуями, обхватывая свободной рукой талию и позволяя почувствовать свое возбуждение, снова толкнувшись в живот.

У Веды перехватило дыхание, а её киска запульсировала от близости к его эрекции, которая буквально обожгла живот девушки, от чего расстегивать второй рукав стало гораздо труднее, поскольку пальцы охватила дрожь.

Гейдж схватил её за талию. Его сила распространила волну возбуждения от макушки до кончиков пальцев, когда голос мужчины согрел её ухо.

— К чёрту, Веда. Оставь это.

Только она собралась прислушаться к его просьбе, как ей удалось расстегнуть пуговицу, и Гейдж, не теряя времени, сорвал рубашку и бросил на пол.

Он вновь схватил В еду за талию, нагнулся, а затем снова выпрямился, отрывая девушку от пола.

Веда обвила свои ноги вокруг его талии, вскрикнув от внезапной потери равновесия, и скрестила лодыжки на его поясице. Гейдж двигался молниеносно, её спина врезалась в стену, и его тепло прочно обосновалось напротив её исходящего влагой лона. Б едра девушки легко дублировали его движения, и она ощутила, насколько была влажной.

Гейдж руками пробежался по верх её хирургического костюма, в попытке залезть под рубашку, слегка касаясь пальцами кожи, после чего наклонился к девушке, желая найти её губы.

Веда подняла голову, чтобы увернуться от его губ, поэтому Гейдж поцеловал край её подбородка, в отместку дернув за подол рубашки.

Она сняла рубашку через голову, улыбнувшись, когда от вида её красного бюстгалтера, облегающего грудь, он, казалось, окаменел в самый разгар страсти. Все замедлилось до неспешных движений, пока Гейдж рассматривал полную грудь девушки слегка хмурым взглядом, который был наполненным желанием, хотя выражение его лица стало более мрачным. Его глаза стали просто дикими, когда он сжал её бюстгалтер в отчаянной хватке и рывком опустил одну чашку вниз, обнажая сосок. Кончик соска тотчас оказался втянутым в его рот, и влажный, мягкий язык принялся перекачивать его словно леденец.

Веда зарылась руками в волосы мужчины и вскрикнула от удивительного ощущения. П орхающие бабочки заполнили её живот. Стон вырвался из горла девушки, когда влага устремилась к киске, в то время, как её тело молило о большем, а центр жаждал его языка, когда он беспощадно потянул за сосок. Гейдж не торопился, наслаждаясь им, прежде чем выпустить его из своих вытянутых губ с причмокивающим звуком. Он опустил вниз другую чашку и подарил противоположной стороне ту же ласку и внимание.

Веда расстегнула застёжку бюстгалтера и сорвала его прочь. Кто она такая, чтобы так усложнять ему работу? Полностью обнаженная, Веда снова зарылась пальцами в его волосы и сильнее притянула лицо мужчины к себе, безмолвно умоляя о более мучительном удовольствии — теплом, скользком ощущении его языка на своих сосках и удивительных нежных покусываниях.

Гейдж не отказал ей.

— Как ты можешь так хорошо ощущаться? — взмолилась Веда, утопая в звуках, издаваемых им, отражавшихся от безмолвных стен и побуждавших каждый дюйм её тела гудеть еще сильнее. — О, Боже, почему ты ощущаешься так хорошо?

Гейдж вместо ответа проник пальцами под пояс штанов её костюма, и, миновав промокшие насквозь трусики, коснулся лона.

Веда испустила крик, уткнувшись в волосы Гейджа, и его пальцы усилили давление на её скользкие складочки, разжигая огонь в каждой гладкой бархатистой части, которой он касался. Гейдж с легкостью скользнул в неё двумя пальцами, и звезды взорвались перед её глазами от удовольствия, проносающегося сквозь тело. Ноги потеряли весь контроль и соскользнули с его талии. Если бы женские руки не обвивали его за шею, удерживая её тело довольно крепко, то она бы уже рухнула на пол.

Но мужчина держал её крепко. Она не была уверена, силой ли его руки вокруг её талии или пальцев, погруженных внутрь, которая удерживала В еду на цыпочках, однако знала, что удерживалась на ногах только благодаря ему.

— Гейдж, да...

Большим пальцем он нашел её клитор и закружил по нему, одновременно лаская сосок, по-прежнему заключенный в теплоте его рта. Удовольствие было слишком интенсивным для Веды, даже чтобы вскрикнуть, поскольку её тело содрогалось от каждого движения его пальцев, что так усердно старались доставить удовольствие её телу. Гейдж сжал пальцы внутри неё, поглаживая точку G и вызывая оргазм, который охватил каждую косточку в её теле, все как одна обмякшие после взрыва наслаждения. Веда почувствовала, как её соки начали стекать на его ладонь, когда она жестко кончила, все еще неспособная издать ни звука. Его глубокий смех согрел её сосок, и тогда ошеломленный стон, наконец, вырвался из горла девушки, сопровождаемый глубоким вдохом и изумленным вскриком.

К тому времени, как последняя волна дрожи покинула тело Веды, она смогла только ахнуть.

— О х, ничего себе.

Гейдж выпустил её сосок, блестящий и мокрый от ласк его языка, и медленно двинулся жаркими поцелуями вверх по её груди и шее, задержавшись у щеки. Веда повернула лицо к щетинистой челюсти Гейджа, когда он убрал руку с её одежды.

Все еще пребывая в посторгазменной дымке, она отстранилась достаточно, чтобы встретиться с ним взглядом, а затем взяла его за руку и поднесла пальцы, все еще блестящие от её соков, к своим губам, всасывая указательный палец в рот.

Лицо Гейджа потемнело, став яростным от силы желания, пока он наблюдал, как девушка слизывала свою влагу с его пальцев. С каждого из них, что находились внутри нее, пока все не оказались вылизаны начисто. Мужчина дернул её за талию в звериной хватке, неспособный даже улыбнуться в ответ, когда она захихикала, пребывая в восторге от происходящего.

В восторге от него.

В считанные секунды Гейдж положил её на спину, срывая брюки вместе с трусиками и широко разводя её ноги, прежде чем выпрямиться, стоя на коленях; когда он разорвал свой ремень, его грудь тяжело вздымалась.

Веда села, все ещё слизывая собственный вкус со своих губ, чтобы помочь ему растегнуть штаны. Она немного потянула их вниз вместе с боксерами, достаточно для того, чтобы обхватить своими губами вырвавшуюся на свободу головку его члена.

На этот раз крик Гейджа повис в воздухе.

Наблюдая за ним, она сумела улыбнуться, в то время как его член уперся в заднюю стенку её горла, и позволила себе раствориться в безмятежном выражении наслаждения на его лице. Её возбуждало все: тяжесть его опущенных ресниц, эти полные, приоткрытые губы и сдавленный звук, который пытался сорваться с них, но не мог. Веда разрешила его удовольствию вести её, глубоко всасывая его плоть, когда она двигала головой вперед-назад, лаская член по всей длине, делая орган еще более твердым и скользким.

Гейдж запутался пальцами в её волосах и удерживал девушку взглядом. Быстро продвигаясь к точке потери контроля, он мягко толкался в её рот.

Веда принимала каждый произвольный толчок, каждое движение его бёдер, при этом поглаживая языком твердую длину со всех сторон, пока он, наконец, не одарил её стоном, которого она так ждала. Из горла мужчины вырвался такой хриплый звук, что можно было предположить, будто он кричал все утро. В тот миг, когда звук слетел с его губ, Гейдж вышел из её сладкого ротика.

Захватывая ладонью её щеки, мужчина покачал головой в изумлении. А затем

наклонился, чтобы захватить в поцелуе её губы, но Веда отстранилась.

Страх и волнение одновременно пронеслись через неё, потому что невозможно было отрицать произошедшее. Он почти запечатлел этот поцелуй на её губах.

Веда почти позволила ему.

— У тебя есть презерватив? — прошептала она.

Глазами Гейдж указал в сторону брюк, а затем снова уставился на её губы, молчаливо сообщая ей, о чем думал в данный момент.

Он не перестанет пытаться.

Никогда.

— Задний карман, — прохрипел он в ответ на её вопрос.

Веда прикусила нижнюю губу и наклонилась, поднимая его брюки и доставая презерватив из заднего кармана. Она разорвала обертку, открыла и раскатала его по члену Гейджа в считанные секунды, упиваясь недоверием на его лице. Мужчина смотрел за её действиями такими глазами, как будто лишь от одного этого действия был готов взорваться.

Гейдж схватил её под колени и дернул, заставляя девушку с визгом упасть на спину. Веда расхохоталась.

Пока он двигался между разведенными ногами Веды, кончик его члена терся о её лоно, а его глаза со страстью и чувственностью исследовали девушку так внимательно, что на лице Веды дрогнула улыбка.

Она надавливала ему на плечи до тех пор, пока Гейдж не сел и не позволил ей выбраться из-под него. Веда изучала его глаза, пока он, поглаживая челюсть, растерянно смотрел, а затем повернулась к нему спиной, поднявшись на четвереньках и улыбнувшись ему через плечо.

Гейдж позволил изменить позу, удерживая её талию твердой хваткой. Затем он поднялся на колени, дергая её назад и притягивая поближе, отчего его горячая вздымающаяся грудь прижалась к спине девушки.

Взяв в руку свою длину, мужчина вошёл в нее сзади. Гейдж вошел глубже, его другая рука прошлась по девичьим изгибам, пока головка члена впивалась в её тело. Удовольствие, казалось, одурманило его, свободной рукой он вновь оперся об пол, снова оказавшись на четвереньках, нуждаясь в поддержке и совершая сильные толчки бедрами. Гейдж накрыл её руку своей, переплетая пальцы, и прижал губы к уху Веды, пока брал её сзади.

— Когда я смогу трахнуть тебя снова?

Веда посмотрела через плечо и поймала его взгляд в тот момент, когда он только-только достиг кульминации в её пылающей киске, от чего потеряла не только дар речи, но и улыбку. Она оторвалась от пола и обхватила мужскую руку, позволяя его силе удерживать её в тот момент, когда Гейдж ускорил темп шлепающих движений бедер, едва ли не заставляя её терять равновесие. Спустя мгновение, она выдохнула.

— Разве прямо сейчас ты не внутри меня?

Гейдж поднял лицо, постанывая ей в ухо, когда начал толкаться вслепую.

— Когда?

— Ты, о... — она зажмурилась, поскольку его длина вновь пробудила в её теле жёсткую пульсацию. Веда ответила, когда кончила, и её тело содрогалось вокруг его члена. — Ты трахаешь меня сейчас.

Их стоны заполняли лифт весь остаток вечера, пока ни у одного из них не осталось в запасе ничего, чтобы отдать другому.

Через несколько часов стоны и тяжелое дыхание сменил тихий смех и шепот голосов. Веда лежала поверх Гейджа, её голова покоилась на его груди, а одну ногу она перекинула через бедро мужчины. Его пиджак служил для них одеялом, прикрывавшим их обнаженные тела.

— Хватит смеяться надо мной, — он притянул её ближе, когда его глаза начали закрываться от усталости, пока женские пальцы скользили по волосам мужчины. В торая же рука Веды блуждала по волосатой груди, вокруг его розовых сосков и по веснушкам на плечах. Гейджа очаровал рисунок в виде флага на её ногтях.

— Мне кажется, ты не воспринимаешь меня серьезно. Я серьезный человек, — Веда фыркнула.

— Я просто не понимаю. Что значит, они отдают свое предпочтение ему?

— Это значит, что он нравится им больше. Я что, говорю на японском? — Веда приподнялась, сложила руки на его груди и положила свой подбородок на них.

— Но ты же их сын, — он пожал плечами, заглядывая ей в глаза.

— Это не значит, что они должны посмотреть на меня и увидеть достойного бизнесмена, и это не значит, что они смотрят на него и задаются вопросом, почему я не могу быть похожим на него.

— Эм... вообще-то, именно это и означает. Предполагается, что родитель ослеплен любовью и делает совершенно бредовые вещи, когда дело доходит до его детей. Они должны любить тебя, даже если ты облажался и оказался в полной заднице. Хуже всего то, что ты неплохой человек. Они сделали из тебя вежливого, красивого, хорошо одетого и уравновешенного человека. И еще я забыла упомянуть, что ты, генеральный директор этой больницы, горячий как ад, а они предпочитают такого мудака, как Тодд Локвуд? — её голос повысился. — Он лучше тебя? Они слепые или просто тупые?

Гейдж усмехнулся и костяшками пальцев погладил её по щеке.

— Мне кажется, что мои родители одобрили бы любого, но только не своего единственного сына. Хуже всего то, что они сделали это настолько очевидным, что даже ты замечаешь это.

Веда взбесилась и её голос дрогнул.

— Ты потрясающий бизнесмен. Главу администрации внезапно уволили за то, что он глотал таблетки? Это место могло так легко развалиться. Но пришел ты. Твое руководство и твоя сильная аура решили все проблемы и предотвратили разрушение этого места. Не каждый может сделать такое. Другой руководитель в такой ситуации начал бы паниковать, и потянул бы на дно всех своих сотрудников тоже. Но ты... ты... отнесся ко всему спокойно и взял все в свои руки. Ты особенный, Гейдж.

Его грудь поднялась от тяжелого вздоха.

— Видимо, недостаточно особенный для моего отца, чтобы он сделал меня вице-президентом его круизной компании.

— А должность вице-президента — это не огромный шаг назад? — Веда покачала головой. — Тебе не нравится быть генеральным директором в больнице?

Гейдж улыбнулся ей, пробежав пальцем по её переносице, потом по щекам, которые до сих пор были румяными после занятия любовью, по бровям и по кудряшкам на голове.

— Теперь мне это больше нравится.

— Но ты бы предпочел работать в «Блэкуотер Круиз» на должности ниже, чем сейчас?

— Да, должность ниже, но денег в три раза больше. Наша круизная компания на самом деле кормит нас. Эта компания приносит нам богатство. А больница? Это как второстепенный доход. Для отца эта больница как спасательный круг, если вдруг его мечта не осуществится. Его страсть — это круизная компания. Его сердце принадлежит этой компании.

— Твое сердце тоже принадлежит круизной компании твоего отца?

— Неважно к чему тянется мое сердце. Я — единственный ребенок в семье и это очень давит на меня. Я должен быть для них идеальным. Стать полноправным руководителем нашего бизнеса. Жениться на Скарлетт. Быть послушным сыном.

Веда передвинулась.

— Ты говоришь о Скарлетт, как будто она одна из инструментов для достижения цели твоего отца.

Гейдж облизал свои губы и его глаза потемнели.

Веда попыталась понять что-нибудь по его лицу.

— Я видела вас вместе в клубе прошлой ночью. Вы прекрасная пара. Скарлетт очень красивая.

— Это женщина, на которой меня заставляют жениться, чтобы обеспечить моему отцу прибыль и хорошие капиталовложения. И если я хочу занимать руководящую должность в нашей компании, то, опять же, я должен жениться на этой женщине, — он глубоко вздохнул, глядя на её округлившиеся глаза. — И ты очень красивая, Веда.

— Вау. Брак по расчету. Это так... старомодно. Есть люди, которые еще до сих пор так делают?

— Да, богатые люди точно. Насколько я помню, у всех поколений Блэкуотеров был брак по расчету. И я уверен, что моих родителей тоже заставили пожениться ради выгоды, хотя они это отрицают. И вот настала моя очередь. Так хочет моя семья.

— Боже, Гейдж, а чего хочешь ты?

Его брови удивленно поднялись. Он не ответил, но по её глазам понял, что ему и не надо отвечать. Веда отвернулась, положив голову обратно ему на грудь, чтобы он не смог увидеть её глаза. Гейдж зарылся руками в её мягкие кудри и позволил ей спрятать глаза.

— По крайней мере, теперь я знаю, что могу спокойно использовать твое тело и не чувствовать себя ужасным монстром, — сказала она, и они тихо засмеялись вместе. — Ты не представляешь, как трудно было держаться от тебя подальше. Если бы я только знала, что у тебя брак по расчету... — Веда подняла голову и посмотрела на него. — Твоя невеста знает, что у нас был секс?

— Она безумно влюблена в пуэрториканца по имени Хуан. Простой ночью, она поддержала меня во вчерашней ситуации с тобой. Ей все равно, с кем я сплю.

Веда снова положила голову ему на грудь, и недоверчивый смешок сорвался с её губ.

— Нереально.

— Иногда я думаю, что моим родителям было бы лучше не хранить друг другу верность. Они презирают друг друга, — Гейдж провел пальцами по её спине, его глаза бегали туда-сюда, смотря с одного потолочного светильника на другой. — Я не люблю её.

Наступило долго молчание.

— Извини, что я сбежала тем утром, — прошептала она, проигнорировав его слова. —

Это было по-детски глупо с моей стороны. Д умаю, увидев, как ты готовишь для меня завтрак, я занервничала. Какая бессмысленная трата времени. В это время мы бы могли заниматься диким сексом.

— Почему, пока я готовил тебе завтрак, ты начала нервничать?

Еще одна долгая пауза.

— Я не знаю.

Гейдж сглотнул.

— Я почувствовал что-то между нами. Когда мы первый раз спали вместе... — Веда вскочила и закрыла его рот своей рукой, заставляя замолчать.

— Друзья по сексу не должны говорить такое друг другу. Никогда.

Гейдж ждал, пока Веда уберет свою руку с его улыбающихся губ.

— Когда я проснулся посреди ночи и увидел, что ты спишь рядом со мной... — мужчина провел рукой по лицу, краснея. — Ты не представляешь, как было тяжело от того, что я не мог снять с тебя платье. Я хотел увидеть твою грудь, и разорвать твоё платье пополам, чтобы увидеть киску. Может быть, даже украсть поцелуй с этих великолепных губ... — голос Гейджа затих, когда он коснулся кончиком большого пальца её губ, и напряженно вздохнул. — Боже, твои губы скоро сведут меня с ума.

— На самом деле я была в шоке, когда проснулась и обнаружила, что до сих пор одета. Твоему самообладанию стоит только позавидовать.

— Я хотел тебя... — Гейдж почувствовал, что его щеки начали краснеть. — Я хотел, чтобы ты желала меня так же сильно, как я хотел тебя. Мн показалось, что если я приготовлю тебе завтрак, то возможно, ты решишь, что я неплохой парень, и может быть, в дальнейшем ... — он слышал слова в своей голове, которые хотел сказать, но его тело словно окаменело, не дав вымолвить ни слова.

— Ты — хороший парень, — сказала Веда. — Хороший парень, который находится в опасной близости к тому, чтобы разрушить наши отношения друзей по сексу.

— Ты действительно согласна на такие отношения между нами?

— Согласна ли я? Н а самом деле это все, на что я способна. Сейчас для меня важнее всего ординатура. Я не могу отвлекаться на что-то другое. Сама мысль о серьезных отношениях с кем-нибудь вызывает у меня чуть ли не аллергию. Но в тоже время я люблю секс. Мне нужно освобождение. Это очищает мой мозг от ненужных мыслей и всегда помогает сосредоточиться. Оказалось, что мы с тобой абсолютно совместимы, в плане секса, конечно. Мое тело начинает дрожать от возбуждения, когда ты прикасаешься ко мне. Мне нужно это, но без всех этих сложностей.

Гейдж улыбнулся и убрал непослушные кудряшки с лица, наслаждаясь тем, как они подпрыгивали и возвращались к её лицу.

— У тебя когда-нибудь были серьезные отношения?

— Однажды. Это была просто катастрофа.

Гейдж рассмеялся от всей души.

— Это было похоже на раскрашивание тех картин по цифрам. Такое ощущение, что мы следовали каким-то дурацким инструкциям.

Гейдж кивнул.

Веда глубоко вздохнула, как будто в любой момент он мог её осудить. Когда мужчина этого не сделал, она улыбнулась ему. Его желудок сжался от её улыбки. Она похлопала его по груди, и Гейдж накрыл её руку своей.

— Итак, мы все выяснили. Теперь, когда я узнала про брак по расчету, мы можем свободно унимать наш зуд, когда захотим...

Еще один смешок сорвался с его губ, до того, как он успел остановить себя.

Веда тоже засмеялась, кружа своим ногтем вокруг его соска.

— Пока зуд не пройдет, — Гейдж подождал, пока она не повернулась и не прижалась щекой к его груди. Только после этого он позволил своим глазам закрыться.

Услышав звон ключей по ту сторону двери своей квартиры, Веда пыталась подавить улыбку, но это было бесполезно. Уловив звук открывающегося замка, она игриво уставилась на дверь, а её тело задрожало от возбуждения.

Дверная ручка повернулась, но дверь не поддавалась, когда Гейдж попытался открыть её. Она услышала его разочарованный вздох с другой стороны двери.

«Боже, сколько раз она говорила ему, что сначала нужно дернуть её, потянуть, а потом поворачивать?»

В любой другой день Веда бы помогла своему богатенькому мальчику и открыла бы дверь, но сегодня она не могла. Это испортило бы момент.

Веда чуть ли не запищала от радости, когда увидела, что замок, наконец, начал двигаться. Её переполняла гордость, что Гейдж наконец-то догадался, как это сделать.

Дверная ручка провернулась. Веда прислонилась к обеденному столу, бросая быстрый взгляд через плечо, убеждаясь, что её волосы не были слишком близко к свече, горящей в центре стола. Её взгляд метнулся к двери, когда та открылась. Девушка втянула живот, расправила плечи и встряхнула кудрями, прикусив нижнюю губу.

Гейдж вошел в квартиру с опущенными глазами и захлопнул за собой дверь. Его волосы были взъерошены, но серый костюм остался все таким же безупречным, каким и был этим утром при уходе на работу. Он бросил ключи на столешницу в прихожей, рассеяно разглядывая гостиную. Когда он увидел В еду, его лицо преобразилось. П ортфель упал, глухо ударившись о деревянный пол гостиной, пока взгляд мужчины блуждал по телу девушки.

«Да, нужный эффект достигнут», — Веда хихикнула, пока Гейдж отчаянно пытался сделать хоть какое-то движение.

Она поняла, что все сделано не зря. Не зря она стояла целых полчаса перед зеркалом с банкой взбитых сливок и старалась аккуратно и симметрично нанести белую субстанцию на грудь и соски. Не зря «загуглила» «не вызовут ли взбитые сливки какие-либо заболевания», прежде чем вернулась к зеркалу и нарисовала белый треугольник между ног. Пока она ждала его, то серьезно задумалась о том, что не хотела бы снова быть липкой.

Все это стоило того, чтобы просто увидеть выражение лица Гейджа. В темно карих глазах мужчины вспыхнул огонь, и отразилась похоть. Его глаза прикрылись от возбуждения, пока взгляд блуждал по её телу и оставался тяжелым, вернувшись обратно к глазам. Эти губы, которые хотели попробовать её на вкус, сейчас были приоткрыты. Гейдж пробежался по ним своим языком, увлажняя их.

Веда вопросительно посмотрела на его удивленное лицо, взглянула на свою вымазанную взбитыми сливками грудь, украшенную вишенками вместо сосков, а затем вернула свой взгляд к Гейджу. Её глаза расширились и смотрели невинно, как будто она и представить себе не могла, почему он пребывал в таком состоянии.

— Как дела на работе, милый? — прошептала она, покачиваясь на своих лакированных

каблуках темно красного цвета. Она двигалась медленно и сексуально в такт музыке, которая доносилась из стерео.

Глаза Гейджа снова начали исследовать её тело. Он не мог даже улыбнуться.

Веда перестала покачивать бедрами, внезапно чувствуя себя неловко.

— Ну, скажи же что-нибудь.

Мужчина любовался ею еще мгновение, прежде чем поднял глаза и встретился с ней взглядом. Он попытался сказать что-нибудь, но ничего не получилось. Попробовав снова, получилось что-то похожее на карканье. Затем его лицо озарила улыбка, глаза загорелись и он, наконец, сказал это:

— Ты делаешь меня счастливым.

Веда стиснула столешницу позади себя, шокированная таким ответом. Она ожидала чего-то более пошлого что ли. Более непристойного. Что-то вроде «повернись и наклонись сейчас же» или «ты была плохим анестезиологом, поэтому будешь наказана».

Даже если бы Гейдж назвал её грязной, сосущей члены шлюхой, как бы прозаично это не звучало, то это было бы лучше, чем то, что он сказал.

Что-нибудь. Что-нибудь, кроме этого.

— Ты делаешь меня действительно очень счастливым, — он сглотнул.

Придя в себя, Веда решила не упрекать его, как делала обычно. Она не для того мучилась весь вечер, нанося взбитые сливки на свою грудь, чтобы сейчас все испортить. Она не собирается тратить время впустую, даже если Гейдж хотел разрушить их «особые» отношения, которые они строили последние два месяца.

Веда провела пальцем по своей груди, зацепив немного взбитых сливок, и поднесла к своим красным губам, облизывая его.

— Ты не хочешь подойти поближе и попробовать на вкус?

Гейдж разулся и медленно сделал первый шаг по направлению к ней, по пути развязывая галстук. Его глаза потемнели, и в них появился голод.

— О, я очень этого хочу.

Веда понизила голос, пытаясь звучать как Мэрилин Монро.

— Тогда тебе лучше поскорее подойти ко мне, здоровяк.

Гейдж отбросил свой галстук, все еще приближаясь, и начал расстегивать пуговицы на рубашке.

— Как насчет ужина?

Веда открыла рот от удивления и взглянула через плечо. Две тарелки с пастой стояли на столе, а между ними белая мерцающая свеча. Она снова взглянула на него.

— Точно... ужин. Когда я готовила для тебя романтический ужин, то поняла на полпути, что ненавижу готовить.

Гейдж фыркнул, его глаза сияли от возбуждения, он снял с себя рубашку, обнажив ту часть тела, которую она любила в нем больше всего — его точеную, как у итальянской скульптуры, грудь.

— Итак, ты можешь наслаждаться ужином... — Веда указала на тарелки, — из великолепной пасты в сливочном соусе...

Его улыбка стала шире, а мышцы живота напряглись, когда Гейдж начал тихо смеяться.

— Или... — она откинула волосы назад, чтобы те ей не мешались. — Вместо этого ты можешь насладиться мной.

Когда Гейдж подошел достаточно близко, Веда схватила его за запястья, с игривой

улыбкой оттолкнула руки от пояса брюк и начала сама раздевать.

Г лаза мужчины сверкнули. Их взгляды встретились, когда она вытащила ремень из петель. Он был похож и на ангела, и на демона одновременно.

Ангел, потому что девушка знала, какое волшебство могут творить эти губы, когда похоронены между её ног. Веда знала, как, оседлав его лицо и получая освобождение, было приятно ощущать шелковистость его черных волос и запутываться в них пальцами. Она знала, как, глубоко погружаясь и зажигая огонь в каждой части её тела, хорошо ощущается этот набухший член, сейчас упирающийся в молнию брюк. Ни с одним мужчиной она не чувствовала ничего подобного.

Гейдж был похож и на демона, потому что Веда знала, что лишь одно касание его пальцев могло разжечь в ней адское пламя. Его запах, сводящий с ума, когда он погружался в её киску, делая девушку неспособной сформулировать хотя бы одну связную мысль. Его стоны, когда он кончал, заставляющие весь мир кружиться вокруг неё. Она до сих пор удивлялась, как жила раньше без них.

«Да, демон. Безумно красивый демон, — она вздохнула, — но все-таки больше похожий на ангела».

Единственное для чего Веда вернулась домой — это разрушение. Она уже больше двух месяцев находилась в Тенистой Скале, а Тодд Локвуд все ещё был жив. И это было не потому, что Веда этого хотела, а потому что ангел-демон ворвался в её мир, и единственное, о чем она могла думать — это о его губах между своих бедер, его столах, которые сводили с ума, и его пальцах, которые находились глубоко в её киске.

Даже сейчас, когда Гейдж наклонил голову, наблюдая, как выпрыгивал его возбужденный член из штанов, Веда знала, что только одна улыбка этого мужчины могла прикончить её, если она только позволит.

Улыбка сошла с лица Гейджа, когда она дернула его штаны и трусы вниз. Мужчина прикусил нижнюю губу и вышел из них, поглаживая костяшками пальцев челюсть девушки. Он был полностью раздет, как и она сама.

Веда погладила его задницу растопыренными пальцами, удивляясь, насколько она упругая и красивая.

Без лишних слов Гейдж наклонился к её груди и схватил вишенку зубами, после чего проделал то же самое со второй, сжимая талию Веды. За считанные секунды он проглотил их, а затем приоткрыл рот, чтобы захватить её напряженные соски, жаждущие внимания. Он не заставил себя долго ждать, посасывая тугой бутон своими губами, согревая своим дыханием и наслаждаясь его вкусом.

Её клитор начал пульсировать, нуждаясь в прикосновениях. Веда наклонилась, обернула свои пальцы вокруг его члена и сильно сжала, отчего с губ Гейджа сорвался хриплый стон. У девушки подкосились колени. Его стоны зазвучали громче, когда она стала водить рукой вверх и вниз по всей длине его ствола, сводя мужчину с ума. Поэтому Веда сжала член еще сильнее, чтобы снова услышать эти прекрасные звуки.

Дрожь пробежала по позвоночнику Веды, когда она услышала его сдавленные стоны, говорящие о том, что Гейдж нуждался в освобождении. В это же время он продолжал слизывать взбитые сливки с её ноющей груди. Он не успокоился, пока последняя капля взбитых сливок не исчезла с её тела.

Гейдж нагнулся и подхватил её на руки, а затем понес в спальню. Положив её на кровать, он, не теряя времени, начал слизывать взбитые сливки между её дрожащих от

возбуждения бедер.

В еки девушки трепетали от наслаждения, пока мужчина облизывал все её тело. Остатки липких взбитых сливок начали перетекать с её тела на него, когда Веда перевернулась и оседлала Гейджа, направляя его толстый член к своему пульсирующему входу. Протяжный стон сорвался с её губ, а потом она начала насаживаться на него так глубоко, как только могла, трахая мужчину до тех пор, пока он тоже не застонал от наслаждения.

Это еще не конец. Возможно, Веда и позволила богатенькому мальчику отвлечь её от своей цели на два долгих месяца. Ох, это было так весело. Но она не забыла. Если кармические Б оги думали, что Веда забыла про свою месть, которую они отказались выполнять, то девушка была очень рада доказать, что они ошибались.

Она спрыгнула с эллипсоида и сделала глоток воды из бутылки, не отрывая своего взгляда от Тодда, который поднимал тяжести в другой части тренажерного зала.

После двух месяцев наблюдений Веда изучила его ежедневный график лучше, чем свой собственный. Она узнала, что у него вторая группа крови. Он всегда уходил с работы на пять минут и тридцать секунд позже. Тодд приходил в этот тренажерный зал каждые выходные в десять часов и сразу направлялся к красной скамье, которая находилась в дальнем углу зала. Это единственная скамейка, которой он пользовался. Если случалось, что она была занята к его приходу, то он терпеливо ждал, пока они закончат. Ожидая, Тодд посылал им убийственный взгляд, от которого им становилось некомфортно, поэтому мужчинам не оставалось ничего другого, кроме как удалиться. У них был выбор: или драться с ним, или просто уйти. До сих пор люди просто уходили.

Веда все еще ждала того дня, когда Тодд, наконец, нарвется на кого-нибудь, кто сможет ответить ему.

«Ой, подождите. Она уже знает такого человека», — Веда ухмыльнулась своим мыслям.

Получив, наконец, свою драгоценную скамейку, он делал столько упражнений, сколько делал всегда — 3 подхода по 10 раз. Закончив, Тодд уходил из тренажерного зала и направлялся в «Джамба Джус», располагающийся через дорогу. Заказывал там три коктейля из ростков пшеницы и три сэндвича. Один он съедал в машине, а остальные два — когда приезжал домой. Всегда перед телевизором в своей гостиной ровно в полдень. Ни раньше, ни позже. Никаких исключений.

График Тодда в течение недели был всегда четким и повторяющимся. Веда оценила его состояние и поняла, что он близок к ОКР (П рим.: ОКР — обсессивно-компульсивное расстройство — психическое расстройство, которое характеризуется развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий).

Это делало его легкой добычей. Конечно, она отстала от графика благодаря Гейджу, который отвлек её своим ангельски-демоническим членом, но Веда не забыла, для чего вернулась.

Тем не менее, когда она пересекала зал с леденцом в зубах, не сводя глаз с Тодда, который кряхтел, выполняя упражнения, она не могла не обратить внимания на еще одного человека.

За стеклянной стеной, отделявшей основной тренажерный зал от комнаты для бокса. Веда тонула во взгляде Линкольна Хилла как в океане. Он колотил тяжелую грушу, и пот лился по его телу. Линк во многом был похож на Тодда — всегда в этом тренажерном зале в

определенное время и всегда бил по этой груше, как будто хотел выбить из нее все дерьмо.

Веда неожиданно обнаружила, что открыла стеклянную дверь и зашла в комнату для бокса. Там никого не было, кроме Линка.

Он не прекратил долбить грушу, чтобы посмотреть, кто пришел. Даже не взглянул в её сторону.

Веда не приняла это на свой счет. После нескольких недель наблюдения за ним в больнице, она узнала его привычки. Он не смотрел на людей. Он не касался людей. Он не разговаривал с людьми, только если они не заговаривали с ним первыми, и даже тогда его ответы были больше похожи на ворчание.

По крайней мере, сейчас Линк ворчал не просто так. Он целую вечность бил эту грушу. Доказательство боли, которую он, должно быть, испытывал было написано на его жестком лице и пульсирующих руках. Но детектив не остановился и не замедлился. Он был в широких спортивных штанах, низко сидящих на его бедрах с V — образными мышцами, которые при любом неловком движении могли с него сползти.

Веда облизала губы, кинула свою сумку рядом с его и пересекла комнату. Она задержалась возле тяжелой груши рядом с ним, позволяя своим глазам блуждать по его мускулистому телу, блестящему от пота.

Перекатив леденец под язык, она поднесла кулаки к своему подбородку, все еще наблюдая за ним, и ударила грушу.

В тот момент, когда её рука соприкоснулась с грушей, она прокляла все на свете. Эта штука была твердой, как чертов камень. Веда отдернула руку, проверяя свои костяшки пальцев, и удостоверилась, что не сломала себе чего — нибудь. Она осмотрела свои руки, проведя большим пальцем по кончикам ногтей. Девушка только что нарисовала на них новый рисунок в виде красных сердечек и боялась испортить свой маникюр.

Когда Веда оглянулась, то увидела, что взгляд Линка прикован к ней. Она глубоко вздохнула и выпрямила спину, а леденец застыл между её губ.

Линк смотрел на нее через свое мускулистое плечо, зеленые глаза сощурились и превратились маленькие щелки, после чего его взгляд упал сначала на леденец, а затем прошелся по всему её телу. Его бровь, которая была разделена пополам из-за шрама, поднялась, и он скривил губы.

Её кулаки как будто кричали: «Нет! Кем, черт возьми, ты себя возомнила? Мейвезером?» (Прим.: Флойд Мейвезер — известный боксер, прославившийся как «непобежденный»).

Но Веда подняла их к своему подбородку и снова ударила по груше. К черту маникюр. Она не на минуту не отводила своих глаз от его.

Взгляд Линка упал на её кулаки, наблюдая, как она снова и снова бьет грушу. Даже её самого сильного удара не хватало для того, чтобы сдвинуть грушу хотя бы на дюйм.

Его изуродованная бровь поднялась еще выше, и зеленые глаза снова встретились с её. Линк самодовольно усмехнулся.

А затем он отвернулся от девушки и вернулся к своей груше. Её это так взволновало, что она даже подпрыгнула на цыпочках, вернувшись обратно к своей груше.

— Черт, этот язык...

Веда старалась удержать улыбающийся взгляд Гейджа, пока его язык кружил вокруг клитора, но наслаждение, охватившее девушку, заставило закрыть глаза против её воли. Она выгнула спину, почувствовав знакомое тепло внизу живота, которое с каждой секундой становилось все сильнее. Крик пронзил её горло, срываясь с широко открытых губ, когда тепло превратилось в пламя, обжигавшее кожу дюйм за дюймом до тех пор, пока крики не сменились тяжелым дыханием.

Его язык не замедлялся ни на минуту. Гейдж схватил девушку за бедра и подтолкнул колени ближе к её груди. Он широко открыл рот и прошелся языком по влажной киске, пока пальцами скользил внутрь её гладкого входа. Мужчина точно знал, где нужно прикоснуться, чтобы заставить её биться в агонии, задыхаться и просить еще.

Р уки Веды запутались в его волосах, сильно дергая, пока она объезжала его прекрасные губы. Её ослепил оргазм, все тело сжалось и задрожало от силы освобождения и восторга.

Веда услышала его мягкий смех и упала на кровать, где Гейдж нежно поцеловал её клитор.

Даже когда она стала возвращаться с небес на землю, он не прекращал свои ласки. Гейдж посасывал её возбужденный клитор и вылизывал киску своим влажным языком со всей любовью, покрывая жадными поцелуями. Он схватил её за бедра, прокладывая горячую дорожку из поцелуев к киске и погружаясь языком в её пульсирующее лоно. После чего мужчина пошел еще ниже, раскрывая свои жадные губы и проталкивая свой язык в тугое кольцо мышц её попки.

— Ох ... ты такой плохой ... — Веда тяжело задышала, сжав пальцы, все еще погруженные в его волосы, и издала хриплый смешок от новых ощущений.

С сердце девушки готово было вырваться из груди, пока язык Гейджа оставался там, на неизведанной территории, и пока её тело снова не накрыло волной наслаждения, от которой она задрожала. Когда он проделал все те же вещи с её попкой, что и с киской, Веда прекратила дергать его за волосы и стала их поглаживать, а на её лице появилась мягкая улыбка.

Веда ждала. Это был лишь вопрос времени. На протяжении нескольких лет она все сильнее убеждалась, что они все хотят этого. Некоторые просто скрывали свое желание дольше, чем другие. Она поняла, что они, наконец, набирались мужества спросить об этом, когда подходил срок трехмесячного знакомства.

Видимо блистательные, богатенькие мальчики не были исключением.

— Чего ты хочешь? — прошептала Веда, откидывая волосы с его лица, когда одна и та же прядь снова и снова падала ему на лоб.

Гейдж еще раз терпеливо лизнул её попку, на мгновение уставился на нее благоговейным взглядом и поднял свои потемневшие глаза на Веду.

— Я хочу каждый дюйм твоего тела, — проскрежетал Гейдж, протягивая свою руку к её голому животу, растопыривая пальцы. Он не мог позволить, чтобы хоть один дюйм её тела остался нетронутым, прежде чем обхватить обеими руками её мягкие груди.

— Я не могу этого сделать... — мягко сказала Веда. — Хорошо?

Гейдж провел кончиком носа по холмику её киски, а затем языком прошелся по

складочкам, прежде чем поднять свой подбородок и встретиться с ней взглядом.

— Хорошо, Веда.

Её сердце горело, но сейчас это не имело никакого отношения к тому, какие удивительные вещи этот язык проделывал с её телом. Даже после его безропотного согласия и полного понимания, не увидев и намека на гнев в его глазах, она вдруг поняла, что объяснялась перед ним.

— Это часть меня, к которой никто никогда не прикасался.

Он убрал одну руку с её груди. Его рука дрожала, когда он потянулся к ней.

Веда схватила его за запястье, когда он сжал её подбородок, пробежавшись большим пальцем по нижней губе.

— Твоя попка не единственная часть, — прошептал Гейдж.

Она еще некоторое время смотрела ему в глаза, прекрасно понимая, чего он хотел. После чего повернула голову, прерывая их зрительный контакт, и поцеловала кончики его пальцев.

— Я хочу поцеловать тебя. Готов поспорить, что на вкус ты как кислое яблоко.

Веда смотрела на него краем глаза и, взяв указательный палец мужчины в рот, начала его посасывать. Она знала, что у большинства мужчин существовала некая связь между их пальцами и членом. Девушка еще не встречала мужчину, который бы не представлял вместо пальца головку своего члена. Веда увидела, как на секунду взгляд Гейджа упал именно на то место, пока он наблюдал за ней. Что-то более глубокое, более сильное завладело им на миг, но когда Гейдж снова посмотрел на нее, в его взгляде этого уже не было.

— Я хочу тебя поцеловать.

— Ты уже целовал меня, глупышка, — Веда обернула свои бедра вокруг его головы, сжимая его щеки. Она хихикнула, когда посмотрела на него.

— Я хочу поцеловать твои губы, — сказал Гейдж, когда она разжала свои бедра, и обхватил одно бедро свободной рукой.

— Опять же, — её улыбка стала шире. — Ты только что целовал мои губы.

Казалось, он перестал слушать, его глаза были прикованы к большому пальцу, который до сих пор прикасался к её нижней губе. А затем и к верхней.

Веда отвела глаза. Её пронзила внезапная тревога. Она снова поцеловала каждый палец на его руке, а потом переплела их пальцы.

— Я обожаю твои руки.

Гейдж наблюдал, как девушка поцеловала его ладонь, но не стал возражать по поводу того, что она сменила тему.

Веда любовалась его рукой, поглаживая её своими пальцами.

— Они большие, массивные, сильнее моих, и в то же время гладкие и правильной формы.

Она вздохнула, вспомнив, как эти пальцы творили волшебство внутри её киски, делая их еще более привлекательными.

— Они на самом деле красивые, — Веда снова посмотрела на него. — У них свои линии и изгибы, словно руки существуют отдельно от твоего тела. Иногда я даже возбуждаюсь от одного взгляда на них.

Гейдж поглаживал её пальцы своими.

— Моя мама говорит то же самое.

Её глаза удивленно расширились.

Он смутился.

— Я не имею в виду, что она возбуждается, глядя на мои руки, — смущение сменилось мягким смехом. — Она просто всегда говорит, что у меня красивые руки.

— Это точно.

— Ты бы ей понравилась.

Веда снова не смогла сдержать смех.

— Я уверена, что прямо сейчас она готовит для меня приглашение на свадьбу.

— Она знает, что я не люблю Скарлетт. Она также не любит моего отца. Помнишь ту ночь, когда мы разговаривали у бара? Она сказала, что это было написано на моем лице. Как сильно я тебя хотел.

— Так ты, наконец, признаешь, что флиртовал со мной?

— Ты не представляешь себе, какие пошлые мысли роились в моей голове, когда я увидел леденец между твоих губ в первый раз.

— Я это знала.

Веда вздохнула, позволяя его руке упасть на свою грудь, накрывая её. Она почувствовала облегчение, когда Гейдж начал сжимать и перекачивать её соски между пальцами, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы отвлечь его.

Но этого было недостаточно. Даже когда он ласкал её грудь, то все равно продолжал разговаривать, от чего её желудок сжимался.

— В тот день, когда мы застряли в лифте... Ты сказала, что будто вернулась в какое-то темное место из своего прошлого, в ту ночь, когда Тодд схватил тебя...

— Я всегда говорю много глупостей.

Гейдж продолжал говорить, игнорируя её.

— Мне кажется, моя мать всегда где-то в таком же темном месте. Особенно, когда она рядом с моим отцом. Она никогда не улыбается искренне. Никогда не проявляет гнев или какие-либо другие эмоции. Единственный раз я видел настоящие эмоции на её лице — это когда она смотрела на меня. Когда мама общается с отцом, я изредка могу разглядеть настоящие чувства в тот момент, когда она не может бороться с малейшим подрагиваем улыбки, застывшей на её лице.

Веда хотела спросить, зачем он все это ей рассказывал, но знала, что это будет бесполезная трата времени. Она уже знала ответ.

— Я знаю, ты и она поймете друг друга, — глаза Гейджа искали её. — Потому что я не знаю, как вытащить её из того темного места. И тебя тоже.

Глаза Веды закрылись. Она почувствовала, как его руки исчезли с груди и прикоснулись к её щеке.

— Как мне помочь тебе, Веда?

Она открыла глаза и снова посмотрела на него. Веда все-таки позволила загнать себя в угол, которого пыталась избежать все это время. Она слышала это в своем голосе, когда говорила.

— Я не такая святая, какой ты меня считаешь, — Веда задержала дыхание насколько смогла. — И ты официально переходишь границы наших отношений «друзей-по-сексу». Прекрати это.

Нежная улыбка сошла с его лица. Гейдж сверлил её своим пристальным взглядом в течение долгих секунд, прежде чем уступил ей и повернул голову, прижимаясь щекой к её животу, все еще нежно сжимая её соски.

— Ты приняла решение по поводу вечеринки, которая будет в больнице? — спросил он.

— Сколько еще можно говорить, что я скорее сдохну, чем пойду на эту вечеринку?

Гейдж усмехнулся.

— Ты нужна мне. Моя семья ожидает меня там, чтобы соблюсти приличия, но я сомневаюсь, что справлюсь, если не увижу твое лицо на этой вечеринке.

— Ты делал это целых 26 лет без меня, Гейдж.

— На самом деле, я не знаю, как это делал. Я просто понятия не имею, как справлялся с этим без те...

Веда шикнула на него.

— Нарушаешь границы.

Гейдж поднял голову, и его щенячьи глазки смягчили её.

— Ты можешь прийти ко мне сюда, в мою квартиру, после вечеринки. И мы сможем трахаться, пока не взойдет солнце, хорошо?

— Большинство сотрудников больницы будут присутствовать. Медсестры, руководство и даже врачи. И Коко тоже.

— Еще одна причина, чтобы не идти.

— Она обожает тебя. Почему ты её отталкиваешь?

— Она тоже думает, что я святая, но повторяю — это не так.

Гейдж поцеловал её пупок и уперся в него подбородком, убирая руки с груди девушки.

Он взял её ладони и переплел их пальцы.

— Я не хочу жениться на Скарл...

Веда высвободила одну руку и приложила указательный палец к его губам, заставляя замолчать.

— Границы.

Гейдж улыбнулся, палец девушки до сих пор прижимался к его губам, которые он сморщил, целуя его кончик.

Сердце Веды сжалось.

Если бы он только знал.

Если бы Гейдж только знал, как она проводила каждую свободную минуту своего времени, выслеживая Тодда Локвуда с намерением убить его. Шпионила за ним в спортзале. В припаркованной машине возле его дома. Во время обеденных перерывов в «Блэкуотер Круиз».

Если бы Гейдж только знал настоящую причину её возвращения в Тенистую Скалу, он бы стал относиться более уважительно к их отношениям «друзья по сексу».

Гейдж пренебрегал ими снова и снова. С каждым днем он становился все настойчивее и наглее. Веда знала, что их бурный роман близок к фееричному завершению. Теперь она поняла, что Гейдж никогда не перестанет подталкивать её к тому, чего она не в силах ему дать сейчас.

И никогда не сможет.

Чего — то, чего у нее нет, чтобы разделить.

Часть её, которая была способна любить и быть любимой, умерла 10 лет назад. Это та часть её души, которая никогда не вернется назад.

Никогда больше.

Это часть её, которая умерла вместе с Тоддом Локвудом.

Веда знала, что Гейдж не поймет её.

И она знала, что должна покончить с этим.

К счастью, Тодд вышел из своего дома, и Веда осознала, что её начало подташнивать даже от одной только мысли порвать с Гейджем. Не от самой мысли расстаться с женщиной, а от его реакции. Девушка представила, как ему будет больно, а это последнее, чего бы она хотела.

Тошнота усилилась, и Веда сильнее сжала бронзовый медальон в своей руке. Лучше ранить Гейджа сейчас, пока он не успел к ней привязаться, что будет не таким болезненным. Чем, когда они оба привяжутся друг к другу.

Девушка сделала глубокий вдох и попыталась успокоить бурю, бушующую в её душе, при этом наблюдая, как Тодд забрался в свой «Астон Мартин» и сорвался с подъездной дорожки.

Веда завела свою машину, и её маникюр цвета металлик заблестел под лучами восходящего солнца, когда она повернула руль и последовала за ним вниз по дороге.

«Сегодня», — решила Веда.

Она порвет все отношения с Гейджем для его же блага.

Нет лучше места сделать это, чем ежегодное мероприятие по сбору средств в больнице Блэкуотер. Гейдж не устроит сцены, так как там будут его родители, бизнес партнеры и самые уважаемые спонсоры. На публике у него не будет шанса затуманить её разум и с помощью своего члена заставить передумать.

Веда почувствовала, как руки Коко обхватили её сзади. Они обе были в зеленых бальных платьях, которые лишь немного отличались по стилю. Девушки были похожи на близнецов. К тому времени, когда они поняли свою ошибку, было уже слишком поздно возвращаться домой и переодеваться.

Коко, конечно же, была не против.

Она тихо взвизгнула.

— Я так рада, что ты все-таки решила прийти. Обожаю такие вечеринки. А с тобой будет еще веселее.

Веда подняла глаза к куполообразному потолку самого большого бального зала в Тенистой Скале. Его украшали тысячи маленьких белых огоньков, которые создавали иллюзию звездного неба. Прозрачно-белые шторы были задрапированы по всему периметру потолка, пока огоньки придавали им ангельское сияние.

Она опустила глаза. Сотни людей в смокингах кружили возле белых обеденных столов, сливаясь в одну большую черно-белую массу, за исключением нескольких женщин в ярких бальных платьях.

— А я, наоборот, ненавижу все эти вечеринки, — возразила Веда, глядя на Коко.

Коко нахмурилась, подняв руку, чтобы заправить волосы за ухо. Как всегда, длинные рукава её платья были сильно опущены вниз, скрывая практически все пальцы на руках. Они были натянуты так сильно, что через вырез её декольте можно было увидеть розовый бюстгальтер.

— Нет, я тоже ненавижу их, — сказала Коко, опустив глаза. — Я просто рада быть здесь с тобой, вот и все.

Веда поправила вытянутый вырез платья Коко, чтобы спрятать бретельку бюстгальтера.

— Это хорошо, что ты любишь такие мероприятия, — сказала Веда. — Это нормально,

что мы с тобой не всегда любим одни и те же вещи. Тем более что мне никогда ничего не нравится. Мы можем не соглашаться друг с другом. Но это не значит, что мы не можем... — Веда пыталась остановить себя, прежде чем произнести слово, крутящееся в голове, но не успела. — Но это не значит, что мы не можем быть друзьями. Хорошо?

Услышав это слово, глаза Коко увеличились вдвое. Друзья. Она убрала руку Веды, чтобы натянуть рукава еще ниже, снова показывая бретельку своего бюстгальтера, когда красивая улыбка осветила её лицо.

— Если тебе что-то нравится, покажи это, — сказала Веда. — Если ты что-то ненавидишь, то покажи и это тоже. Никогда никому не позволяй убедить себя в том, что твои чувства ничего не значат. Они значат. Ты сама много значишь.

Коко покраснела, стыдливо опуская глаза.

Веда снова потянулась к ней, поправила вырез, и рукава платья вновь поднялись. Она усмехнулась, сдаваясь, когда Коко дернула их снова вниз.

— Тебе не жарко? — спросила Веда. — Ты выглядишь потрясающе, но ты всегда ходишь в одежде с длинными рукавами. На улице чертова невыносимая жара.

Коко пожалала плечами.

— У меня некрасивые руки.

— Бред, бред и еще раз бред. Некоторые танцоры Нью-йоркского балета убили бы за такие изящные ручки, как у тебя.

Коко снова покраснела.

Веда слегка толкнула её в плечо.

— Но, эй... это же твое тело. Если ты хочешь прикрывать свои руки в такую жару, то ради Бога. Кто я такая, чтобы говорить тебе, что делать, правильно?

Веда вернула свой взгляд к бальному залу.

Когда она поймала взгляд Гейджа, который стоял в другом конце зала под руку со Скарлетт и улыбался двум хорошо одетым мужчинам, кровь застыла в её жилах.

Веда была поражена внезапной реакцией своего тела, до конца не понимая, что это было. Из-за того, что кровь стучала в ушах, девушке было трудно что-либо расслышать. Вдруг как будто издалека она услышала шепот Коко.

— Я так рада, что мы с тобой друзья, Веда.

Но Веда не смогла ей ответить, потому что Гейдж тоже поймал её взгляд. И оказалось, что он перестал слушать людей, стоящих перед ним, как и она перестала слушать Коко.

Гейдж улыбнулся ей, и когда В еду пронзило непреодолимое желание пересечь эту комнату и сделать немислимые вещи с его членом, она поняла, что приняла правильное решение.

Веда больше не могла позволять ему контролировать свой разум и тело, как это произошло сейчас.

Она не могла себе даже вообразить, что её разум, тело и киска, которая уже была влажной для него, так бурно отреагируют на один его пристальный взгляд.

Девушка не для этого приехала в Тенистую С калу, чтобы отвлекаться на этого богатенького мальчика, и сегодня она покончит с этим.

Пока Гейдж не разрушил все её планы.

Веда осилила только половину основного блюда, когда поняла, что больше не выдержит. Она была готова уйти. Не из-за людей за столом. Е й повезло сидеть вместе со

своими коллегами-анестезиологами и некоторыми из её любимых медсестер. Даже врачи, которые каким-то образом оказались с ней за одним столом, были вполне терпимы. Казалось, ни один из них не страдал синдромом Бога, как многие хирурги, которых ей приходилось терпеть каждый день на работе. Веда могла вытерпеть даже Коко, которая не переставала смотреть на нее своими выразительными глазами с того момента, как Веда позволила слететь со своих уст слову «друзья» сегодня вечером.

Причина была в том, что на противоположной стороне за первым столиком она заметила, что Гейдж едва слушал свою мать, говорящую достаточно громко. Он с отвращением смотрел на Тодда, с которым до сих пор не разговаривал. Он как будто держался из последних сил, чтобы не перепрыгнуть через стол и не перерезать глотку Тодда блестящим ножом в его руке.

Веда видела нетерпение в глазах Гейджа, когда его отец говорил что-либо. И она заметила, что он даже ни разу не взглянул на Скарлетт...

Потому, что он был занят разглядыванием Веды.

Она не смогла больше ничего проглотить, вдруг осознав, что её отношения с Гейджем разрушат не только её планы, жизнь и будущее. Но также и его жизнь. Веда не могла позволить погубить две жизни, зная, что эти отношения ни к чему не приведут.

Однако покончить со всем этим оказалось не так легко, как она думала изначально. Особенно после каждой секунды, каждой минуты и каждого часа, проведенного с Гейджем, который полностью игнорировал свою семью и улыбался ей через весь зал. Что в свою очередь заставляло её чувствовать себя еще хуже.

Веда положила салфетку на стол и извинилась. Она нуждалась в перерыве. В перерыве от скучных светских разговоров, в перерыве от сентиментального взгляда Коко, которая теперь считала В еду своей лучшей подругой... и в перерыве от горячих взглядов Гейджа.

Сначала она грациозно прошла через весь зал мимо десятка столов. Улыбнулась, когда почувствовала знакомый взгляд, преследовавший её повсюду. Но вскоре девушка вспомнила о своем решении и ускорила шаг, останавливаясь только для того, чтобы поприветствовать людей, которых знала.

Когда она добралась до длинного пустого коридора с золотыми люстрами на потолке, Веда почувствовала себя немного лучше. Стало легче дышать.

Она снова глубоко вздохнула, позволяя своим дрожащим векам прикрыться, пока следовала знакам, ведущим в уборную. Повернув за угол, девушка увидела еще один длинный коридор, который, казалось, был бесконечным.

Складывалось такое ощущение, что внутри неё шла война. Будто внутри её тела велась какая-то битва. Веда была уверена, что если вдруг один из хирургов-мудаков в бальном зале вскрыл бы её прямо сейчас, то они обнаружили бы, что все её органы настроены друг против друга и намерены поубивать всех и вся, не подозревая, что убийство одного означало смерть остальных.

Веда сделала бы все, что угодно, чтобы остановить это.

Она даже не заметила, что остановилась посреди коридора, облокотившись на стену, пока кто-то сзади не схватил её за руку.

Она ахнула и посмотрела через свое плечо.

Один взгляд в его карие глаза, смотрящие на нее, и борьба в её животе прекратилась. Органы, которые секунду назад жаждали крови, успокоились.

— Гейдж, — прошептала Веда, ища его глаза и пытаясь произнести слова, которые

репетировала весь вечер, прежде чем изменить свое решение. — Мне нужно поговорить с тобой.

Он сжал её руку своими пальцами.

— Мне... — комок, казалось, застрял у него в горле. — Мне тоже нужно поговорить с тобой.

— Я первая, — проговорила Веда, освобождая свою руку, чтобы схватить его за запястье и потянуть за собой в дамскую комнату через коридор.

Её каблуки стучали по плиточному полу, когда она вошла в просторную уборную. Так только мужчина вошел следом за ней, его туфли тоже застучали по кафелю.

Кабинки, расположенные вдоль стены, были пусты. Рядом с раковиной стоял комод, а над ним висел освежитель воздуха, который жужжал, распыляя приятный аромат лаванды.

Веда прошла в середину уборной и повернулась к Гейджу только тогда, когда услышала звук закрывающейся двери.

Слова застряли в её горле. Он выглядел так великолепно, стоя у двери и глядя на нее. Волосы Гейджа были зачесаны назад, тем самым открывая его захватывающее дух лицо. Веда никогда не видела его таким. Смокинг сидел на нем просто идеально.

Она заметила, что Гейдж остался стоять возле двери, держась за ручку, хотя она была заперта. Он как будто чувствовал то, что девушка хотела ему сказать, и готовился сбежать.

Но Веда ему не позволит. Она скрестила руки, когда Гейдж пересек комнату и подошел так близко, что девушка смогла почувствовать его пряный аромат. Когда её киска мгновенно отреагировала и стала влажной только от одного его аромата, она заставила себя заговорить.

— Гейдж, я действительно думаю, что наши отношения...

Остановившись, он накрыл её губы указательным и средним пальцами, прежде чем девушка успела сказать еще хоть слово. Гейдж сморщил губы, чтобы шикнуть на нее, но этого не произошло. Его пальцы оставались на её губах до тех пор, пока он не убедился, что девушка будет молчать, как если бы он знал о её мыслях. Затем Гейдж мягко убрал свою руку, засунул руки в карманы и некоторое время просто наблюдал за ней.

Он проглотил комок в горле, тишина была такой долгой, будто длилась вечно.

Наконец, тихий голос мужчины нарушил гнетущую тишину.

— Я все ждал того, что, как я знал, должен был почувствовать, когда посмотрел на нее в первый раз.

Веда вдруг поняла, что её глаза прикованы к его, пытаясь понять эмоции. Силу в его голосе. Судя по тону, она поняла, что ему было сложно говорить, но мужской голос не дрогнул. Его взгляд не покидал её глаз. Веда никогда не видела, чтобы Гейдж был так уверен в своих словах. По его глазам было видно, что слова произнесены от чистого сердца.

Веда открыла рот, чтобы позвать его по имени, сказать все что угодно, лишь бы остановить это.

«Останови его».

Но она не смогла.

Гейдж на мгновение остановился, а когда заговорил снова, то его голос понизился.

— Я все ждал, когда почувствую ... Эйфорию. Бабочки. Ажиотаж. Желание заботиться о женщине так, что... даже не замечу, когда мир вокруг нас окажется в огне ... и я не должен был заметить... или даже почувствовать этого.

«Остановить его».

Её разум выкрикивал приказы как король, чье королевство находилось под угрозой.

«Схватить его».

Веда пыталась, но, когда произнесла его имя...

— Гейдж... — она едва ли слышала свой собственный голос.

Он подошел еще ближе.

— Долгое время я размышлял о том, способен ли я на это, — его аура окружила её. — До той ночи, когда мы занялись любовью. И тогда это чувство пронзило меня. С тобой это была не эйфория. Это была... нирвана. Это были не бабочки. Это были стервятники.

Её глаза расширились, и она задержала дыхание.

Улыбка появилась на лице Гейджа, когда он изобразил коготь и провел по животу.

— Стервятники... разрывают мой живот, — он тяжело вздохнул, обхватив её челюсть одной рукой.

Веда резко втянула воздух.

«Не позволяй ему прикасаться к себе».

Злополучный король в её голове продолжал раздавать приказы, которым сердце отказывалось следовать.

«Сделать шаг назад, сейчас же!»

Веда сделала шаг вперед, сильнее прижавшись щекой к его руке.

Гейдж погладил её щеку подушечкой большого пальца.

— Это была не спешка. Это было больше как... импульс.

Придя в себя, Веда попыталась понять его слова.

— О... — её голос сорвался, и, воспользовавшись моментом, чтобы унять дрожь, девушка сглотнула, пытаясь успокоиться. — О, это был лишь импульс, хорошо. На самом деле, в последнее время мы с тобой делали очень много импульсивных... — Веда сделала глубокий вдох, когда он начал поглаживать её губы большим пальцем, чтобы прервать речь девушки. Гейдж продолжал поглаживания, пока она снова не замолчала, и, наклонившись, коснулся кончиком своего носа её.

Веда закрыла глаза, и фальшивая улыбка исчезла с её лица. Она попыталась произнести его имя, но слова где-то застряли. Она пыталась отойти от него, но тело не слушалось. Все, что она смогла сделать — это сжать лацканы его пиджака. Девушка была уверена, что сможет оттолкнуть, но каким-то образом она, наоборот, притянула его к себе ближе.

Тем не менее, когда Гейдж наклонился, прислонившись своим лбом к её, и мягко втянул её нижнюю губу, Веда отступила назад, и мягкий вздох вырвался из её горла, делая голос скрипучим.

— Не делай этого со мной, — взмолилась она и сразу почувствовала себя незащищенной, отпустив лацканы его пиджака и сделав шаг назад.

Гейдж сделал шаг вперед, в его глазах пылал огонь. Теперь его взгляд был прикован к женским губам, как будто только вкус её губ смог бы утолить его голод. Мужчина сделал еще один шаг вперед, когда она, напротив, отступила назад. Его дыхание стало напряженным.

Веда ахнула, когда наткнулась на стену сзади.

Гейдж подошел к ней ближе, прижав руки к стене по обеим сторонам от её головы, загнипнотизированный губами девушки, как будто остальных частей тела не существовало вовсе. Они оба начали тяжело дышать, когда он снова приблизился, не сводя глаз с нижней губы, которую только что попробовал.

Веда попыталась отвернуться, но вместо этого лишь подняла голову выше, и вздохнула, когда Гейдж снова приник к нижней губе, нежно втянув её в свой рот.

Когда девушка отступила, они оба ахнули. Она чувствовала покаяние в тех местах, где касалась его щетина.

Гейдж с сожалением оторвал свой взгляд от её рта, чтобы взглянуть в глаза. Кончиками пальцев он поглаживал её щеку, а другую руку оставил на стене над её головой. Мужчина наклонился, его дыхание становилось все тяжелее с каждой секундой, согревая её губы. Он держался достаточно далеко, чтобы девушка продолжила сама, давая понять, что выбор за ней.

Тело Веды не слушалось её, и она приподнялась на цыпочках, прижавшись своими губами к его. Этого было достаточно, чтобы её желудок скрутило еще сильнее.

Что-то в ней сломалось. Гейдж схватил её за талию и склонил голову набок.

Веда раскрыла свои губы для него, и он легко проскользнул языком внутрь, лоя стон, который вырвался из её горла и смешался с его, так как поцелуй становился все более настойчивым.

Её стоны превратились в хныканье, пока они исследовали друг друга языками. С каждым всхлипом его поцелуй становился все быстрее, жестче и увереннее. Гейдж сжал её талию еще сильнее, прижимая к себе с невероятной силой. Через секунду она почувствовала его твердый член напротив своего живота. Другой рукой мужчина шлепнул её по заднице, отчаянно сжимая.

Веда поняла, что уже не стоит на полу, её платье задралось по бедрам, и девушка обернула свои ноги вокруг его талии. Оторвавшись от его губ и широко раскрыв глаза, она посмотрела на Гейджа. Теперь голова Веды оказалась выше, и она могла доминировать, вцепившись пальцами в его челюсть. Он позволил ей взять бразды правления и разомкнул губы, чтобы впустить её язык.

Веда с энтузиазмом приняла то, что ей предлагали, раскрывая его губы шире и обнимая за шею. Их языки боролись друг с другом, и звуки их борьбы разносились по всей комнате. Когда Гейдж осторожно посадил её на комод, Веда вцепилась пальцами в его задницу и притянула к себе между своих разведенных ног, задирая платье до талии, и ни на секунду не прерывая их пылкого поцелуя. Болезненный звук сорвался с его губ и растворился в их страстном поцелуе. Это был не стон и даже не рычание, а что-то среднее между ними. Веда сразу же почувствовала, как тепло затопило её сердце и кистку одновременно. Дрожащими руками она начала расстегивать ремень, возбужденная от его реакции, вкуса губ и силы блуждающих рук по её телу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Её соски болезненно напряглись, когда Гейдж прервал их поцелуй, давая всего секунду, чтобы опьянеть от болезненного экстаза и поцеловать нежную кожу на шее Веды.

Она почувствовала, что доказательство возбуждения отражалось на её лице так же, как и у мужчины, пока он посасывал её кожу. Звук чмокания губ наполнял её уши и заставлял пульсировать кистку.

В еки Веды затрепетали, Гейдж зарылся руками в её волосы и снова приблизился к губам. Она без колебаний раскрыла свои губы, и их языки снова встретились. Никогда в своей жизни Веда так не целовалась.

Приятное ощущение, которое прошло сквозь нее, больше не пугало.

— Презерватив, — выдохнула она в его теплый рот, выдергивая ремень из петель штанов, прежде чем вырвать пуговицу и расстегнуть ширинку.

Гейдж отстранился, его брови были напряжены. Он выглядел почти злым и опасным, а

когда посмотрел на свои штаны, то потерял всякий контроль над собой. Мужчина провел пальцами по разведенным ногам, а затем притянул девушку к себе так, что её пульсирующая киска жестко прижалась к расстёгнутой ширинке, и от этого движения Гейдж почувствовал, насколько мокрой она была, и как сместились её трусики, пока он вдальбливался в неё бедрами.

— Черт, — Гейдж вонзил ногти в её кожу. — Черт побери, Веда. У меня его нет.

Веда еще никогда не была так расстроена из-за нескольких простых слов.

— Нет...

Мужчина закрыл глаза и прижался своим лбом к её.

— У меня нет ни одного, детка. Черт, мне просто необходимо быть внутри тебя.

Веда провела пальцами по волосам Гейджа на затылке, сильнее сжала ноги, обернутые вокруг талии мужчины, и прижала его твердость к своему возбуждённому центру. Она знала, что их первый поцелуй спровоцировал Гейджа, и необходимость быть внутри неё сокрушала его. Веда понимала это, потому что сама чувствовала то же самое. Отдаться страсти без всяких тормозов.

— Я на таблетках, — прошептала она.

Гейдж снова поцеловал её в губы, перед тем как отстраниться.

— Ты уверена?

— Да, — она уже стянула с него трусы, и тяжело выдохнула, когда его член оказался на свободе. — Я хочу почувствовать тебя внутри без всяких преград. Хочу, чтобы ты кончил в меня.

Каждый дюйм её тела — ноющие соски, пульсирующая киска, жадные руки и даже губы — были перед ним бессильны. Веда сжала член руками, прежде чем отодвинуть промокшие трусики в сторону и направить его твердость в её пульсирующий вход.

— О, Боже, Веда, пожалуйста, — прохрипел Гейдж, тяжело дыша, когда начал входить в её тугую киску. — Да...

Звук двери, ударившейся об стену, ошеломил В еду, и у неё перехватило дыхание.

Гейдж бы так увлечен, что даже ничего не услышал и не понял, что вокруг начало происходить что-то необычное, пока Веда в ужасе не вскрикнула. После этого он повернул голову и взглянул через плечо.

Они оба метнули свой взгляд к двери.

В дверях стояла медсестра Латика, высоко подняв брови.

Гейдж выругался себе поднос и стащил В еду с комода. Он удостоверился, что Веда твердо встала на ноги, перед тем как еще раз взглянуть на Латика через плечо, и дернул свои штаны, чтобы застегнуть их.

Большинство людей, оказавшихся в положении Латика, извинились бы, и, возможно, подождали бы в коридоре, пока безнравственная парочка, которую они застали в общественном месте, освободит помещение, а потом снова отправились бы в бальный зал, избегая при этом зрительного контакта.

Латика не сделала им такого одолжения. Она прошла, пересекая комнату, подол её серебристого платья скользил по полу, а брови были по-прежнему высоко подняты. Она поглядывала на них краешком глаза с понимающей улыбкой на лице, когда заходила в одну из кабинок.

Веда наклонилась над комодом, пытаясь скрыть улыбку на лице, и Гейдж, который, наконец, застегнул штаны, еще раз взглянул на Латика через плечо.

— Мы всего лишь хотели убедиться, что комод безопасен... — произнес своим глубоким голосом Гейдж.

— М-м-м-хм-м-м! — Латика захлопнула дверцу кабинки, щелкнув замком.

Гейдж снова посмотрел на Веду. У обоих были виноватые улыбки на лице.

— Ты не закрыл эту чертову дверь! — беззвучно проговорила Веда, указывая на дверь уборной.

Он пожал плечами и что-то пробормотал в ответ, указывая на дверь обеими руками.

Их беззвучный спор продолжался, пока они не услышали шум воды. Они вздрогнули от этого звука, а шорох туалетной бумаги заставил Веду метнуться к входной двери. Гейдж положил руку на её поясницу и последовал за ней.

— Э — э — э... — Гейдж поправил галстук на груди, придерживая дверь для Веды, которая быстро выбежала в коридор. — Увидимся на работе, Латика? Завтра утром?

— М-м-м-хм-м-м!

Два дня спустя, проходя мимо стойки информации по оживленному коридору больницы, Веда обнаружила, что начала поправлять свой пучок волос на голове с дрожащей улыбкой на лице.

— Доброе утро, Латика! — Веда помахала ей рукой.

Когда медсестра выглянула из-за стойки, её глаза были больше, чем оправа очков. Латика встретила взглядом с Ведой и молча подняла одну бровь. Улыбка чеширского кота говорила о многом.

Этого было достаточно, чтобы Веда остановилась и пришла в себя, прекращая махать рукой, прежде чем повернуться налево и ускользнуть в противоположном направлении.

Но когда Латика громко прочистила горло, от чего все присутствующие замедлили шаг, Веда остановилась, зная, что этот был сигнал для неё. Она закрыла глаза, пока вспоминала рассказ, который сочинила в своей голове пока одевалась сегодня утром.

«Мы были в разгаре момента», — скажет она.

«Это было всего лишь один раз», — солжет она.

«Это ничего не значит».

Больше лжи.

Веда развернулась на каблуках, приготовившись врать по полной программе, и направилась к стойке.

Прочистив горло под непоколебимым взглядом Латика и не поднимая глаз, она прижала ладони к столу.

— Доброе утро, Латика, — сказала Веда.

— Доброе утро, сладенькая, — Латика положила на стол зарядку от телефона. — Не могла бы ты сделать мне одолжение и положить обратно эту зарядку в шкафчик доктора Бритлера в ординаторской?

Девушка подняла глаза и посмотрела на Латика, хватая зарядку.

«Что это было? Вместо того, чтобы поиздеваться над ней за то, что она обжималась с помолвленным мужчиной в общественном туалете, эта женщина решила сделать её своим личным рабом?»

Веда скривила губы. Это выглядело справедливо. Честный обмен. Она с удовольствием будет выполнять поручения Латика, если это будет значить, что они никогда не заговорят о богатом мальчике.

— Конечно, — сказала Веда, положив зарядку в карман. — Это все?

Латика наклонилась вперед, её улыбка становилась все шире, когда она положила подбородок на сложенные руки.

— Это все, сладенькая.

Тон её голоса говорил о многом.

— Хорошо... — Веда медленно отвернулась от стойки, готовясь к тому, что Латика передумает и начнет упрекать её в том, что она шлюха, разрушающая семьи. Медсестра все еще ухмылялась, но ничего не сказала, и Веда, направившись в ординаторскую, осознала, что вздохнула с облегчением. Уходя, Веда еще раз посмотрела на Латика через плечо.

— Доброго утра! — Латика помахала ей рукой.

И женщина со смехом опустила свою голову.

Веда больше не оглядывалась назад, но чувствовала взгляд медсестры, прожигающий спину, пока девушка уходила прочь.

Две двухъярусные кровати и рабочие столы в ординаторской были пусты, когда она зашла и поспешила через комнату к белым кабинкам в углу. Как только она закинула зарядку в шкафчик доктора Бритлера, то услышала звук закрывающейся двери и резко обернулась.

Веда выругалась себе под нос при виде Гейджа, даже не понимая, что отступала назад, пока не врезалась в шкафчики позади нее.

Гейдж выглядел намного спокойнее, чем она, облокотившись на закрытую дверь. Он защелкнул замок, перед тем как спрятать руки в карманы брюк своего черного костюма.

Тишина.

Щеки Веды начали гореть, а тело возбуждаться, и это поразило её. Обернувшись, она сурово посмотрела на шкафчик доктора Бритлера, словно там находилась медсестра Латика и смотрела на В еду осуждающим взглядом.

Это все было подстроено.

И она повелась на это, как какая-то идиотка.

Веда взглянула на Гейджа, когда тот оттолкнулся от двери, его обожающий взгляд буквально поглотил её.

— Мне действительно очень жаль, что пришлось прибегнуть к этому. Сговариваться со своей старшей медсестрой и использовать её коварный план только для того, чтобы хоть на минутку остаться наедине с женщиной, с которой я спал в течение двух месяцев. Но ты не оставила мне выбора, Веда.

Она попыталась отступить, но поняла, что уже наткнулась на шкафчики позади себя. Когда шкафчики задрожали под её весом, девушку посетило сильное чувство дежавю. Последний раз, когда её прижимали к стене, и ей некуда было деваться, Гейдж был слишком близко, а она на грани того, чтобы потерять контроль над собой, да еще не где-нибудь, а на комод.

— Почему ты избегаешь меня? — Гейдж удивленно поднял брови и начал медленно двигаться по комнате. Тон его голоса был спокойным, но глаза говорили об обратном.

— Я не избегаю.

— Я не видел и не слышал тебя в течение двух дней.

— Мы же можем прожить друг без друга два дня, Гейдж.

— С каких это пор? — на его лице появилась улыбка.

Он был прав. С тех пор, как они застряли вместе в лифте, не проходило и дня, чтобы они не встретились в её квартире. И в её кровати. И иногда в душе. Однажды ночью это произошло даже на балконе.

Они часто шутили, что его невеста перевезла своего Хуана в их с Гейджем особняк на утесе, и поэтому с тех пор Гейдж там больше не появлялся.

Когда он приблизился, Веда с трудом заговорила.

— Я совершила колоссальную ошибку, когда назвала Коко своим другом той ночью на вечеринке. Эта моя ошибка вылилась в то, что мне пришлось смотреть с ней фильм у нее дома. Я не избегала тебя. Меня держала в плену семнадцатилетняя девочка.

— М-м-м-хм-м-м, — Гейдж кивнул. — А на следующую ночь?

— В следующую ночь... Я спала здесь. В ординаторской, — пробормотала Веда.

— Почему?

— У меня был пациент с осложнениями. Он не просыпался до середины ночи.

— А мои звонки, на которые ты не ответила? И сообщения?

Веда не ответила. Не потому, что ей было стыдно, а потому, что он был слишком близко. Его возбуждающий аромат, его аура и полные губы, которые, как она знала, восхитительны на вкус — все это смешалось в один коктейль, от которого девушка стала недееспособной. Она не могла думать. Не могла говорить. Непонятно как она еще стояла на ногах.

— Мой поцелуй был настолько ужасен? — глаза Гейджа потемнели.

Веда чуть не упала. Его глубокий голос стал еще ближе. Тепло его дыхания на её губах. Кончик его носа соприкоснулся с её.

— Или был настолько хорош? — прошептал он.

Веда втянула воздух, когда Гейдж погрузил пальцы в её волосы, его короткие ногти помассировали голову, которая болела не переставая. И от его прикосновения головная боль начала проходить.

— Ты знаешь, я был прав, — погрузив вторую ладонь в волосы, Гейдж заставил её поднять подбородок и посмотреть на него. — Ты на вкус как кислый яблочный леденец.

То, что она увидела в его взгляде, заставило её грудь сжаться.

— Чего ты боишься, Веда? — он понизил свой голос.

Она не смогла ответить.

— Как может настолько приятная вещь пугать тебя так сильно?

Веда почувствовала, как к горлу подступил ком.

— Я не боюсь...

— Чушь собачья!

Она закрыла рот, удивляясь, когда это Гейдж научился предугадывать её ложь, прежде чем она успевала что-то сказать.

— Вот как будут обстоять дела дальше, — сказал он. — Сегодня после того, как я закончу работу, я приду в твою квартиру и открою дверь ключом, который ты мне дала два месяца назад, — Гейдж прижал пальцы к её груди. Едва коснувшись, улыбка сошла с его лица, и он начал нежно поглаживать её вздымающуюся грудь. — И ты будешь ждать меня там, как ты делала это каждую ночь последние два месяца.

— Хорошо, теперь ты будешь говорить, что я должна дела...

Указательным и средним пальцем он накрыл её губы, чтобы Веда замолчала.

— Ты снимешь всю свою одежду. Я тоже разденусь. И мы закончим то, что начали в том туалете две ночи назад.

— У меня есть право голоса, или...

— Нет.

Веда не смогла сдержать улыбку, когда Гейдж снова перебил её, будто читая мысли.

— Никто не говорит мне что делать...

Она напряглась, когда мужчина наклонился и поцеловал её, заставляя замолчать. Он прошелся языком по нижней губе, прежде чем захватить её своими губами.

В тот момент, когда Веда ощутила вкус его губ, её плечи невольно расслабились. А руки, словно жившие сами по себе, обернулись вокруг шеи мужчины.

Она позволила ему поцеловать себя, подчиняясь мягкому языку и настойчивым губам. Скользя языком между её губ, Гейдж посасывал то верхнюю, то нижнюю губу с каждым разом все усерднее, пока их тяжелое дыхание не смешалось. Ногтями они вонзались в спины друг другу, и каждый из них был близок к потере контроля.

Веда застонала напротив его губ, когда он схватил её за задницу и поднял. Девушка обернула свои ноги вокруг его талии, и Гейдж прижал её спиной к шкафчикам позади неё. Её стоны превратились во всхлипывания, когда твердый член прижался к центру. Она прервала поцелуй, но не потому, что хотела этого, а потому, что чувствовать одновременно его язык у себя во рту и его член между своих бедер было для неё слишком.

Веда откинула голову назад. П почувствовав горячее дыхание на своей шее, с её губ сорвался хриплый стон. П оцелуй мужчины согревали кожу, а от его отросшей бороды покалывало кожу. Это покалывание распространилось по всему телу.

Ж адные руки Гейджа путешествовали по женскому телу: по спине и рукам, по бедрам, по заднице; ни одна часть её тела не осталась без внимания его голодных рук. Он поднял голову и запечатлел еще один страстный поцелуй. Звук, который вырвался из горла мужчины, не был стоном или даже хныканьем, он был похож на грубое скрежетание.

От этих звуков киска Веды сразу же стала влажной, и она прижала его бедра к себе еще ближе, прежде чем смогла себя остановить.

Они прервали свой поцелуй, и Гейдж посмотрел вниз на их бедра.

— Я не могу перестать думать о той вечеринке, — его тяжелый взгляд встретился с её, и в глазах девушки загорелось желание. — Я еще никогда не нуждался в женщине, как нуждался в тебе в ту ночь. Поэтому я уверен, что ты можешь представить... невероятное разочарование ... когда я не мог связаться с тобой все эти два дня. И это закончится сегодня, Веда. Достаточно.

Она просунула дрожащие руки между их телами, хватаясь за ремень.

Гейдж наблюдал за выражением её лица, пока она расстегивала брюки. Желание в его глазах быстро сменилось чем-то другим, чего Веда не смогла распознать.

— Я не хочу, чтобы между нами была стена.

Веда заставила его замолчать с помощью своих губ и, углубив поцелуй, её руки застыли над пряжкой ремня.

Застонав, Гейдж ответил ей крепким поцелуем, прежде чем отстраниться и сказать, задыхаясь:

— Я хочу тебя без какой-либо защиты.

Веда втянула воздух, а её руки замерли, перестав вытягивать ремень из петель его брюк.

Она ухватилась за плечи мужчины и убрала свои ноги с его талии.

Почувствовав, что девушка захотела отстраниться, Гейдж крепко схватил В еду за бедра, как только её ноги коснулись пола, и нахмурившись, прижался своим лбом к её, после чего покачал головой.

— В тот вечер все вышло из-под контроля, — прошептала Веда, смотря на него большими глазами, пока её киска болезненно сжималась, нуждаясь в его члене. Она пыталась скрыть желание, которое отражалось в её глазах, но по его взгляду сверху-вниз, она поняла, что провалилась. — Слава Богу, вошла Латика. Она помешала нам совершить глупость.

Гейдж погладил её щеки своими ладонями.

— Ты же сказала, что принимаешь таблетки?

— Да, но... — Веда сделала глубокий вдох. — У меня не было секса с мужчиной без защиты...

«С восемнадцати лет», — хотела сказать она.

Это ошеломило её, как близко она была к тому, чтобы произнести эти слова. Чтобы

рассказать ему правду. Веда вздохнула с облегчением, что здравый смысл вернулся к ней вовремя, и помог скрыть жестокую правду.

— Мы не должны были терять над собой контроль. Я всегда осуждала девочек, которые были настолько глупы, чтобы заниматься сексом без защиты. Никогда не могла понять, как они настолько не контролировали себя, чтобы... ну, я никогда не понимала, пока... — Веда сглотнула, и на этот раз она не стала ничего отрицать. — Пока ты не поцеловал меня.

Гейдж отстранился и посмотрел ей в глаза. Он потянулся рукой к своему заднему карману и достал свернутый лист бумаги.

Взгляд Веды упал на бумагу, когда мужчина протянул свою руку, сжимая листок между двух пальцев. Смотря на него, она вырвала лист из его руки и развернула. Как только она увидела, что это было, на её лице расцвела улыбка.

— Серьезно? — прошептала Веда.

Гейдж положил свои руки на шкафчик по обе стороны от её головы.

— На следующий день я сразу поехал в больницу и сдал все анализы, — он проглотил комок в горле. — Я чист.

Веда сделала глубокий вздох.

— Ну, ты все еще не знаешь, вдруг я...

— Я подписывал твои документы, когда брал тебя на работу и видел твои результаты анализов.

Веда выронила листок из своих рук, закатив глаза.

— Ты словно сталкер...

Она не смогла договорить, так как Гейдж сильнее прижал её к шкафчику, скользнув одной ногой между бедер, чем заставил их оказаться в опасной близости друг к другу.

— Я не хочу, чтобы что-то стояло между нами, — прошептал он. — Я хочу всю тебя, Веда. Без всяких барьеров.

— Мне кажется, что ты забываешь об одном огромном барьере между нами — Скарлетт.

Глаза Гейджа потемнели.

— Ты же знаешь, что я её не люблю.

Веда ненавидела, как её тело мгновенно отреагировало на эти слова. Она ненавидела, что она сразу почувствовала облегчение. Что тепло разлилось в её груди. Как сильно её тело желало его, хотя девушка и старалась сдерживаться.

Гейдж наклонился и кончиком своего носа прикоснулся к её.

— Ты не достаточно доверяешь мне, чтобы отдаться полностью?

Он приблизил свои губы к её, и Веда ответила на его страстный поцелуй. Она не закрыла глаза, чувствуя его дыхание на своих губах. Одну руку он положил ей на талию, прижимая их тела друг другу, его ресницы скользнули по щекам девушки, когда они прижались еще сильнее друг к другу.

Услышав, как кто-то начал дергать ручку с другой стороны двери, они резко отстранились друг от друга.

А затем в дверь начали стучать.

— Вы не можете закрывать эту дверь! — раздался голос с обратной стороны. — Политика больницы.

Веда и Гейдж переглянулись, когда снова раздался стук в дверь.

Они оба узнали этот голос.

— Коко, — сказала Веда, пытаясь говорить спокойным голосом, несмотря на бешено колотящееся сердце. Она шагнула к двери, но Гейдж развернул её на полпути, схватив за предплечье, и посмотрел на девушку.

— Сегодня, — сказал он.

— Сегодня.

Как только это слово слетело с её губ, он отпустил В еду и повернулся к шкафчикам, открыв один из них и сделав вид, будто что-то в нём ищет, хотя в больнице едва ли не каждый знал о том, что у Гейджа личного шкафчика не было.

Веда пошла к двери. Она открыла дверь и увидела Коко, которая положила руки на свои бедра и выглядела раздраженной. Веда улыбнулась. Её поразило, что ей даже не пришлось выдавливать из себя улыбку.

— Почему дверь была закрыта? — спросила Коко так громко, что это привлекло внимание мужчины, прислонившегося к дверному косяку в другом конце коридора.

Веда уже узнала мужчину до того, как он повернулся, благодаря узелку, завязанному на шее.

Тем не менее, когда детектив Линкольн Хилл посмотрел через плечо и встретился взглядом с Ведой, она замерла и не смогла пошевелиться.

Девушка тяжело сглотнула, взяла Коко под руку и закрыла дверь в ординаторскую, отрывая взгляд от Линка.

— Привет, подружка.

Коко отшатнулась и смутилась, когда Веда закрыла дверь. По правде говоря, это слово «друг» переворачивало весь её мир.

— Привет, подружка, — сказала Коко, и её голос сорвался. — Я как раз собиралась вздремнуть, пока у меня перерыв на обед. Ужасно устала.

Веда сильнее сжала её руку и потащила Коко по коридору. Подальше от Гейджа.

И, что важнее, подальше от Линка.

— Пойдем со мной в столовую, — сказала Веда. — Сегодня там продают желе, я хочу встать в очередь, чтобы успеть взять со вкусом зеленого яблока.

Коко стояла рядом и пока рассказывала что-то Веде, разумеется, дергала рукава своей светло-зеленой рубашки, которую надела под медицинскую форму.

Веда еще раз посмотрела через плечо Коко и увидела Гейджа, который выглядывал из ординаторской. Он встретился с ней взглядом и помахал.

Но Веда ему не ответила.

Её желудок сжался. Потому что Гейдж не видел Линкольна Хилла, наблюдавшего за ним с другой стороны коридора. Подмечая, как Гейдж выходил из той же самой двери, из которой совсем недавно вышла Веда.

Не замечая Линка, Гейдж смотрел на В еду и ухмылялся.

Гейдж вставил ключ в замок и остановился. Он почувствовал, как подрагивала его грудь, когда сделал вдох через раздувающиеся ноздри. Мужчина закрыл глаза, ресницы коснулись его щек, и он взял столь необходимую ему минутную паузу перед тем, как повернуть ключ и открыть дверь в квартиру Веды Вандайк.

Из фойе Гейдж оглядел открытое пространство перед собой. Пусто. Его пульс участился.

«Она избегает меня третий день подряд?»

Этот вопрос заставил его и так уже бешено колотящееся сердце, начать биться еще быстрее.

«Или, может, она все-таки здесь, как мы и договаривались? Может, она ждет меня в постели?»

Он не мог решить, что было страшнее. Потерять Веду...

Или, наоборот, быть с ней.

Когда она выскочила из спальни в своей шелковой ночной рубашке, то ответ на этот вопрос пришел сам по себе.

Быть с ней.

Быть с ней было явно страшнее.

Но не настолько страшно, чтобы остановить его член. Гейдж был уже наполовину возбужден от одного только взгляда на неё. Не так страшно, чтобы это заставило его уйти. Не до такой степени страшно, чтобы игнорировать мучительное желание пересечь комнату и обнять её.

Глаза Веды встретились с его через всю комнату, пока она пожирала его взглядом. Ему всегда было интересно, знала ли она, какие честные у неё глаза.

Улыбаясь, девушка вышла из темного коридора, поднимая одну руку. Наручники свисали с её пальцев, пока другая рука находилась за спиной.

Гейдж улыбнулся, он не смог удержаться, чтобы не подойти к ней. Они встретились в середине гостиной, воздух вокруг них начал сгущаться все больше, но они не отрывали друг от друга глаз.

Он бросил свой портфель и забрал у нее наручники, бросив их туда же на пол.

— Не любишь наручники? — мягким голосом спросила Веда. — Это слишком для тебя? — вблизи глаза девушки казались еще больше. Веде пришлось вытянуть шею, чтобы встретиться с мужским взглядом, и Гейджу потребовалась вся сила воли, чтобы не покрыть поцелуями её лицо.

Веда вытащила другую руку из-за спины, предлагая альтернативу наручникам.

Гейдж нахмурился, когда увидел в её руке анальные шарики.

— Я подумала, что это может быть для тебя слишком, — сказала она. — Но раз ты не любишь наручники...

Он забрал у нее анальные шарики и покачал головой, прежде чем и их бросить на пол.

Веда пожалала печами, когда шарики, упав между их ног, подпрыгнули.

— Это будет наш первый раз вместе без презерватива. Разве ты не хочешь чего-то особенного? Сделать что-то необычное?

Гейдж протянул руку и стянул одну бретельку пеньюара с её плеча. Он наблюдал, как бретелька скользнула вниз по руке, и позволил своим пальцам следовать за ней, поглаживая её мягкую кожу. А затем мужчина поднял другую руку и сделал то же самое со второй бретелькой.

Шелковая ткань упала вниз, зацепившись за её торчащие соски. Однако гравитация победила, и в следующий момент пеньюар свободно упал к ногам, оставив девушку полностью обнаженной.

Гейдж упивался видом её округлой груди, которая тяжело вздымалась. Её напряженных от возбуждения коричневых сосков. Её сжатых кулаков, румяных щек, больших глаз и этих приоткрытых губ. Эти губы ...

Он не спеша исследовал тело девушки, и к тому времени, когда их глаза снова

встретились, Гейдж уже развязал галстук и стянул его с шеи. Следующими были пуговицы, он расстегнул их и снял рубашку. П ульс мужчины ускорился втрое, когда взгляд девушки упал на его грудь, так же тяжело вздымающуюся, как и у неё.

Веда протянула одну руку к мужчине, и его член дернулся от невинных прикосновений её пальцев к груди. В тот момент, когда она очертила контуры его сосков, Гейдж отчаянно захотел прикосновений её мягких пальцев к пульсирующей головке своего члена.

Нетерпеливыми пальцами он быстро расстегнули ремень и молнию на штанах. К тому времени, как он стянул свои боксеры до лодыжек, глядя при этом в её прикрытые веками глаза, воздух в комнате настолько сгустился от жара их собственного дыхания, что они часто и тяжело задыхались.

Гейдж стоял перед ней... высокий и такой же голый как и сама Веда.

Ни один из них ничего не предпринимал, чтобы сломать молчаливый барьер между ними.

Её выразительные глаза помогли Гейджу увидеть тот самый момент, когда Веда, казалось, поняла, что это было.

Без единого слова, без единого прикосновения его стержень напрягся, а под кожей словно взорвались «Поп Рокс» (Прим.: Pop Rocks — патентованное наименование конфет, выделяющих газ во рту, их еще называют «шипучие конфеты»). Гейдж почувствовал, как вены на его члене одна за другой начали выступать, как будто они намеревались прорваться через кожу. Он хотел развеять сжатый воздух и погладить её покрасневшие щеки. Поцеловать её маленький носик. Прикоснуться к её эластичной коже.

Его член полностью встал, и Гейдж облизал свои губы. К апля предэякулянта уже грозила упасть на пол, когда мужчина шагнул вперед и обхватил девушку за щеки.

Веда втянула воздух.

Он наклонился, и её плечи напряглись. Когда Гейдж мягко прикоснулся своими губами, они расслабились. Только после того, как Веда сдалась, он позволил себе закрыть глаза и широко раскрыть губы, чтобы поцеловать её.

Их страстный поцелуй продолжался, с каждой минутой становясь все глубже. Они все сильнее прижимались друг к другу. Когда Веда обняла мужчину за плечи, кончик её влажного языка встретился с его. Гейдж сгорал от желания попробовать другую часть её тела, которая была такой же мягкой, как рот и язык.

Он нагнулся и поднял девушку на руки, улыбаясь её восхитительному визгу, согревая своим дыханием пространство между их губ.

Гейдж нес её в спальню и удивлялся, как вообще смог идти на трясущихся ногах, дышать полной грудью или видеть сквозь эмоции, которые жгли глаза.

Эмоции, отражающиеся в его взгляде, заставили В еду опустить глаза. Он коснулся своим носом её маленького носика, прося посмотреть на него, но вместо этого девушка уткнулась ему в шею, прокладывая дорожку из поцелуев вдоль большой вены, выступившей на шее мужчины. Прикосновения её горячего языка послали электрические волны прямо в член. Гейдж невольно прижал В еду еще ближе к себе, пока его эрекция покачивающаяся в прохладном воздухе спальни, отчаянно нуждаясь в её киске.

Гейдж положил девушку на середину кровати и выпрямился. Веда поерзала на своих красных простынях. Её вид — улыбающейся и лежащей на спине с твердыми от возбуждения сосками, которые так и просили, чтобы их облизали, её губы, припухшие от поцелуев, и набухшая киска, обещавшая невероятное удовольствие — заставил его произвольно

положить свою руку на пульсирующую головку члена. Он накрыл ладонью головку члена, резко втянув воздух при мысли о том, что мягкие стенки её киски будут сжимать его без всяких барьеров.

Веда потянулась к нему, улыбаясь и хныкая, согнув свои пальцы так, словно завидовала его рукам и будто бы хотела схватить его член своими собственными руками.

Гейдж не мог не обратить внимания на её реакцию, и заговорил хриплым голосом.

— Я думаю, ты даже не представляешь, каким счастливым ты меня делаешь.

Веда опустила на четвереньки и поползла к нему, прикусив нижнюю губу. Мужчина невольно улыбнулся, когда она остановилась на краю кровати и нежно прикоснулась к его бедрам.

Гейдж почувствовал её запах, и его член дернулся. Обжигающее дыхание Веды дразнило набухшую головку его члена. Когда её проворные пальцы скользнули по его бедрам, а затем по талии и косым мышцам пресса, прокладывая себе путь к пульсирующей эрекции, он был уверен, что никогда в своей жизни так сильно не желал её прикосновений, как сейчас. Гейдж боялся, что кончит лишь от одного только прикосновения её руки.

Когда Веда крепко обхватила одной рукой его возбужденную головку, а другой мягко сжала яички и облизала свои губы в предвкушении, Гейдж схватил её за запястья и убрал руки прочь. Он почти сделал это. Он почти кончил ей в руку.

Веда даже не успела взглянуть на него, чтобы Гейдж смог увидеть замешательство на её лице, прежде чем забрался на кровать, прижав девушку своим сильным телом к кровати так, что она снова оказалась на спине. Её густые, вьющиеся волосы рассыпались вокруг головы как корона. Веда обхватила руками его челюсть, вновь кусая свою нижнюю губу.

— Я не смогу продержаться долго, — признался Гейдж, все еще держа её за запястья, и опустил глаза, когда почувствовал, что на его щеках появился румянец. — Без презерватива. Это будет слишком хорошо. И вдобавок ко всему... это будешь ты ...

Веда высвободила одну руку и потянулась к нему, костяшками пальцев погладив по щеке.

— Все может произойти очень быстро, — Гейдж сглотнул. — Но только в первый раз. Я обещаю, — и покраснел еще сильнее. Румянец распространился по всей его шее и груди.

Улыбка на её лице едва не прикончила его.

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня, — прошептала она.

Эти слова заставили его почувствовать себя на седьмом небе от счастья. Гейдж почувствовал, как румянец начал спадать. Он уперся руками по обе стороны от её головы, его сердце заколотилось настолько сильно, что не удивительно, если потом обнаружатся трещины на ребрах. Гейдж двигался между её распростертыми ногами, своим весом разводя их еще шире.

Улыбка исчезла с лица девушки.

Веда крепко схватила его за плечи и легонько толкнула.

Гейдж знал, что означал этот толчок. Девушка хотела, чтобы он лег на спину. Хотела быть сверху. Ей хотелось увидеть эмоции, отражающиеся в его глазах, и в этот момент она хотела бы смотреть сверху-вниз.

Веда толкнула его снова, и Гейдж заметил, как изменилось выражение её лица, когда он не уступил, как делал обычно. Её глаза стали еще шире, когда вместо того, чтобы сдать, он навалился на нее еще больше, заставляя её изящные бедра раскрыться так широко, насколько это возможно, с силой прижимаясь своей твердостью к низу её живота. Даже это маленькое

прикосновение, когда он своим членом прошелся по её вздымающемуся животу, вызвало настолько мощные искры удовольствия по всему телу, что Гейдж был вынужден сжать одеяло в кулаке, дабы сохранить контроль.

Веда повернула голову и поцеловала его запястье. Он понял, что у него осталось очень мало контроля над собой, и прикоснулся рукой к её волосам. Мужчина позволил своим пальцам погрузиться во вьющиеся пряди её «короны», удерживая достаточно сильно, чтобы девушка не смогла отвернуться. Чтобы не смогла отвести глаза.

Г олодным взглядом Гейдж пытался поймать её взгляд.

Веда начала ерзать под ним. Чтобы сменить их позицию. Он подумал, что мог бы прижать её спиной к своей груди, чтобы поймать сзади. Но продолжал удерживать её за волосы, качая головой.

Крошечные морщинки начали появляться между бровей девушки, с каждой секундой становясь глубже, когда он прикоснулся кончиком своего носа её.

Гейдж вдохнул аромат девушки, и только после того, как Веда успокоилась, он закрыл глаза и накрыл её губы.

Его поцелуй был крепким, страстным и напряженным с того момента, как только их губы встретились. Их языки переплелись друг с другом. Их стоны смешались в один, заполняя тихую комнату, страстные звуки голодного поцелуя вскоре также наполнили комнату. Гейдж наклонил голову, чтобы углубить поцелуй. П отянувшись рукой между их телами и обхватив свой ноющий член, мужчина понял, что уже получил все, что хотел, даже не трахая её.

Гейдж поглаживал рукой свой член, не в силах остановить стон удовольствия, сорвавшийся с губ, и почувствовал, как нахмурился, пока направлял головку своего члена во влажность её киски. Его желудок сжался в ожидании оргазма только лишь от одного легкого прикосновения к её влажным складкам. Мужчина выдохнул проклятия ей в губы. Он еще даже не вошел в неё. Мысль о мягких стенках её киски, обволакивающих член, заставляла Гейджа чувствовать, как будто из-за сильного возбуждения кожа отделилась от его тела, и он понял, что уже был близок к тому, чтобы доказать свою правоту.

Он не продержится долго. Веда была такой мягкой. Такой влажной. Слишком тугой.

Но, прежде всего, это была Веда. И поэтому он точно быстро кончит.

Гейдж прижался своим лбом, молча обещая себе и ей, что сделает для нее все. Кончив, он будет вылизывать её киску, пока она не достигнет экстаза, а потом каждый день будет дарить ей умопомрачительные оргазмы только своим членом. Если понадобится, то он умрет, пытаясь.

Гейдж еще раз поцеловал В еду, проглатывая стоны, пока сжимал свой стержень и кружил пульсирующей головкой возле её влажного входа. Ослепленный жаждой быть внутри влажной киски, он попытался войти в неё и тяжело задышал, когда понял, что не в состоянии этого сделать.

Его глаза распахнулись как раз вовремя, чтобы поймать взгляд карих глаз Веды, больших как блюдца, словно она смотрела фильм ужасов. Её кулаки были плотно сжаты на его плечах, ноги обернуты вокруг талии, а стенки киски сильно напряжены. Слишком узко, чтобы он смог войти в неё.

Гейдж обернулся и обнаружил, что её колени согнуты настолько, насколько это возможно, а пальцы на ногах поджаты.

Он повернулся обратно и соприкоснулся с ней лбами, заглядывая в глаза. Мужчина

ждал, что она перевернет его на спину и оседлает. Попытался перевернуть её, чтобы трахнуть сзади.

Но Веда не шевелилась.

Гейдж заметил, как девушка проглотила комок в горле. Её глаза становились все больше и больше. Казалось, что это никогда не закончится.

Он что-то увидел в ней.

После того, как Гейдж начал посасывать её нижнюю губу, потом верхнюю, не отрывая от нее своего пристального взгляда, он попытался снова войти в неё.

Стенки её киски сжались, и Веда закрыла глаза.

Гейдж нахмурился. Их губы до сих пор соприкасались, и он мягко прошептал ей.

— Расслабься, Веда.

Она открыла глаза, словно не осознавая, что они были закрыты все это время, и встретила с ним взглядом. Она втянула воздух через приоткрытые губы и резко кивнула.

Гейдж, наконец, понял, что он разглядел. Он не мог поверить, что не видел этого все это время.

— Расслабься, — прошептал он.

Все тело девушки будто окаменело, и Гейдж боялся, что мог сломать её пополам. А затем, наконец, её кулаки расслабились, а взгляд смягчился, после чего глаза наполнились слезами. Комок в её горле переместился и, в конце концов, исчез.

Гейдж снова поцеловал и толкнулся в неё, задыхаясь, когда она, наконец, расслабилась и пустила пульсирующую головку его члена в свою киску. Желание погрузиться в неё по самые яйца было непреодолимым, но он не решился это сделать.

Еще не время.

Гейдж вошел в нее только головкой своего члена и широко раскрыл губы для неё, увлекая в долгий, страстный поцелуй, атакуя её рот своим языком, пока киска девушки не стала скользкой. Э то позволило ему войти в неё полностью. Мужчина застонал, когда это произошло, её киска растягивалась все больше с каждым прикосновением их губ. Когда их языки переплелись, влажность её киски все сильнее обволакивала его твёрдость. С каждой секундой Веда все сильнее сжимала его стержень, пока их глаза оставались закрытыми.

Он прижался своим лбом к её, когда оказался глубоко внутри девичьего тела, а его пальцы утонули в густых локонах. Гейдж остановился, чтобы перевести дыхание, нуждаясь в ней больше чем когда-либо. Вместо того, чтобы прислушаться к своему возбужденному телу, которое кричало об освобождении, он наблюдал за Ведой.

Гейдж ждал.

Он ждал, пока морщинка между её бровей не исчезла полностью, а ноги, обернутые вокруг его талии, не ослабили хватку, пока он массировал гладкую кожу её лодыжек за своей спиной, и пока её глаза не наполнились таким же желанием, как и его. Он ждал, когда Веда ногтями пройдет по его спине, а потом крепко сожмет задницу Гейджа, приподняв свои бедра к его. Гейдж ждал, пока её киска примет его.

И как только она сделала это, он согрел её губы своим дыханием, прошептав...

— Я люблю тебя, Веда.

Её глаза расширились от удивления.

Гейдж вышел из неё, оставив в киске только кончик своего члена, перед тем, как снова резко войти туда, где бы хотел прожить всю жизнь и умереть.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

Позволяя своим глазам закрыться, Гейдж, наконец, уступил желанию своего тела, погрузившись в её бархатную киску со стоном, который заставлял его горло гореть. Не в состоянии остановить себя, он начал вдавливать в девушку своими бедрами.

На следующее утро Веда открыла глаза только для того, чтобы быстро их закрыть и разочарованно застонать в подушку.

Она должна была покончить с этим.

Она должна была покончить с этим еще на той вечеринке в больнице, когда у неё был чертов шанс.

А теперь...

Веда попыталась вздохнуть, но ей мешала подушка. Она задумалась о том, чтобы остаться в таком положении и позволить себе задохнуться. Как она могла позволить своей жизни выйти из-под контроля? Стать настолько далекой от цели, которая была смыслом её жизни?

Она хотела стать прежней Ведой, но не была уверена, что сможет. Девушка понятия не имела, как вернуть прежнюю себя, которая вломилась без приглашения на помолвку этого богатенького мальчика всего два месяца назад. Она даже не знала, кем была эта нынешняя Веда.

У нее перехватило дыхание, когда она приподнялась на локтях, а её голая грудь покачнулась в прохладном воздухе спальни. Веда жадно втянула воздух через нос.

Бекон.

Она почувствовала аромат жареного бекона. И яиц. И тостов. Услышала, как на кухне бежала вода из крана. Как гремела посуда.

Веда снова ощутила чувство дежавю. Её взгляд метнулся к балкону, девушка ожидала, что у нее возникнет сильное желание сбежать. Но это желание не появилось, и она поняла, что уже слишком поздно.

Уже было поздно бежать.

Она быстро встала с кровати и схватила халат, который висел на дверце шкафа.

Завязав пояс белого халата вокруг талии, Веда вошла в гостиную, убирая свои спутанные локоны с глаз, перед тем как двинуться дальше.

Гейдж, на котором были лишь боксеры, поднял взгляд от обеденного стола и поставил вторую тарелку на стол.

Веда ничего не смогла с собой поделаться. Она улыбнулась. Почувствовала, как её глаза начали таять как кленовый сироп, стоявший в середине стола. Её кожу покалывало, как если бы терпкий апельсиновый сок, который он поставил на стол, разлился по её венам и сжигал изнутри.

Девушка встретилась с ним взглядом, и её киска сжалась. Она никогда так себя не чувствовала с другими мужчинами. Неосознанно, словно зомби, Веда начала подходить к столу, улыбаясь тому, что увидела на тарелках.

— Щенок, сделанный из вафли? — она хихикнула, посмотрев на мужчину. Из обычной вафли Гейдж вырезал мордочку щенка, а из шоколадных вафель сделал уши. Он украсил улыбающуюся мордочку щенка разными продуктами из её холодильника.

— У тебя дар, Блэкуотер. Есть хоть что-нибудь, что ты не сможешь сделать из продуктов в моем холодильнике? Я даже не знала, что у меня есть шоколадные вафли.

Гейдж улыбнулся, но его глаза все еще были опущены. Он указал девушке на стул напротив себя.

Веда приняла его молчаливое приглашение, садясь и вдыхая аромат только что приготовленной еды.

— Я не смогу все это съесть, Гейдж, — он наполнил её тарелку до краев.

— В конечном итоге, ты, скорее всего, прикончишь еще и мою тарелку тоже.

Она удивленно подняла брови.

— Особенно после прошлой ночи. Тебе нужно восстановить силы.

Веда покраснела, когда вспомнила, что было ночью. Гейдж предупреждал её, что в первый раз кончит быстро, так и случилось. Но после этого он не остановился и, прижимая её колени к груди, зарылся губами в её киску и вылизывал, пока она не кончила. Это также не остановило его от того, чтобы разбудить её посреди ночи для второго раунда и не спеша трахать так, что Веда потеряла счет времени и оргазмам, которые сотрясали все её тело.

Она глубоко вздохнула, её тело жаждало больше его нежных прикосновений и не-такой-нежный член. Ощущать тепло его дыхания на шее, когда он, кончая, шептал ей пошлые словечки.

За исключением прошлой ночи... раньше его слова не казались ей такими пошлыми.

Они вообще не были пошлыми.

Желудок Веды сжался, и она подняла глаза, пока он садился напротив нее.

— Спасибо за вкусный завтрак, — сказала она.

Гейдж развернул черную салфетку и положил себе на колени, взглянув на неё лишь на мгновение, перед тем как взять вилку. Он опять ухмыльнулся, запихивая себе в рот яичницу.

Веда выдохнула, наконец, приняв то, что происходило сейчас.

Её кормили и наказывали одновременно. Какой садист.

«Я люблю тебя, Веда».

Она тоже наполнила свой рот яичницей, когда вспомнила его слова, которые были произнесены прошлой ночью. В первый раз, когда Гейдж сказал, что любит её, она подумала, что на него просто подействовала минута страсти.

Нет.

Мало того, что эти три слова сорвались с его губ во второй, в третий и в четвертый раз, эти слова заполнили все его тело и глаза, так же, как и его бедра, которыми он вколачивался в нее, пока Веда не могла больше отрицать услышанное.

Она поняла, почему у него было такое лицо этим утром. Почему Гейдж едва мог смотреть на нее. Почему улыбка на его лице выглядела фальшиво.

Гейдж не знал, что она не способна на это...

Веда была не способна ответить на его чувства.

Его бицепсы напряглись, он положил локти на стол, до сих пор не поднимая своих глаз, пока поглощал свой завтрак.

— Локти на столе, — Веда щелкнула зубами. Когда Гейдж не посмотрел на неё, её голос понизился. — Это правило этикета богатенького мальчика № 101. Где-то там у твоей матери наверно случился приступ, и она не знает, почему это с ней произошло.

Гейдж положил вилку и убрал локти со стола. Он избегал её взгляда, когда потянулся за соком, опустошая стакан всего несколькими глотками.

— Я вчера хорошо провела время, — прошептала она.

Гейдж поставил свой стакан. А затем посмотрел на неё. Через несколько молчаливых секунд, тарелка с едой была забыта.

Веда вздохнула.

— Мне с тобой было... очень хорошо.

Он лениво моргнул.

— На самом деле, удивительно, — Веда тоже положила вилку, потому что не могла есть, когда он так смотрел на нее. — Гейдж. Послушай...

— Скажи мне, чтобы я не женился на ней.

Веда сдержала вздох, который собирался сорваться с её губ, но он все равно вырвался. Она подождала минутку, чтобы собраться с мыслями.

— Что? — прошептала она, хотя слышала его прекрасно.

Гейдж отвел свой взгляд. В его глазах читалась уязвимость, и голос понизился до шепота.

— Скажи, чтобы я не женился на ней.

Веда почувствовала, как её тело напряглось, а на лице отразилась тревога. Она открыла рот, чтобы сказать о нарушении границ. Черт, Гейдж перевернул все с ног на голову. Девушка только открыла рот, собираясь объяснить, что произнесла эти опасные три слова прошлой ночью, он наплевал на их отношения друзей по сексу. Веда хотела накричать на него, сказать ему, чтобы он прекратил. Иначе она будет вынуждена прекратить их отношения навсегда.

— Не женись на ней, — Веда ахнула.

«Она только что это сказала?»

Наконец, она поняла, почему Гейдж не смог остановить себя и произнес эти три слова прошлой ночью. Ошеломленная тем, что сама сейчас сказала, девушка была почти уверена, что какой — то кукловод разбил лагерь у неё в голове, заставляя говорить то, что нельзя произносить вслух.

Прежде, чем Веда успела отругать себя за то, что была такой идиоткой; как могло такое произойти, что она настолько потеряла контроль над своим телом, Гейдж поднялся со своего места. Он так спешил к ней, что ударился об угол стола, от чего вся посуда задребезжала.

Гейдж обхватил её челюсть руками, и Веда застонала от мягкости губ, когда он прикоснулся ими к её губам. Она поднялась со своего места.

Их языки встретились, и вдруг у нее наступило прозрение.

Все это стало иметь значение, когда они оба наклонили головы, чтобы углубить поцелуй, забыв о еде. Все это стало иметь значение, когда Гейдж наклонился и, скользя по её телу, подхватил на руки. Все это теперь имело смысл, когда он отнес её обратно в спальню, и, наклонившись, развел полы её халата в стороны, чтобы захватить губами сосок.

Теперь все встало на свои места.

Тело больше не слушалось её.

Так же, как и разум, сердце и каждая ноющая часть её тела...

Все это теперь принадлежало ему.

Теперь Веда понимала, почему Линк тратил столько времени, чтобы выбить дерьмо из этой груши. Нанося удары до тех пор, пока у него не случится приступ или пока он не потеряет сознание. Не останавливаясь, пока его кости не ослабнут или пока не собьет эту грушу с хлипкого крючка на потолке. Смотри, что случится раньше.

Обычно падала груша.

И теперь Веда понимала, почему.

Потому что это чувство было потрясающим. Это ощущалось чертовски хорошо.

Это помогло ей забыть, что прошло более двух месяцев с тех пор, как она вернулась в Тенистую Скалу, и она не просто потерпела неудачу, это было полное фиаско. Девять монстров, которые украли её душу, должны были умереть к концу лета. Ещё раньше ей нужно было раскрыть личность неуловимого номер десять. Но ничего из этого она не сделала.

Ничего!

Больше двух месяцев она здесь, и даже не убила Годда Локвуда.

Хуже того, теперь она даже не была уверена, что хотела убить его.

Она не была уверена, что хотела чего-то ещё, кроме толстого члена Гейджа, трахающего её в любых позах, которые только можно вообразить. Его успокаивающих объятий, когда она просыпалась от кошмара посреди ночи. Она не была уверена, что хотела чего — то, кроме любви, которая отражалась в глазах Гейджа всякий раз, когда он смотрел на неё.

— Ты сломаешь себе большие пальцы.

Собираясь нанести удар, Веда вздрогнула и леденец чуть не выпал у неё изо рта. Её глаза метнулись к двери комнаты для бокса, и девушка увидела Линка, одетого в черные спортивные штаны и черную майку. На фоне темной одежды его смуглая кожа как будто сияла. Взгляд его зеленых глаз пересек комнату и словно схватил её за шею.

Восемнадцатилетняя Веда чувствовала бы себя в безопасности. Двадцативосьмилетняя Веда не знала, что чувствовала сейчас, но чем бы это ни было, это заставило её выпрямиться, сжать кулаки и распахнуть глаза.

— Что? — пробормотала она с леденцом во рту, её глаза поднялись выше, когда Линк подошел к ней. — Мои большие пальцы?

Детектив остановился перед ней. Он не собрал свои волосы в хвост, поэтому они неравномерно рассыпались по его голове и обрамляли лицо, спадая на ключицы мягкими темными волнами.

Веда задумалась, сможет ли она когда-нибудь смотреть на него, не обращая внимания на шрам на брови. Она хотела извиниться перед ним за него, но знала, что не сможет.

Девушка почувствовала внезапное тепло на своих руках и быстро заморгала, не понимая, что с ней сейчас произошло. Веда ошеломленно посмотрела вниз и обнаружила свои руки в руках Линка. Его толстые пальцы обхватили её ладони. Они были грубыми и мозолистыми по сравнению с её кожей, и им было далеко до мягких и гладких рук Гейджа.

Линк просунул свои большие пальцы внутрь её сжатых кулаков, заставляя расслабить руки.

Веда позволила ему это сделать, чуть не проглотив свой кисло-яблочный леденец вместе с палочкой, когда втянула его в рот.

Он взял её левую руку и загнул четыре пальца, положив большой палец поверх них.

— Вот так правильно, — сказал Линк, указывая на её левый кулак. Он взял девушку за вторую руку и сложил её пальцы так, как она делала раньше, расположив большой палец под остальными четырьмя. — А вот так ты можешь сломать себе большой палец.

Веда рассматривала свои руки, удивляясь, почему она сама до этого не додумалась. Теперь, когда он научил её, ей это казалось очевидным.

— Ещё тебе стоит хотя бы иногда вытаскивать свой леденец изо рта, прежде чем груша отрикошетит, ударит по палочке леденца, и ты подавишься. И не за что, — сказал Линк, пока девушка стояла и бормотала что-то себе под нос как идиотка.

Веда повернулась, чтобы посмотреть, как детектив пересек комнату и направился к своей любимой груше. Убирая леденец изо рта, все еще с разинутым ртом, она наблюдала, как он сразу же, как и всегда, приступил к делу. И как всегда, он продолжал полностью её игнорировать.

Веда пересекла комнату, чтобы выбросить леденец, и подошла к груше рядом с ним, но не стала использовать свои новые знания, чтобы ударить по ней. Вместо этого она обняла грушу, прижимаясь к ней щекой и просто наблюдая за ним.

В течение нескольких минут Линк старался не замечать её. Позже, когда от её взгляда ему стало жутко и неудобно, его кулаки застыли в воздухе. Но он не отвел взгляда от груши, когда прорычал:

— Что?

Веда улыбнулась, наслаждаясь ощущением того, как щекой прижималась к снаряду.

— Ты не появлялся в больнице некоторое время.

Четыре недели, если быть точной. Но она опустила эту часть, не желая казаться еще более навязчивой, чем уже была.

— Я уже подумала, что ты к нам больше не придешь.

Линк повернулся к ней спиной и ударил по груше.

— Меня отстранили.

— Что случилось?

Детектив опустил голову, но не повернулся к ней. Веда знала, что он жалел о том, что помог ей с большими пальцами. Говоря себе, что должен был позволить ей сломать один из них. По крайней мере, тогда бы ему не пришлось делить с ней эту комнату, терпеть её вопросы и любопытный взгляд.

Линк поднял голову и уставился на грушу.

— Я разозлился. Потом выразил свой гнев. И меня отстранили.

— Что тебя так разозлило?

Он, казалось, хотел проигнорировать её.

— Мне не дали ордер, на который я рассчитывал. И сорвался на той девочке... Саре Адамс. Я не должен был прикасаться к ней.

— Почему тебе не дали ордер?

— Очередная херня.

— Что за херня?

Линк вздохнул.

— Нецензурные слова. Поясняю: богатый мудака, которого я преследовал, нашел еще одну лазейку.

— Еще одну? Значит, ты следишь за этим богатым мудаком некоторое время?

Детектив продолжил бить грушу, видимо, показывая, что на сегодня с него достаточно разговоров.

Но Веда еще не закончила. Между ними столько всего произошло: первое прикосновение, первый разговор и даже первый намек на улыбку. И все это произошло за каких-то пять минут. Нет, она не может вернуться к молчанию между ними, как это было раньше.

Если она не в состоянии рассказать, кем являлась, поблагодарить и вернуть медальон его матери, тогда Веда хотя бы сможет стать его другом. Приятелем по спортзалу.

Это выглядела достаточно безопасно.

— Почему ты отпустил Тодда, после того как он изнасиловал Сару? — с того момента, как слова слетели с губ, она поняла, что это не лучший способ заводить друзей, но Веда хотела получить ответ на вопрос больше, чем стать его другом.

Линк не посмотрел на неё, продолжая бить грушу, как будто девушки здесь не было. Её голос стал громче.

— Почему ты не постарался заставить её сделать токсикологический анализ? — когда он снова ей не ответил, Веда сдалась. Она посмотрела на свою тяжелую грушу и толкнула её мыском кроссовка, все еще поглядывая на него. Убедившись, что Линк продолжил игнорировать её из-за беспрестанных вопросов и обвиняющих слов, Веда снова начала лупить по груше, но её удары казались слишком вялыми.

— Я не могу заставить кого-то делать токсикологический анализ, если он не хочет.

Она подпрыгнула от голоса копа, и взгляд метнулся к нему. Веда схватилась за грушу с обеих сторон, вонзив в нее пальцы.

Линк смотрел на нее через плечо.

— Я не могу заставить кого-либо сделать анализы на предмет изнасилования, кто не хочет этого делать. Не могу кого-либо заставить выдвинуть обвинения, если он не хочет этого делать. Я никого не могу заставить делать то, чего они не хотят. И ты тоже. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше станет твоя жизнь. Поверь мне.

— Зачем выбирать спецотдел полиции по работе с жертвами насилия, если вы не готовы бороться за этих девочек? Почему этот отдел, если тебе наплевать?

Он улыбнулся ей.

— Мне наплевать? — спросил он, и это было больше похоже на утверждение, чем на вопрос.

Веда пожала плечами.

— Я имею в виду... Мы оба знаем, что сделал Тодд, не так ли?

Его взгляд ожесточился.

— И все-таки он до сих пор гуляет на свободе, — теперь Веда сомневалась, сможет ли она убить Тодда. Черт, у нее теперь не было цели, кроме как быть с Гейджем. И она поняла, что увидеть Тодда за решеткой было бы лучше. Если бы она была на месте Линка, она бы сделала для этого все.

— Когда мне было восемнадцать... — он замолчал, его взгляд переместился в другое место, как будто какая-то часть его пыталась все еще игнорировать её. Однако эта часть, похоже, сдалась, когда он продолжил. — Когда мне было восемнадцать... я был просто сопляком на испытательном сроке... я нашел женщину, плавающую лицом вниз в океане. Я выловил её и сделал искусственное дыхание. Когда она открыла глаза, я понял, что это была вовсе не женщина, а девочка... она была всего лишь одета как женщина. Девочка... с телом женщины. Девушка со следами крови на своем платье. Девушка, чьи глаза говорили мне, что лучше бы я оставил её умирать.

Веда не понимала, что все это время задерживала дыхание, пока резко не втянула воздух.

— Ей было, вероятно, лет шестнадцать. Она была чертовски молода... это потрясло меня. Она сбежала, прежде чем я смог что-то сказать, но я никогда не забуду её взгляд... кровь на платье... К тому времени, как мне пришлось в голову пойти за ней, она уже исчезла. Исчезла за черными скалами, — Линк облизнул свои губы. — Поэтому я и выбрал спецотдел полиции по работе с жертвами насилия. Не принуждать женщин или давить на них, или

заставлять их делать то, чего они не хотят... а помогать им дышать. Если я не могу сделать что-то еще, по крайней мере, я помогу им дышать.

Веда облизнула губы, её взгляд упал на него.

— Понятно? — он поднял брови, молча спрашивая, есть ли у нее еще какие-то вопросы. Когда девушка их не задала, Линк вернулся к своей груше, ударяя по ней еще сильнее, достаточно сильно, чтобы вызвать стон при каждом ударе.

Веда выпалила следующие слова, прежде чем смогла себя остановить.

— Что случилось с твоей женой?

Она увидела, как у него заходили желваки, и поняла, что зашла слишком далеко. Линк перестал бить тяжелый мешок, хватая его, когда он качнулся обратно к нему.

Удержав его, детектив снова посмотрел на нее краем глаза. Зеленые глаза полыхали огнем.

— Я не знаю.

Его голос стал низким и хриплым.

— Почему бы тебе не спросить у своего парня?

Веда ахнула. Она не знала, чего ожидать, но уж точно не этого.

Линк прошел мимо нее, но в последний момент она схватила его за руку, остановив, когда он собирался сделать еще один шаг. Его бицепс на ощупь был словно камень, таким твердым, что, несомненно, она могла оторвать свои ноги от пола и качаться на нем как на лиане.

Детектив замер, но не повернулся, а просто посмотрел через свое плечо и встретился с ней взглядом.

— Он не мой парень, — прошептала она, услышав дрожь в своем голосе, когда поняла, что это не имело значения. Что на самом деле имело значение — это то, что он имел в виду, когда сказал все это. То, от чего её желудок сжался.

— И что это значит?

Казалось, они вдруг очутились в машине времени, когда уголок его губ приподнялся. Веда увидела тот самый момент, когда он сделал десять шагов назад.

Линк молча смотрел на нее, позволяя тишине заполнить комнату. Затем опустил свой взгляд на её пальцы, такие маленькие по сравнению с его бицепсом, которые до сих пор сжимали его.

Казалось, в его глазах плескался огонь, который будто обжигал её, поэтому Веда мгновенно отдернула руку, отпуская его.

Освободившись, детектив быстро пересек комнату и, не говоря ни слова, схватил свою спортивную сумку в углу, перед тем как дернуть и открыть дверь в тренажерный зал.

И в этот момент сердце Веды подскочило к горлу.

Гейдж вздохнул и вошел в свой дом с сумкой на плече. Становилось все тяжелее находиться вдали от Веды хотя бы несколько часов. Было все труднее входить в роскошное фойе коттеджа, в котором мужчина жил с не той женщиной. Было тяжело лежать в кровати, которую он ни разу не делил с Ведой, хотя свою она делила с ним в течение нескольких месяцев.

Каблуки туфель стучали по деревянному полу, пока Гейдж шел к лестнице. Хрустальная люстра сияла над головой, и от её света его кожаные туфли заблестели.

— Дорогой...

Он остановился, уже шагнув одной ногой на первую ступеньку, поворачиваясь на голос своей матери, который узнал бы где угодно. Гейдж нашел её в столовой, она как обычно сидела в мягком вольтеровском кресле, выпрямив спину. Приталенное черное платье, которое облегалo все её изгибы, оттеняло бледную кожу, от чего та казалась прозрачной. Селеста почти сливалась с белым креслом, на котором сидела.

Она по-прежнему улыбалась своими красными губами, но, когда их глаза встретились, её улыбка стала теплее. Более легкой. Настоящей.

Гейдж подошел к ней, бросив сумку посередине фойе.

— Мама.

Как только он подошел к ней, Селеста встала и поприветствовала его, крепко сжимая его руки, сильнее, чем обычно, и целуя в обе щеки.

Она позволила своему взгляду пробежаться по сыну, ища какие-то изъяны, которые смогла бы обнаружить только мать. Когда Селеста решила, что все в порядке, её взгляд метнулся через его плечо.

Гейдж проследил за её взглядом, увидев позади себя сумку, которую он бросил в фойе, и снова посмотрел на маму.

— Как долго ты сидишь здесь и ждешь меня?

Её улыбка стала не такой теплой и искренней.

— Да всего лишь последние пять дней, дорогой.

Гейдж побледнел.

— Пять дней?

— В течение пяти дней я сидела в этой столовой, ожидая увидеть знакомое лицо в доме моего сына и моей будущей невестки. Увидеть хоть кого-нибудь на самом деле. Пять дней... — она пожала плечами. — И ничего.

Гейдж тяжело сглотнул комок в горле. Он увидел, что мама заметила это.

— Я бросаю её, мама.

Она закрыла глаза. Селеста сильнее сжала его руки, не причиняя при этом боли, ведь женщина была недостаточно сильной, чтобы причинить мужчине физический вред, даже если бы захотела.

Селеста глубоко вздохнула. Её улыбка потеряла теплоту, которая была ранее, и превратилась в ту самую холодную усмешку, которую она всегда дарила отцу с того дня, как родился Гейдж.

— Ты живешь, чтобы мучить меня, — она опустила глаза.

Гейдж поднял голову.

— Может быть, для вас с отцом это было легко, но я не могу жениться на женщине, которую не люблю. Это не то, чего я хочу в своей жизни.

— Семейный бизнес...

— Мне все равно.

— Твой отец...

— Мне все равно, мама. Меня не волнует все это. Я не желаю продавать свою душу, надеясь, что хоть что-нибудь получу в ответ, получать какие-то маленькие обрывки его фальшивой любви и ждать, когда он соизволит вознаградить меня ею. Если он не хочет, чтобы я руководил бизнесом полностью, не продавая при этом свою душу, тогда я не хочу руководить этим делом. Если он не хочет, чтобы я был частью круизного бизнеса, то я не буду. Если отец не любит меня, то пошел он к черту.

— Дорогой, отец любит тебя. Очень. Ты должен понять...

— Я все прекрасно понимаю...

— Сейчас я говорю, — её голос повысился, а глаза стали стальными.

Когда Селеста потянулась руками к нему и сжала его щеки, Гейдж закрыл глаза.

— Мы позволили тебе думать, что у тебя есть выбор, дорогой, — её слова стали жестче. — Но у тебя нет выбора.

Гейдж открыл глаза и посмотрел на мать.

— Я бросаю её.

— Твой отец скорее умрет, чем позволит тебе разрушить его планы.

Воздух покинул легкие Гейджа.

— Он даже предпочел бы увидеть, как умрешь ты, — Селеста сильнее сжала его щеки, встряхнув. — И я скорее умру, чем позволю тебе пустить свою жизнь на самотек, — её глаза наполнились слезами, и она судорожно втянула воздух. — Ты — мое солнце, моя луна, мои звезды, — Селеста убрала свои дрожащие руки от его челюсти, и прикоснулась к галстуку, на шее Гейджа, тяжело сглотнув. — А теперь мы притворимся, что этого разговора не было.

Гейдж подождал, пока высохнут слезы в её глазах.

— Я бросаю её.

Руки Селесты безвольно упали, и она проскользнула мимо него. Её высокие каблуки застучали по полу, когда она прошла в фойе. Женщина встала к нему спиной, держа одну руку на бедре, а другую — прижав к губам.

— Женщина из бара, — она повернулась на каблуках, — Та, которая заявила без приглашения?

Гейдж удержал её взгляд, но его сердце забилося быстрее.

— Всю свою жизнь я наблюдал за тобой и отцом, как вы едва выносили друг друга. Вы ненавидите друг друга. Всю свою жизнь я считал, что настоящей любви не бывает. Я верил, что её не существует, потому что доказательство этого было рядом со мной. Под одной крышей. Доказательство этого смотрело мне в глаза каждый день. Это доказательство кормило меня, одевало и лелеяло. Я думал, что любовь — это сказка для глупых. Думал, что я сам не способен на это.

Селеста подошла к нему, положив руку на сердце.

— Ты должен был прийти с этим ко мне.

— И что сказать? — Гейдж старался говорить ровным тоном. — Что я отчаянно и безумно влюблен? — он мягко улыбнулся. — Нет уж.

В глазах Селесты читалась уязвимость.

— Я знал, что ты не поймешь меня, — он приблизился к ней. — Да и как бы ты смогла?

Селеста вздрогнула, будто он ударил её.

— Может, тебе стоит поговорить с Тоддом... о женщине, которую ты якобы любишь.

Гейдж почувствовал, как замерло его сердце, и стиснул зубы, чтобы не выдать свои эмоции. Но, тем не менее, его щека дрогнула, и Гейдж понял, что мама тоже это заметила.

И потому медленно растущая улыбка на лице Селесты стала еще шире.

— Возможно, тебе стоит поговорить с Тоддом о женщине, из-за которой ты собираешься погубить свою жизнь, прежде чем ты на самом деле совершишь непоправимую ошибку.

Слова матери потрясли его настолько, что это заставило его отойти от нее.

Гейдж нахмурился.

Селеста наклонила голову.

— Даже после того, как ты схватил его за горло на глазах у всех, — она фыркнула, — Тодду все же хватило благородства, чтобы прийти ко мне и сказать, что ты был одурачен, ослеплен и обманут этой коварной женщиной.

— Коварной? Мама, прекрати, — он хотел прикусить свой язык, но не смог. — Ты ничего о ней не знаешь.

— Я знаю, что Тодд каждые выходные видит, как она флиртует с Линкольном Хиллом в тренажерном зале в центре города.

Гейдж почувствовал, как кровь застыла в его жилах.

Казалось, будто Селеста схватила его за вены и уловила именно тот момент, когда кровь в его венах отказывалась циркулировать.

— Женщина, которую видел Тодд, вчера держалась за руки с Линкольном Хилом, — Селеста направилась к нему крошечными шагами и, кроме еле-еле слышимого дыхания Гейджа, стук её каблуков был единственным звуком, который отражался от сводчатого потолка. — Линкольн Хилл — это человек, который вот уже пять лет пытается уничтожить твою семью. И ты хочешь разрушить свою жизнь ради женщины, которая посмела посмотреть в его сторону?

— Он лжет, — проворчал Гейдж. — У него проблемы с Ведой.

— Веда.

Он запнулся. Гейдж не знал почему, но он возненавидел тот факт, что теперь его мать знала имя Веды. Он знал, что когда-нибудь Селеста узнает её имя, но не ожидал, что все всплывет во время подобного разговора.

— Тодд мстит Веде за то, что она не боится упрекать его в сексизме и неуважительном поведении. Ты знаешь, как он боится сильных женщин, а она самая сильная из всех, кого я знаю.

Селеста засмеялась.

Гейдж почувствовал, как ярость пронзила его тело. Это был один из редких случаев, когда её радость не была фальшивой.

— Но ты должен быть уверен, дорогой сын, — её голос понизился до снисходительного мурлыканья, — что эта женщина готова принести такие же жертвы для тебя, что и ты для неё. Или ты попадешь в мир боли, который даже представить себе не можешь.

Селеста взглянула на него краем глаз. После чего, с хриплым смешком, повернулась и направилась к выходу.

Она вышла, закрыв за собой дверь, а Гейдж все смотрел ей вслед, но не смог сдержаться и зажмурился.

Мир вокруг него внезапно закружился, и он схватился за стул, стоящий рядом с ним, пытаясь побороть дыру, образовавшуюся в груди. Его мать всегда говорила осторожно, точно подбирая слова, но в этот раз он не мог понять её неопределённых слов, и хотел разобраться, что было правдой, а что манипуляцией.

Но одно Гейдж знал точно.

Он сказал Веде, что любит её.

Мужчина говорил, что любит её каждую ночь, пока они занимались любовью. Каждую ночь его сердце сжималось все больше, нуждаясь в том, чтобы она ответила на чувства Гейджа. Его сердце сжималось все сильнее. Его бедра вдавливались в неё еще жестче. Он пытался показать ей своим членом, как сильно это чувство овладело им.

Гейдж умолял её своим наполненным любовью взглядом, чтобы девушка ответила ему взаимностью, надеясь, что, заставив её кончить второй, третий и четвертый раз, Веда, наконец, опустит свои стены и заветные слова слетят с её губ.

Но она не сказала.

Гейдж выдохнул весь воздух из своих дрожащих легких.

Хотя его мать во многих отношениях была хладнокровной, она, конечно же, не была глупой, и Гейдж не мог не прислушаться к её словам.

«Была ли она права? Действительно ли он разрушает свою жизнь из-за женщины, которая никогда не полюбит его?»

«Стоит ли рисковать всем ради женщины, которая в итоге может разбить ему сердце?»

Ответ мгновенно пронесся у него в голове.

Он не знал, любила ли его Веда.

Но Гейдж решил, что не сможет жениться на Скарлетт, пока не убедится, что Веда не испытывала ответных чувств.

Пока Веда шла по коридору больницы, чтобы встретиться со своим следующим пациентом, она закрыла глаза и попыталась перестать думать о Линкольне Хилле.

— Почему ты не спросишь своего парня?

Она вздохнула, когда эти слова пронеслись в её голове. Конечно, Веда спросила Линка о его пропавшей жене, что, конечно же, было не её собачьим делом, но чтобы ошарашить девушку таким ответом? Веда знала, что Линк поймал её с поличным в ординаторской с Гейджем, поэтому, когда детектив использовал слово «парень», он не мог подразумевать кого-то еще.

«Но почему Гейдж должен что-то знать о пропавшей жене Линка?»

Веда выругалась себе под нос. Не только потому, что ей нужно было больше ответов от человека, с которым тяжело разговаривать, но и потому, что была такой идиоткой.

Она идиотка, потому что позволила нескольким словам любви сбить её с намеченного пути, которому она безоговорочно следовала все это время. Думала, что Гейдж мог отличаться от любого другого мужчины, ведь его ангельски-демонический член заставлял замолчать безумие в голове девушки всякий раз, когда входил в неё. Веда даже хотела сказать, что тоже любит его.

Она повелась как идиотка, потому что Гейдж дал ей возможность заглянуть в мир, который, по её мнению, для неё уже не существовал.

Возмездие было единственной движущей силой, чтобы убить Тодда. Око за око. Убить человека, который, не задумываясь, разорвал часть её души.

Теперь Веда знала, что эта её часть все еще жива и здорова.

Может ли она на самом деле лишиться Тодда жизни?

Сейчас на этот вопрос сложнее ответить, чем когда-либо прежде, поэтому, встретившись взглядом с самим «героем дня», Веда застыла посреди оживленного коридора больницы, заставляя работников обходить её.

Тодд стоял в дверях ординаторской.

И улыбался ей.

— О, смотрите-ка, — Тодд поднял брови. — Это та сумасшедшая женщина.

Веда закатила глаза. Он был таким убогим. Она поежилась от отвращения и скривила губы.

— Что ты делаешь в нашей ординаторской?

Тодд позволил двери позади него закрыться и, проходя мимо неё, вытянул шею, чтобы смотреть ей в глаза.

— Почему ты такая сумасшедшая?

— А почему ты такой...? — Веда попыталась придумать какое-нибудь ужасное слово, но быстро колотившееся сердце мешало ей думать. — Такой уродливый?

Это был жалкий ответ, но когда он отмахнулся от нее, отворачиваясь со смехом, она поняла, что это было, напротив, замечательно.

Тодд был уродлив. Внутри и снаружи. А уродливые люди всегда получали по заслугам. Даже если это случится не от её руки, Веда знала, что однажды Тодд Локвуд заплатит. Она могла только молиться о том, чтобы при наступлении этого дня, боги проявили милосердие и позволили ей увидеть это своими глазами.

Веда подошла к двери ординаторской, распахнула её и удивилась, увидев Коко.

— Привет, — непринужденная улыбка расцвела на лице Веды, и она поняла, что не только Гейдж напомнил ей о том, что в её сердце все еще был свет.

Коко посмотрела через плечо Веды.

И улыбка Веды исчезла, а сердце упало к ногам. Во-первых, по щекам Коко потекли слезы, от чего сердце девушки сжалось. А затем и дрожь её губ заставила сердце Веды разбиться на кусочки, которые невозможно собрать воедино. Неприкрытый ужас в широко открытых глазах Коко превратил эти кусочки сердца в жидкость, к которым нельзя прикоснуться, не говоря уже о том, чтобы собрать их вместе.

Веда с отвращением посмотрела через плечо в коридор, но Тодд уже ушел. И все же, повернувшись обратно к Коко... Веда уже знала.

Она просто знала.

— Что, черт возьми, он тебе сделал? — Веда вошла в ординаторскую и закрыла дверь на замок.

Коко вытерла слезы со своего лица, стоя спиной к Веде, пока дергала вниз длинные рукава своей рубашки.

— Я в полном порядке, — сказала Коко, её голос был хриплым, нетвердым и таким тихим, что практически не нарушал тишину комнаты.

Веда пробежалась взглядом по телу Коко. Штаны от её формы и рубашка были вывернуты наизнанку, а складки на одежде были неровными, как, если бы она очень спешила надеть их обратно.

В мгновение ока Веда пересекла комнату и схватила Коко за запястье, её пальцы пробежались под рукавом рубашки Коко, чтобы почувствовать кожу.

— Я видела, как уходил Тодд... — голос Веды затих, когда она почувствовала что-то на запястье подруги. Прежде, чем она смогла остановить себя, девушка задрала рукав рубашки Коко до самого локтя.

При виде руки девушки Веда тихо ахнула.

Их было несколько десятков, некоторые глубже, некоторые более рельефные, и все они разбросаны по запястью Коко.

У Веды на глаза навернулись слезы, когда у нее в голове пронеслись все возможные объяснения увиденного, пока она проводила кончиком пальца по шрамам Коко. Нож. Возможно, бритва. Она нашла особенно зазубренный шрам и нахмурилась. Ножницы.

— О, Коко, — Веда крепко держала запястье, подняв на Коко глаза полные слез.

Коко вырвала свою руку, натягивая рукава на запястья вплоть до самых ногтей, опустила глаза и расправила плечи...

— Я больше не занимаюсь этим...

Веда ждала, когда девушка продолжит, но поняв, что Коко не собирается больше ничего говорить, схватила её за плечи и заставила посмотреть себе в глаза. После чего Веда притянула Коко к себе и обняла так крепко, что её кости сразу начали ныть. Но она не смогла ослабить объятия.

В тот момент, когда Веда обняла её, Коко тихонько всхлипнула на плече подруги, обвивая руки вокруг её талии и обнимая в ответ.

Веда закрыла глаза, не веря, что она не догадалась обо всем раньше. Она крепко обнимала Коко в течение нескольких минут, пока её рыдания не затихли.

Веда отстранилась, все еще удерживая взгляд Коко. Она позволила своим рукам упасть,

после чего повернулась и потянула за пояс своих штанов вниз. Настолько, чтобы Коко смогла увидеть три шрама на её бедре.

Коко взглянула на них и посмотрела на В еду широко открытыми глазами.

— Когда мне было восемнадцать... — Веда услышала в своем голосе уязвимость, — я была девочкой, но выглядела как женщина. Я пришла на вечеринку в мини платье, и только потому, что мое платье было коротким, десять монстров решили, что я заслуживаю того, чтобы мою невинность отобрали.

Зубы Коко стучали, когда она старалась бороться со слезами.

Веда поправила штаны и повернулась к ней.

— Я не знаю, почему ты делаешь это с собой... но, если тебе когда-нибудь захочется поговорить об этом, знай, ты всегда можешь поговорить со мной. Всегда. Я никогда никому не расскажу твой секрет, я никогда не скажу, что твои чувства не имеют значения, и никогда не стану тебя судить.

Коко обняла её за плечи, всхлипывая и опустив глаза.

Веда сделала глубокий вдох.

— Ты не должна мне ничего рассказывать, если не хочешь. Хочешь, чтобы я просто посидела с тобой некоторое время? Просто... пообщаться?

— Мне было восемь... — прошептала Коко, её наполненные слезами глаза были прикованы к полу. — Мне было восемь, когда он пришел в мою комнату в первый раз.

Веда почувствовала, как от страха все её тело начало дрожать. Она сразу же догадалась, кого Коко имела в виду.

Слезы из глаз Коко полились ручьем, и начали падать на пол.

— Он говорит, что я это заслужила...

Веда пересекла комнату и снова обняла Коко еще до того, как та смогла закончить, кровь в её жилах застыла, и теперь слезы жгли глаза, но не от боли, а от ярости.

Она вцепилась пальцами в форму Коко и проговорила сквозь стиснутые зубы.

— Мы должны пойти в полицию.

— Нет, — прошептала Коко.

Веда еще крепче обняла её, сдерживая проклятья, которые хотели сорваться с её губ.

— По крайней мере, позволь мне проводить тебя вниз по коридору, чтобы мы могли сделать ана...

— Нет! — Коко сцепила руки вокруг талии Веды, как будто этого было бы достаточно, чтобы остановить подругу от исполнения угроз.

— Коко, мы должны что-то сделать. Мы не можем спустить ему это с рук.

— Пожалуйста, не рассказывай ничего, — умоляла Коко, и, когда молчание затянулось, она тоже вцепилась пальцами в форму Веды, а её голос начал становиться все выше и выше. — Локвуды... Блэкуотеры... Они опасны. Они причиняют людям боль.

— Ладно, ладно... — Веда утешала её, ожидая, когда она полностью успокоится, прежде чем пообещала. — Я никогда никому не расскажу.

Только после этого Коко расслабилась, и пока она тихонько всхлипывала у нее на плече, Веда поняла, что, наконец, нашла себя.

Она нашла ту В еду, которая пропала на два долгих месяца.

Она нашла ту В еду, которая вернулась в Тенистую Скалу с одной целью и только с одной.

Она нашла себя снова, и на этот раз обратного пути не будет. Больше никаких ошибок.

Не будет больше богатенького мальчика, который будет сбивать её с толку.

В этот раз не будет никаких исключений.

Тодд Локвуд должен умереть.

И он должен умереть сегодня.

Веда еще никогда не была так рада позднему пациенту. Её последняя пациентка на сегодня. Обычно она проклинала их за то, что операция длилась долго, и ей приходилось уходить с работы позже, чем девушка планировала.

Но не в этот день.

В этот день Веда поблагодарила небеса за такого пациента.

В этот день ей нужно было остаться в смотровой одной. Врачей и медсестер не будет еще полчаса, что станет достаточным для Веды, чтобы подготовить пациента, который уже позвонил им и предупредил, что опаздывал на двадцать минут.

Как Веда могла отрицать правильность своей цели, когда кармические боги делали все возможное, чтобы она добилась в этом успеха? Было ли случайным совпадением то, что в тот день из-за слез Коко, Веда снова вернулась к своей цели и оказалась одна с этим шприцем в руке?

П рищурившись и перекатив кисло-яблочный леденец под язык, она поднесла шприц к ярким лампам смотровой и покрутила в своих пальцах. Прозрачная жидкость внутри шприца была похожа на воду.

Тиопентал натрия. Быстродействующий анестетик, который погружал её пациентов в искусственный сон менее чем за минуту. Быстродействующее анестезирующее средство, которое когда-то было основным компонентом коктейля, используемого для остановки сердца заключенных-смертников. Анестетик, который мог одновременно расслабить и убить, в зависимости от пожеланий человека, ставившего укол.

А сегодня у Веды Вандайк только одно желание.

Одна цель.

Одна обязанность.

Когда она положила шприц на расположенный рядом поднос, вытащила пустой пузырек из кармана, то подумала о Коко. Слезы в глазах Коко. Шрамы на запястьях Коко. Страх в её голосе.

— Локвуды... Блэкуотеры... Они опасны. Они причиняют людям боль.

Веда открыла пустой пузырек. Р уки Веды задрожали, когда голос Линка заглушил слова Коко в её голове.

— Почему бы тебе не спросить у своего парня?

У нее перехватило дыхание. Взяв шприц, она направила кончик иглы, которая подрагивала в её потной ладошке, в пузырек. Она смутно осознавала, что если её поймут, то могут арестовать. Если её поймут, то уволят. Её карьера закончится в мгновение ока, если сейчас кто-то войдет в эту комнату. Но надавив на поршень шприца, и выливая тиопентал в пустой флакон, она знала, что не сможет уснуть, пока кое-кто не заплатит.

Как только жидкости в пузырьке стало достаточно, чтобы усыпить детеныша носорога, Веда вернула шприц на поднос и, накрутив колпачок на флакон, положила обратно в карман.

Она встала и взяла со стола шприц, бросая его на пол.

Подняв свою ногу в воздух, она глубоко вздохнула и опустила ногу на пол, резко выдохнув, когда шприц разбился под её весом. То небольшое, что осталось от вещества,

попало на кончик её кроссовка и разбрызгалось по всему полу.

С ердце Веды подскочило к горлу, она поспешила к телефону в углу комнаты, набрав номер, который выучила наизусть за то короткое время, что работала в этой больнице.

Мужчина на другом конце провода ответил после первого гудка.

— Аптека.

— Да, Джейк... — Веда провела рукой по своим волосам, пытаясь контролировать дрожь, которая слышалась в её речи, и, надеясь, что леденец поможет заглушить звук её голоса. — Я уронила шприц с тиопенталом натрия и случайно наступила на него, пока искала.

— Чертова растяпа.

Веда выдохнула, когда услышала дразнящий тон его голоса.

— Я знаю. Могу я зайти и взять еще 300 мг дополнительно?

— Конечно, но ты же знаешь, мы должны будем это зарегистрировать.

Веда сглотнула.

— Я знаю. Это моя ошибка, поэтому... я просто разберусь с последствиями позже.

— Пять минут, растяпа.

— Спасибо, Джейк, — Веда повесила трубку и тяжело опустилась на колени, чтобы успокоить свое дыхание. Её сердцебиение было частым, словно она пробежала милью.

Веда вышла из операционной и сняла голубую хирургическую шапочку. Её пациент открыл глаза после удачной операции, но та продлилась на целый час дольше, чем ожидалось. Это напугало В еду до смерти, потому что она была близка к тому, чтобы столкнуться с неизбежным.

Однажды наступит тот день, когда один из её пациентов не проснется.

О т этой мысли в жилах застыла кровь, и она заставила себя не думать об этом.

Ей нужно было сосредоточиться.

Ближе к ночи в коридорах больницы Блэкуотер стало тише. Солнце село, остались только несколько служащих из ночной смены, которые время от времени проходили по коридорам. Даже работая в модернизированной больнице со всеми новыми ультрасовременными технологиями, Веда все равно чувствовала, будто она в фильме ужасов, когда оказывалась в больнице поздно ночью. Как будто призраки и духи пациентов, которые не проснулись, сидели в каждом углу и ждали, чтобы...

Она вскрикнула, когда почувствовала чью-то руку на своем предплечье, и этот визг превратился в ужасный крик, когда её с силой потянули, роняя на бок.

Веда уже была уверена, что упадет, но чья-то рука обхватила её за талию, поддерживая.

Её сердце бешено колотилось, она вышла на пустой лестничный пролет, посмотрев в окно, которое было во всю стену и открывало отличный вид на парковку.

Веда услышала, как на лестничной клетке закрылась дверь. Сделав первый вздох, девушка почувствовала запах пряного, земляного запаха. Она повернулась на каблуках и мгновенно уперлась кулаками в грудь человека, которого как она знала, увидит позади себя.

— Ты. До смерти. Меня. Напугал, — сказала Веда, повышая голос с каждым произнесенным словом, пока Гейдж крепко не схватил её за запястья и не прижал к стене сзади.

О н уперся руками в стену по обе стороны от её головы, пока лунный свет пробивался через окно, отчего его глаза отливали медным цветом.

Веда почувствовала, что начала терять над собой контроль от его близости, как это всегда происходило. Она была уверена, что избавится от «зуда», которым сейчас было охвачено её тело, как и в первую ночь, когда они трахались. «Зуд», который всегда сопровождал её в течение этих двух, почти трех долгих месяцев. «Зуд», который Гейдж чудесным образом до сих пор вызывал в ней, даже после всего дерьма, которое обрушилось на девушку за последние два дня.

— Почему ты не спросишь у своего парня?

Веда нашла мужчину взглядом и тяжело сглотнула, не увидев морщинок в уголках его глаз, которые всегда появлялись во время улыбки. Этих морщинок не было, потому что Гейдж не улыбался.

Он смотрел на нее так, как никогда прежде.

У нее не было времени, чтобы разобраться в своих ощущениях от его взгляда, но Веда точно знала, что ничего подобного раньше не испытывала.

— Я не могу сделать это сейчас, Гейдж, — Веда попыталась проскользнуть под его рукой, но он опустил свои руки ниже по стене, блокируя путь и прижимаясь ближе. — Ты не должен быть здесь сегодня, — обвинила она, — сегодня у тебя выходной.

Гейдж облизнул губы, и его глаза загорелись.

— Почему ты держалась за руки с Линкольном Хиллом в спортзале?

Пойманная врасплох, Веда несколько раз моргнула, чтобы собраться с мыслями.

— Что?

— Почему каждые выходные ты занимаешься боксом вместе с Линкольном Хиллом?

— Ты теперь следишь за мной?

Он пожал плечами и попытался улыбнуться, но вместо этого нахмурился.

— Неужели это все для тебя просто... — Гейдж нахмурился еще больше, — просто большая чертова интрижка?

Её сердце заколотилось.

— Линкольн и я — просто друзья, — Веда услышала дрожь в своем голосе и попыталась взять себя в руки, но продолжив, поняла, что её голос задрожал еще сильнее. — Хотя я даже сомневаюсь, что нас можно назвать друзьями. Линк едва разговаривает со мной. И я не держала его за руку, — почему она отчитывалась перед ним? — Он увидел, что я держала кулаки неправильно, и был достаточно любезен, чтобы помочь мне прежде, чем я сломаю свои большие пальцы.

— Я хочу, чтобы ты перестала видеться с ним.

Веда почувствовала, как её глаза расширились, словно блюдца.

— Ты шутишь.

— Нет.

— Я не знаю, что ты думаешь об этом, Гейдж, — чувствуя, как его обвиняющий взгляд прожигал её, Веда ощутила вспышки пламени в своем собственном теле. И она была уверена, что это отразилось на лице. — Но это не твое дело, с кем я дружу, а с кем нет.

— Не мое дело?

— Нет, не твое.

На челюсти Гейджа дрогнул мускул.

— Это не мое дело, Веда?

Девушка вздрогнула, когда голос Коко в её голове стал громче.

— Локвуды... Блэкуотеры... они опасны. Они причиняют людям боль.

Веда попыталась отступить, но поняла, что и так уже прижималась к стене. В попытке убежать она поднялась на цыпочки и задержала дыхание. Но Гейдж не позволил сделать даже шага, прижавшись к ней так близко, что Веда могла увидеть черные вкрапления в его глазах, где зрачки сливались с радужкой.

— Два дня назад ты сказала мне, чтобы я не женился на Скарлетт. И теперь ты говоришь, что это не мое дело?

— Ты расстался с ней?

Гейдж вздрогнул, и стало ясно, что правильный ответ был тот, который мужчина не спешил произносить.

— Я пришел домой, чтобы покончить с этим. Скарлетт не было дома. И, в конце концов, я встретился лицом к лицу со своей матерью. Защищал нас. Защищал тебя.

— Но ты не расстался со Скарлетт.

— Как я сказал, Веда, её не было дома.

— Ведь мы же не живем в век сотовых телефонов, интернета и социальных сетей.

— Прекрасно, ты сменила тему. Блестяще. Просто замечательно. Но это не работает.

— Я не меняю тему разговора, — Веда сглотнула, опуская глаза. — Я ошиблась, когда сказала тебе не жениться на Скарлетт, и тот факт, что ты еще не расторг помолвку... ну, это доказывает, что ты тоже согласен с тем, что это ошибка. Ты явно не готов идти против своих родителей, ты и не должен.

— Это утверждение слишком далеко от истины.

— Мы всегда были честны друг с другом в отношении того, что происходило между нами. Когда той ночью мы занимались любовью, это было что-то... более глубокое... более душевное, чем то, к чему мы обычно привыкли. И из-за этого мы запутались в наших чувствах...

— Я не запутался.

Веда заколебалась.

— Гейдж, то, что происходит между нами, это временно. Мы делаем это для того, чтобы избавиться от «зуда». Когда я сказала тебе не жениться на Скарлетт, то у меня было кратковременное помутнение рассудка, просто отказал здравый смысл, — она повернула свою голову, чтобы взглянуть на его руку, лежащую на стене, и увидела, что Гейдж сжал её в кулак.

— Что Линк сказал тебе? — спросил Гейдж сквозь стиснутые зубы.

Краем глаза Веда посмотрела на него. Она думала солгать ему, но слова слетели с губ прежде, чем она смогла себя остановить.

— Он сказал, что я должна спросить тебя о его пропавшей жене, — Веда не понимала, как сильно эти слова съедали её изнутри, пока не дошла до момента, когда произнесла их, и её глаза наполнились слезами. Веда не хотела, чтобы Гейдж был тем человеком, в которого его превратили слова Линкольна и Коко.

Она хотела, чтобы он был другим.

В первый раз с того момента, как Гейдж затащил её на эту лестницу, он уронил свою голову.

Веда перевела взгляд на его руки, наблюдая, как он провел ногтями по бетонной стене. Как только он поднял голову, девушка снова посмотрела на него и увидела, что гнев в его глазах перерос в отчаяние.

Гейдж говорил спокойным голосом, но ему явно было трудно контролировать себя, а

голос мужчины дрожал от отчаяния, которое никуда не исчезло.

— Линкольн Хилл застрял в фантастическом мире, который выдумал в своей голове. Он верит, что, если его жена исчезла во время одного из кризисов моего отца, то он имеет к этому какое-либо отношение. Он пытался арестовать моего отца в течение многих лет, но у него не получилось, так как мой отец не сделал ничего плохого.

— Ордер, на который я рассчитывал, сорвался. Богатый мудака, за которым я охотился, нашел еще одну лазейку.

Веда снова услышала слова Линкольна в своей голове и не могла поверить в это, её сердцебиение замедлилось. Неужели Гейдж мог так сильно повлиять на неё? Неужели она была готова проглотить любую чушь, сказанную им, даже если это означало, что он сможет забрать её жизнь? Её дух? Её сердце?

Взгляд Веды упал на его губы. Она хотела остановить его, но не могла.

Гейдж убрал одну руку со стены и обхватил её щеку.

— Веда, я люблю тебя. Пожалуйста, не позволяй другим людям морочить тебе голову и разрушать то, что у нас есть. Особенно человеку, который хочет отомстить моей семье. Человеку, который был бы рад тому, что мы расстались.

— Линку все равно, вместе мы или нет.

— Я вижу, как он смотрит на тебя, — гнев заполнил глаза Гейджа. — Всякий раз, когда приходит в больницу.

Веда нахмурила брови.

— Как он смотрит на меня? С негодованием? С сильным раздражением? На грани отвращения?

Он нашел её глаза, и его голос стал ниже.

— Я вижу, как он смотрит на тебя.

Веда была ошеломлена.

— Гейдж, все полностью... — она тяжело сглотнула, и голос стал слабее. — Все это полностью вышло из-под контроля. Между нами лишь секс.

Его голос стал громче.

— Это не просто секс.

Веда прижалась спиной к стене.

— Это просто секс. И даже если бы это было не так, то ты бы все равно не имел права запрещать мне разговаривать с Линком. Ты бы все равно не имел права говорить мне, что делать с моим собственным телом.

— Хочешь ты этого или нет, Веда, но я люблю тебя.

Она открыла рот, чтобы возразить, но так и не смогла ничего сказать. Веда нахмурилась.

— Я безумно влюблен в тебя, — Гейдж сжал её бедра растопыренными пальцами, и в его сдавленном голосе послышалась та же уязвимость, что прибывала в глазах мужчины. — И это мои бедра, — его жадные пальцы путешествовали по телу сзади, обхватывая её. — Это моя задница.

А затем его руки поднялись выше и начали кружить по груди девушки.

— Это моя грудь, — руки Гейджа поднялись выше к её лицу, прикасаясь подушечками пальцев к губам. — Это моя нижняя губа. И верхняя. Мой нос. Мои глаза, — он зарылся рукой в её волосы. — Это мои локоны, — Гейдж запутался в них пальцами и притянул к себе.

Веда старалась бороться со своим сердцем, которое говорило «да», когда он наклонился ближе. Она старалась прислушаться к своему разуму, который кричал «нет». Девушка пыталась сопротивляться тому, чтобы не встать на носочки, и не прижаться своей грудью к его, чтобы не обхватить пальцами челюсть мужчины. Веда вонзила свои «леопардовые» ногти в его щеки, и даже сказав себе, что должна оттолкнуть, притянула к себе, после чего их губы встретились.

Они оба ахнули, и их поцелуй сразу же стал страстным. Веда обвила руками его шею, и они наклонили головы, позволяя своим языкам, переплестись друг с другом.

Пара продолжала обниматься до тех пор, пока страстные звуки их поцелуя не заполнили лестничный пролет, эхом отражаясь от стен.

Её киска сжалась еще сильнее, когда Гейдж разорвал шнурок на поясе штанов её медицинской формы. Девушке стоило огромных усилий, чтобы схватить его за плечи и оттолкнуть.

— Нет.

Гейдж снова вернулся к предыдущей теме.

— Я разорву помолвку сегодня, даже если это перевернет мою жизнь с ног на голову, — он обхватил её челюсть руками, прижимаясь своим лбом к её с отчаянием в глазах. — Я покончу с этим сегодня, Веда. Но мне нужно знать... нужно знать...

Веда знала, что Гейдж не мог этого произнести. Она знала, что ему нужно. И она знала, что не сможет дать ему этого.

Пузырек, лежавший в кармане её штанов, стал весить целую тонну, когда Веда вспомнила, что предстоит сделать сегодня. То, что она собиралась сделать, пока Гейдж не вытащил её на этот лестничный пролет и не затуманил разум.

Теперь она поняла, что не могла дать ему шанс.

Веда не могла позволить ему целовать себя, прикасаться и даже разговаривать.

Она не могла позволить Гейджу быть так близко, потому что не доверяла своему собственному телу.

Веда попыталась произнести то, что должна была сказать, но слова застряли в её горле словно яд, который мог попасть на её язык и мгновенно убить. Девушка попыталась несколько раз, и наконец-то ей удалось прохрипеть.

— Вот почему у нас были ограничения. Мы никогда не ругались вот так, пока были какие-то рамки, не так ли? Поэтому нам нужно избегать нарушения границ. Но ты настоял на... — она смяла его рубашку в своих кулаках, увидев ужас, который наполнил его глаза. — Пора с этим покончить, — вздохнув, она наклонилась, пролезла под его рукой и пошла к двери.

— Нет, Веда... — останавливая, Гейдж схватил её за плечо и повысил голос, когда усилил захват. — Веда, я с тобой разговариваю.

Она обернулась, встретилась с ним взглядом и опустила глаза на его руку, сжимавшую плечо.

— Я хочу спуститься вниз, — Веда попыталась вырвать свою руку из болезненной хватки. Тогда, когда комната вокруг неё начала вращаться. Её зрение затуманилось, стакан выпал из рук, и она как будто издали услышала, как стакан упал на пол, когда она приложила руку к своему горячему лбу, бормоча. — Я не хочу туда заходить.

— Не трогай меня, — сказала Веда и стиснула зубы, поняв, что раньше с ней такого

никогда не было. Она никогда не возвращалась в свое прошлое в присутствии Гейджа. Ни разу. — Не хватай меня вот так.

Что бы он ни увидел в её глазах, это заставило его отпустить её руку с выражением глубокого раскаяния на лице. Гейдж выдохнул.

— Прости.

Веда не знала почему, но даже после того, как мужчина освободил её, она не смогла заставить себя уйти. Она не могла заставить себя уйти. Когда из уголка его глаза скользнула тихая слеза, скатившись по щеке и падая на бетонный пол, её сердце расколосось надвое.

— Я хочу большего, — прошептал Гейдж, и после этих слов еще одна слеза скатилась по его щеке.

Веда не всегда знала, чего хотела, но она точно знала, что не хотела этого. Не хотела видеть его боль.

Когда слеза скользнула по её собственной щеке, Веда даже не потрудилась смахнуть её. Гейдж приблизился к ней со сжатыми губами.

— Ты хочешь рамки. Ты не хочешь быть со мной. Но ты плачешь? Почему ты это делаешь? Почему ты так упорно сопротивляешься? Против чего-то, что так... так чертовски хорошо? — казалось, будто его слова подпитывали огонь, который горел в нем, который заполнял его глаза и заставлял повыситься голос. — Почему потребовалось два месяца, прежде чем ты позволила поцеловать себя? Почему я не могу смотреть тебе в глаза, когда нахожусь внутри твоей киски и чувствую себя при этом так, будто лишаю тебя девственности? Почему малейший намек на реальную близость заставляет тебя сжиматься вокруг моего члена, слово гидравлический пресс? Почему ты не можешь...? — мужчина не смог закончить.

— Гейдж... — Веда вытерла свое лицо тыльной стороной ладони, от его слов её сердце подпрыгнуло к горлу, и ей понадобилось несколько минут, чтобы собраться с мыслями. — Гейдж, я... сломлена, — её желудок сжался, когда она произнесла эти слова. — Я сломлена. Я никогда не смогу тебе дать того, что ты заслуживаешь. Ты заслуживаешь девушку, которая... которая будет любить тебя так же, как и ты её.

— Я не хочу другую девушку, Веда. Я хочу тебя. Я просто хочу тебя. Почему ты не можешь...? — его голос дрогнул, и Гейдж отвернулся, когда его глаза снова стали влажными. Он вздохнул и снова взглянул на неё. — Почему ты не можешь поверить мне?

Её грудь сотрясалась, Веда старалась сдержать слезы, которые наворачивались на глаза.

Что-то в её глазах заставило Гейджа шагнуть вперед. Он держал её подбородок в ладонях, пока в его собственных глазах была паника.

— Мы исправим это, — он надавил большими пальцами на её щеки так, что появились ямочки. — Мы выясним, что не так, и вместе вернем все обратно.

— Ты не сможешь собрать меня вместе.

— А ты когда-нибудь пыталась?

Веда убрала его руки от своего лица.

— Ты думаешь, я не пыталась? Думаешь, мне приятно стоять здесь и наблюдать, как ты смотришь на меня словно я... словно я какой-то эксперимент? Будто это какая-то благотворительность для тебя?

Гейдж нахмурился, качая головой.

— Ты не можешь собрать что-то вместе, когда самые важные кусочки уже давно превратились в пыль. Ты не можешь исправить то, что уже давно было уничтожено. От меня уже ничего не осталось.

— Это не так, — его лицо стало серьезным. — Это не так для меня.

Веда отпрянула.

Гейдж вздрогнул, и, казалось, хотел потянуться к ней, но что-то остановило мужчину, и его плечи поникли.

Она положила руку на дверную ручку.

— Иди домой. Женись на Скарлетт. Живи той жизнью, которой должен жить, пока не появилась я и все не испортила. Я только сделаю тебе больно, Гейдж. Я только разрушу твою жизнь, — она всхлипнула. — Это все, что я умею делать.

Гейдж долго смотрел на неё, а затем отвернулся, прикрывая рот ладонью и показывая свою спину.

Веда поняла.

Гейдж не мог смотреть то, как она уходила. Поэтому она ушла так быстро, как только смогла, чтобы не только избавить его от боли, но и самой избежать этого. Девушка поспешила выйти в коридор и не стала оборачиваться.

Она не могла обернуться.

Веда знала, что, если сделает это, то сдастся.

Месть за Коко.

Отомстить за себя.

Возмездие за бесчисленное количество других женщин, жизнь которых наверняка теперь разрушена. Женщины, которые никогда не избавятся от страха, стыда и, возможно, даже вины.

Веда больше не боялась. Ей больше не было стыдно. Она перестала чувствовать вину за то, в чем была не виновата. За то, что никогда не было её виной.

— Он говорит, что я заслужила это.

В отличие от Коко, Веда больше не была подростком. Она была взрослой женщиной, которая все осознавала.

Она была взрослой женщиной, которая знала, что Тодд Локвуд должен умереть. И он должен сделать это сегодня.

Как и остальные девять животных, которые украли её душу, и которых ожидает тоже самое. Если Веда должна покончить с ними сама, то она это сделает.

И она сделает это с песней в своем сердце.

После того, как оказалась достаточно глупой, чтобы продолжать отношения «друзей по сексу» с Гейджем и в итоге забыть, для чего она сюда приехала, Веда была убеждена в том, что месяцы, потраченные на преследование Тодда Локвуда, прошли впустую.

Но, стоя возле камина в знаменитом особняке Тодда Локвуда, который находился всего в нескольких домах от человека, с которым она рассталась этим вечером, Веда знала, что все это было не напрасно. Месяцы слезки за Тоддом привели её к этой самой ночи, в этот самый момент, в эту самую секунду.

И в эту секунду девушка поняла, что никогда не попала бы в его дом так легко, если бы не знала, что Тодд хранил запасной ключ под клумбой рядом с входной дверью. Если бы он не имел привычки оставлять окна открытыми, Веда никогда бы не узнала, что по приходу домой, Тодд сразу поднимается вверх в хозяйскую ванну. Что он всегда принимал душ, прежде чем сделать что-либо еще в своем доме. Что в его ванной было местечко между дверью и раковиной, которое было просто идеальным для неё.

Веда знала его лучше, чем саму себя.

Знала, что могла не спеша рассматривать фотографии, которые стояли на его белокаменном камине, потому что он не появится дома еще в течение 15 минут. Она могла спокойно разглядеть каждую фотографию, говорившую о том, какой лживый он на самом деле. Фото его друзей, его семьи, некоторые изображения его одного, где Тодд держал награды с различных соревнований на протяжении всей своей жизни. У него даже была фотография молодой Коко, которая стояла предпоследней на каминной полке. Коко улыбалась, но улыбка даже не касалась её глаз.

Теперь Веда знала, почему у подруги на этой фотографии была такая натянутая улыбка. Девушка поняла, что возраст Коко на этой фотографии был недалек от возраста, в котором, как она утверждала, Тодд первый раз пробрался в её комнату. Веду затошнило от этой мысли.

Даже если и могло возникнуть чувство вины или сочувствия, она не могла отрицать, что у Тодда Локвуда просто не было шанса спастись. Он причинил боль Веде, точно так же, как и Коко, точно так же, как он причинил боль той девушке на пляже, Саре Адамс, несколько месяцев назад.

Он никогда не остановится.

Сколько всего девушек было?

Насколько Веда понимала, если Тодд не остановился, то и остальные девять человек, которые были с ним в ту ночь, тоже. Только одному Богу известно, сколько было таких, как Веда, Коко, или Сара, которые побывали в их лапах, а потом молчали, потому что боялись. Или просто стыдились.

Веда поправила черную маску, которая закрывала все её лицо. Она старалась привыкнуть к кожаным перчаткам, из-за которых пальцы потеряли чувствительность. И из-за сетчатого барьера, который скрывал её глаза, она плохо видела. Это жутко раздражало, но девушка к этому адаптировалась.

Подойдя к последней фотографии на каминной полке, гнев, который она испытывала к ситуации с Коко, внезапно сменился отвращением. Вот так просто её отвели туда, где она не хотела быть, но не могла сбежать. Место, где она была вынуждена разорвать отношения с

единственным человеком, который по-настоящему её любил. Место, превратившее её в женщину, которая существовала только для того, чтобы наказывать, а не любить.

Веда протянула руку и взяла фотографию. Её рука в перчатке дрогнула, подняв с каминной полки снимок и поднося его ближе.

Девять из них в компании с десятком других учеников из спортивной команды старшей школы Тенистой Скалы и баскетбольной команды младшей школы собрались в плотный круг, позируя на камеру. Веда знала, что одна из этих ублюдских ухмылок принадлежала номеру десять, и обнаружила, что принялась жадно всматриваться в их лица, запоминая, потому что она не сможет спать до тех пор, пока не узнает имя каждого.

Имя каждого, кто должен умереть.

Кончиком большого пальца она провела по ухмылке на лице Тодда. Он надел красную футболку, которая была очень похожа на ту, что была на нем той ночью. Фактически, они все были одеты практически одинаково.

Неожиданно пришло осознание, и вдоль позвоночника пробежал холодок.

Фото было сделано той ночью.

Стук сердца ускорился вдвое, Веда провела большим пальцем по всем улыбающимся лицам парней на фотографии, прежде чем перейти к жизнерадостным лицам их товарищей-тусовщиков, стоявших на заднем плане. Она коснулась каждого лица большим пальцем, запоминая и их тоже, так, на всякий случай. Её номер десять был не игроком баскетбольной команды, а случайным человеком, которого она никак не ожидала увидеть. Стекло закрипело под её пальцем в кожаной перчатке, когда она провела им по винтовой лестнице на задней части фото. По той самой лестнице, по которой Тодд заставил её подняться против воли, когда она была слишком пьяной, чтобы сопротивляться.

Веда ахнула, когда увидела маленького мальчика, который сидел на верхней ступеньке лестницы, выглядывая из-за угла. Карие глаза были такие большие, как у любопытного щенка, которого не пригласили на вечеринку.

Она узнала бы эти карие глаза где угодно.

И девушка сразу поняла, что смотрит на молодого Гейджа Блэкуотера.

Конечно, он был на вечеринке той ночью. Гейдж был в доме. Она вспомнила их с Гейджем разговор в лифте, когда он рассказал ей, что Тодд когда — то был для него старшим братом. И что Тодд все еще как родной сын для его родителей. Он, возможно, манипулировал молодым Гейджем, чтобы устроить вечеринку в их доме, и воспользовался тем, что родители мальчика были в отъезде. Однако на фото Гейдж прятался. Видимо его не пригласили на вечеринку, которая проводилась в его собственном доме.

Веда не могла не задаться вопросами.

«Знал ли Гейдж про темную сторону своих «друзей». Намекала ли Коко тогда, что темная сторона есть и в семье Гейджа? У него тоже она есть? Если у Гейджа есть темная сторона, то он сильно постарался, чтобы скрыть её».

Веда не понимала, отчего вдруг стук сердца стал отдаваться во всем теле, а дыхание участилось, но точно знала, что у нее не было никакого желания углубляться во все это, как хотел того её разум.

Свет от фар пробился сквозь белые шторы на окне в гостиной, после чего до девушки донесся рев, как она уже знала, двигателя «Астон Мартина».

Веда засунула фотографию в черную сумку на своем бедре как можно быстрее, мчась по лестнице, когда рев шум двигателя затих.

А затем наступила тишина.

Раздалось звяканье ключей за дверью.

Перепрыгивая через две ступеньки, Веда не могла не заметить, что её сердце уже не стучало так бесконтрольно.

В первый раз за много лет её сердце было спокойным.

Тодд Локвуд дома, и он даже представить не может, что его ждет.

Она слышала собственное дыхание и старалась его контролировать, выдыхая только через нос. Но для самой Веды дыхание казалось громким, и она была уверена, что Тодд сможет услышать её, когда будет подниматься по лестнице. Девушка сильнее вжалась в угол в его темной ванной комнате. Её не удивило, что тут пахло дезинфицирующим средством, и ей это не нравилось, так как сильный запах раздражал нос. Казалось, что с каждым вздохом этот запах проникал под её маску еще больше, заставляя задыхаться. Спустя несколько мгновений запах начал жечь глаза, которые стали слезиться.

Или, возможно, это были слезы радости.

Да, должно быть, слезы радости. Радость от того, что дни этого сукиного сына были сочтены.

Веда сжала шприц в руке, когда дверь его спальни закрипела, и мутный, желтый свет залил ванную комнату после того, как Тодд щелкнул выключателем в спальне. Она слышала его шаги по деревянному полу и считала каждый, пока он приближался к ванной. Шелест его одежды становился все громче и ближе, когда он снимал её и бросал на пол по пути в ванную.

Его массивная тень появилась на кафельном полу ванной, и её рот наполнился слюной в предвкушении.

Тодд появился в дверном проеме, и зеркало в ванной отразило его темный силуэт. Веда задержала дыхание, когда он щелкнул выключателем, и увидела в зеркале себя, облаченную в черное с ног до головы.

Мужчина вошел в ванную с опущенными глазами. Он схватился пальцами за пояс свои боксеров — единственную вещь, которая была на нем, останавливаясь только, чтобы наклониться и спустить их вниз по ногам.

Веда вышла из своего укрытия, понимая, что сейчас или никогда, и позволила себе тихо вздохнуть, когда вонзила иглу в его шею.

У мужчины перехватило дыхание, и Веда, не дожидаясь, когда удивленный вздох сорвется с его губ, надавила на поршень, выпуская достаточно натрия теопентала в его яремную вену, чтобы парализовать дыхательные пути.

Все еще согнутый пополам, Тодд повернул голову в её сторону, всматриваясь в глаза через сетку в маске, пока его собственные голубые глаза широко распахнулись от ужаса. Он попытался что-то сказать, и Веда чуть не рассмеялась. Из-за его усилий, наверное. Понадобилось всего тридцать секунд, чтобы лекарство достигло мозга и вырубил его, и еще несколько секунд, чтобы парализовать его голосовые связки. Звук его каркающего голоса, казалось, заставил Тодда запаниковать еще сильнее. Глаза мужчины, налились кровью, и стали все больше. Он попытался дотянуться до Веды, но, спасибо Господи, прошло пятнадцать секунд, и он успел только скользнуть кончиками своих дрожащих пальцев по её бедру, перед тем как упал на колени.

— Спокойной ночи, — прошептала ему Веда, как маленькому ребенку, когда он упал на

пол. — Ты — невообразимый кусок чертова дерьма.

Боже, как она ненавидела Тодда. Веда не могла понять, как это возможно, до такой степени ненавидеть человека, как она ненавидела его. Упав на колени рядом с его телом, и втянув воздух с такой яростью, что маска оказалась между её зубами, девушка изучала его спящее лицо. Схватив мужчину за запястье, Веда проверила пульс, позволяя себе отвлечься на его почти детское лицо, которого она никогда не замечала. После проверки его сердечного ритма, Веда воткнула иглу обратно в вену на его шее.

Она уже ввела ему 75 мг препарата. Э то стандартная доза для её пациентов перед операцией. Если бы девушка сейчас остановилась, то Тодд проснулся бы через 12 часов.

Но Веда не планировала сейчас останавливаться.

Если бы она утроила эту дозировку, просто взяла и надавила на поршень шприца еще раз, то лекарство дошло бы до его жировой прослойки, и Тодд впал бы в искусственную кому. Если бы она увеличила дозу ещё в три раза, то в его венах оказалось бы столько яда, сколько вводят заключенным, приговоренным к смертной казне.

Тодд бы никогда не открыл свои глаза снова.

Веда прижала кончик иглы к вене на его шее и сделала глубокий вдох перед тем, как проколоть кожу, и позволить игле глубоко погрузиться в шею.

Она пыталась дышать, но маска каждый раз оказывалась между зубов, прилипала к губам и душила её. Сердцебиение Веды участилось — естественная реакция на иллюзию удушья, так что она заставила себя успокоиться.

Её большой палец дрогнул на поршне шприца. Нажать только один раз, и она избавит этого ублюдка от страданий навсегда. Её разум кричал: «сделай это!». Тодд уже лежал на полу. Сейчас уже не было дороги назад. Если Веда этого не сделает, он очнется и продолжит делать то, что делал всегда — разрушать невинные жизни.

Тодд никогда не остановится.

Тодд никогда не изменится.

Физическая и эмоциональная безопасность бесчисленных невинных женщин, бесчисленных потенциальных жертв, бесчисленное количество таких, как Коко, была в руках Веды.

Это же так легко. Всего одно нажатие. Всего 400 мг. Прямо в вену.

Веда собрала всю свою волю в кулак, сделала глубокий вдох и решила нажать на поршень.

Но её большой палец не двинулся.

Она попыталась снова, уверенная в том, что это запах дезинфицирующего средства затуманил её разум и свел с ума. Вызвал бурю в сердце. Её глаза начали наполняться слезами.

— Сделай это, — сказала она себе. — Тодд заслуживает смерти. Он заслуживает этого.

Время шло.

Секунды.

Минуты.

С громким стоном Веда вытащила иглу из шеи Тодда, облокотившись на шкафчики в ванной, и подтянула ноги к груди. Она обхватила голову руками, шприц выпал из её рук и с грохотом упал на пол, когда еще один яростный стон сорвался с губ девушки.

Веда мысленно старалась отгородиться от страшной правды, которая обрушилась на нее.

Годы.

Годы ожидания.

Годы планирования.

Годы терпения. И только сейчас стало все ясно.

Не важно, как сильно они её сломали, она не была такой, как они. И никогда не будет.

Несмотря на неожиданное осознание всей ситуации, отвращение в её сердце не заставило себя долго ждать. Нет, из-за этой правды слезы жгли девушке глаза и стекали по щекам. Веда чувствовала, как внутри маски воздух становился влажным и спертым, как летом во Флориде.

Она сняла маску, всхлипнула и рукой вытерла слезы с лица. Веда поежилась, когда взглянула на спящее лицо Тодда. Даже тогда, когда в её руке уже было оружие мести, этому сукин сыну все равно удалось выйти сухим из воды. Ему не только удалось избежать наказания, Тодд еще и спал как чертов младенец.

Веда пнула его ногой прямо в живот. Его обмякшее тело дернулось от удара, но спящее лицо осталось таким же спокойным.

— Как же я тебя ненавижу, — прошептала Веда, вцепившись пальцами в волосы. Проглотив комок в горле, она постаралась встать. Надо собрать свои «игрушки» и отправиться домой. Вечеринка окончена.

Когда Веда так и не смогла пошевелиться, то дала себе минутку, чтобы привыкнуть к этой ужасной реальности, после чего медленно начало наступать смирение. Веда встала и посмотрела на лунный свет, пробивающийся через окно ванной. Однако, когда она хотела шагнуть, то замерла на полпути. Она взглянула на Тодда, и её глаза расширились.

— Нет, — прошептала Веда, отвечая новым голосам, возникших в её голове. Она покачала головой. — Да ни за что ...

Она продолжала корить себя, пока не начала сомневаться. Пока она обдумывала это, её глаза двигались словно сканер. Веда снова и снова боролась со своим разумом до тех пор, пока уголки её рта не начали подниматься в медленной улыбке. Вскоре морщинка между бровей исчезла. Поражение, которое было в её глазах, сменилось чистейшим удовольствием.

Веда рассматривала спящее лицо Тодда и почувствовала, как её улыбка становилась все шире, как у Мистера Гринча (Прим.: Имеется в виду семейная сказочная комедия «Гринч — похититель Рождества», главную роль в котором исполнил Джим Керри). Настолько широкая, что могла достать до ушей.

А потом Веда схватилась за сумку на бедре, резко открыв молнию, и просунула руку, хватая набор, который всегда носила с собой. Набор, который она купила еще в медицинской школе и сегодня нашла ему применение.

Набор, состоящий из огромного количества интересных инструментов, большинство из которых, к её огромному разочарованию, она не могла использовать в полной мере.

Во всяком случае, пока что.

Тяжело сплотив, Веда достала один инструмент, которым, как она была уверена, никогда не воспользуется, подняла его в воздух и осмотрела.

Скальпель блеснул в свете ванной комнаты, когда лучи начали переливаться на его корпусе из нержавеющей стали, пока Веда крутила его.

Её глаза вернулись к Тодду. К числу «23» на его запястье.

Нет.

Её улыбка стала шире.

Веда не могла этого сделать.

Её взгляд вернулся к скальпелю.

Или могла?

Подол её белого платья касался пальцев ног, на которых был педикюр с леопардовым принтом. Веда поджала их, стоя на скользком камне, который был достаточно большим, чтобы стоять на нем. Остатки разрушающих волн океана соприкасались с гладкой поверхностью камня и были настолько сильными, что попадали на поверхность камня и щекотали пальцы её ног, прежде чем снова вернуться обратно в пучину. С тех пор как она была ребенком, это было её самое любимое место из всех в Тенистой Скале. Девушка могла надеть свой купальник и сидеть на этой скале часами, позволяя волнам касаться пальцев ног до тех пор, пока вода не поднималась слишком высоко, и скала не скрывалась под водой полностью, вынуждая её покинуть это место. Веда посмотрела вниз, улыбнулась белым пузырям, которые обволакивали её пальцы перед тем, как снова возвратиться домой в океан, и подняла глаза на звездное ночное небо.

Когда она взобралась на скалистый утес слева от себя, такой высокий и огромный настолько, что закрывал половину желтой луны, Веда ощутила новую легкость, с которой делала каждый вдох. Ощущала в себе новую силу с каждым ударом сердца. Энергию, которая наполняла каждую клеточку в её теле.

Веда могла только представить себе женщину, которой сможет стать, чтобы нанести удар остальным девяти чудовищам, как сделала это с Тоддом Локвудом этим вечером. Девушка знала, что однажды посмотрит в зеркало и увидит совершенно другую женщину.

Улучшенную женщину.

Веда сделала еще один глубокий вдох, позволяя морскому воздуху заполнить её ноздри, прежде чем обернуться через плечо и убедиться, что её сумка, лежавшая на песке, все еще была там, где она её оставила. Ночью пляж всегда был пустым, поэтому Веда не поняла, что заставило её обернуться.

Но, посмотрев через плечо и встретившись взглядом с Гейджем, она поняла, почему.

Боги, наверное, хотели увидеть, как Веда потеряет все свои силы, после того как она приложила столько усилий, чтобы вернуть их. И у них это получилось, стоило лишь ей увидеть его, прогуливающегося по песку, так же одетого во все белое. Гейдж засунул руки в карманы своих штанов, расстегнул рубашку, а его волосы развивались на ветру.

Она повернулась к нему, открыв рот, чтобы упрекнуть, но не удивилась, когда так и не смогла ничего сказать.

Веда заметила красную отметину на его щеке, и ей было интересно, откуда она взялась, но у нее не хватило смелости, чтобы спросить. Девушка была слишком занята тем, что пыталась противостоять своему сердцу. Сердцу, которое билось для того, чтобы быть ближе к нему, быть достаточно близко, чтобы почувствовать его магический аромат, быть в кольце его крепких рук. Заниматься с ним любовью так, как они делали это прошлой ночью, глядя ему в глаза, задыхаясь напротив его губ и умоляя о том, чего она сама не могла понять.

Гейдж перевел взгляд на массивную черную скалу, откуда издалека был виден его дом.

— Представь мое удивление, когда после нескольких часов поиска, я вышел на свой балкон и увидел тебя здесь, на моем пляже, — он шагнул на большой камень, но не подошел к ней. — Это то место, о котором ты говорила? Здесь ты бывала, когда была маленькой девочкой?

— Гейдж... — Веда все еще не могла понять то чувство, которое пронзало её тело. — Я думала, что сказала тебе идти домой к своей невесте.

Он начал двигаться в её сторону, медленно ступая босыми ногами по гладкой поверхности камня.

— А я думал, что сказал тебе, что влюблен в тебя, — его взгляд не смягчился, даже когда он мягко покачал головой. — Все кончено.

Веда закрыла глаза.

Гейдж говорил, но веки Веды были опущены.

— Со Скарлетт покончено.

Её глаза распахнулись.

Он попытался улыбнуться, но у него не получилось. Улыбка получилась напряженной.

— Сегодня... отец в первый раз ударил меня. Первый раз в моей жизни.

Взгляд Веды снова вернулся к красному пятну на его челюсти, и она смягчилась, когда представила, насколько ему было тяжело пойти против своих родителей.

— Черт возьми, Гейдж...

— После этого, пока разыскивал тебя по всему острову, я ждал, когда наступит сожаление. Страх. Чувство ответственности, которое всегда сжирало меня изнутри, как их единственного ребенка. Это было неизбежно. Эти чувства всегда возникали, в конце концов, когда я бросал им вызов. Но в этот раз... Ничего. Ничего такого не произошло. И ничего не произойдет. Я не знал этого два месяца назад, но знаю сейчас. Теперь я уверен, что любовь никуда не исчезнет. Я никогда не устану от этого. Никогда не отступлюсь.

Веда почувствовала, как её грудь начала вздыматься от волнения и от переполнявших её эмоций, а глаза наполнились слезами.

— Я не оставлю тебя, Веда, — его голос понизился до шепота. — Я никогда тебя не оставлю.

Когда Гейдж шагнул вперед, все в её душе кричало сделать шаг назад, но она знала, что отступление, будет означать шагнуть со скалы и упасть в воду. Нет спасения. Нет выхода.

Чем ближе Гейдж подходил, тем лучше она могла разглядеть его... карие глаза, влажные от тумана волосы, губы, уже приоткрытые для поцелуя, который она ему еще не подарила. Веда знала, что не хотела этого.

В очередной раз девушка не могла разобраться в себе. Неужели для неё ничего не значило то, что в сумке, оставленной на песке в нескольких футах от них, была фотография мужчин, которых она ненавидела всем сердцем? Неужели для неё ничего не значил то, что она обнаружила Гейджа на этой фотографии? Что он был на той вечеринке, когда её жизнь разрушилась навсегда?

Гейдж подошел на расстоянии вытянутой руки, и Веда подняла на него глаза, не в силах остановить свои мысли, даже когда он прикоснулся к её лицу.

Веда не могла остановить свои мысли, даже соприкоснувшись с ним, но они замедлились, напоминая о том, насколько этот человек опасен для её психики. Для её здравомыслия. Для её сознания.

Её глаза искали его, не в силах сохранить те крохи здравого смысла, что еще оставались в её теле, которое теперь жаждало большего, чем прикосновение, поцелуй и его член.

«Гейдж знал?»

«Гейдж знал о темной стороне его друзей? Его семьи?»

«Был ли он одним из них?»

«Сможет ли она когда-нибудь ответить взаимностью человеку, при виде которого в её голове возникают такие вопросы?»

Когда Гейдж наклонился и накрыл её губы своими в нежном поцелуе, Веда вздохнула. Ей стало все настолько ясно и так легко от того, что она узнала ответ на свой вопрос просто от одного прикосновения его губ.

Гейдж не отстранился ни на секунду, и Веда прошептала ему, согревая мужские губы своим дыханием:

— Я люблю тебя.

Сначала его глаза расширились, но потом взгляд смягчился, в них читалось облегчение, после которого последовала застенчивая улыбка.

— Локвуды... Блэкуотеры... Они опасны. Они причиняют людям боль.

Веда слышала голос Коко в своей голове, даже если теперь это было отдаленное эхо, но, когда Гейдж выдохнул:

— Я тоже люблю тебя, — даже голос Коко исчез. И когда он снова завладел губами Веды, поддразнивая кончиком языка, прежде чем втянуть их между своими губами, его слова победили.

Их поцелуй стал глубже за каких-то пару страстных секунд, и Веда схватилась за его широкие плечи, когда Гейдж согнул колени и положил её на поверхность скалы. «Зуд», от которого, как она была уверена, избавилась месяцы назад, оказался сильнее, чем когда-либо до этого. Мужчина начал двигаться между её разведенными ногами, прижимая свою выпуклость к её возбужденной киске, как будто уже знал об этом.

Гейдж знал, что каждая часть её тела принадлежала ему.

— Я люблю тебя, — шептал он снова и снова, раздевая её, и не нарушая их зрительного контакта, пока снимал бюстгальтер и трусики.

Грудь Веды вздымалась, мужчина сел на корточки и схватил её голое тело; упругие коричневые соски девушки затвердели и словно потянулись к небу. Веда раздвинула свои стройные ноги, умоляя его занять законное место между бедрами. Её леопардовые ногти вонзились в поверхность скалы, когда она не смогла больше выносить эту пытку без его прикосновений дольше, чем могла вытерпеть. Стук сердца отдавался эхом в ее киске, заставляя поверить, что Гейдж мог увидеть, как ее влагалище дрожало для него так же неистово, как это ощущалось.

Веда задавалась вопросом, как долго мужчина планировал мучить её, но в следующий миг Гейдж дрожащими руками схватился за полы своей расстёгнутой рубашки и сорвал с себя. В его глазах было желание, он вытащил ремень и встал на колени, чтобы опустить штаны вниз.

Веда облизала губы, когда его длина выскочила из штанов прямо в ночь, и ахнула, когда Гейдж даже не потрудился снять свои штаны полностью, прежде чем вернуться обратно между её разведенных бедер, просунув руку между их телами. Он застонал, когда схватил свой стержень и направил возбужденную головку в её киску.

Гейдж целовал её губы, пока входил в неё, прерывая поцелуй только для того, чтобы услышать сладостный стон.

Запутывая пальцы в его волосах, Веда задыхалась вместе с Гейджем в тот момент, когда его бедра изогнулись, чтобы войти в нее так глубоко, насколько это возможно. Каждый нерв в её теле оживил, а удовольствие от киски распространилось по всему телу, как лесной пожар. Даже когда поднялась волна и достигла скалы, намочив ее локоны и облив их тела

соленой водой, она не смогла остудить тело Веды. Она раскачивалась вместе с ним, позволяя удовольствию взять верх над её телом. Прерывая зрительный контакт с Гейджем, она знала, что единственный, кто сможет погасить пламя, горящее внутри нее — это он.

Вскоре звуки их любви стали такими же громкими, как звуки разрушающих волн, и выгнув спину, тело Веды содрогнулось от знакомой напряженности внизу живота. Она не могла понять, была ли влага, стекающая по её ногам, от их страсти или это была океанская вода. Девушка не знала, были ли это капельки пота на её коже от пережитого оргазма или капельки воды, которые омывали скалу. Она так же не знала, был ли крик, который заполнил пространство между их губами, его или её, когда кто-то из них достиг своего пика.

— Боже, Веда, — простонал Гейдж, прикоснувшись к ней кончиком своего носа, когда кончил. Он тихо всхлипывал, а его бедра вздрагивали от того, насколько глубоко мужчина был похоронен внутри её киски.

Веда обняла мужчину, и прижалась своей грудью к его. Она покрывала нежными поцелуями его тело, пока Гейдж приходил в себя, содрогаясь всем своим естеством.

Он закрыл глаза, небольшая улыбка появилась на его лице, когда он упал на её грудь, прижимая губы к женскому уху.

— Ты лучшее, что когда-либо случилось со мной.

Веда впитывала его слова и благодарила Богов наверху, что смогла остановить себя от того, чтобы опровергнуть его слова.

Гейдж еще не знал, что она не самое лучшее, что случилось с ним когда-либо.

Возможно, Веда не была убийцей, но это не значило, что она не приготовила для Тодда Локвуда порцию необратимого правосудия, которое медленно поставит его на колени.

Это не значило, что у неё не было намерения сделать то же самое с остальными друзьями Гейджа, которые должны были заплатить за свои грехи.

И они все заплатят.

Или она умрет, пытаясь.

На следующее утро Веда украдкой взглянула на Гейджа, сжимая пальцами его руку. Он не взглянул на нее, но ухмыльнулся, и уголки его губ приподнялись, когда он сжал её пальцы в ответ. Девушка мысленно отметила для себя, что нужно спросить его, какое средство для рук он использовал, так как его руки были мягче, чем у неё.

Веда была рада, что могла отвлечься на какие-то части тела своего парня, которые были более женственными, чем у неё, сосредоточив всё своё внимание на мужских руках, а не на людях вокруг них. Этим ранним утром не было ни одного сотрудника в коридоре, который бы не остановился или не замедлил свой шаг при виде Гейджа и Веды.

— Люди чуть ли не спотыкаются, пялясь на нас. Они скоро свернут себе шеи.

— Придерживайся плана, — сказал Гейдж, уголком рта улыбаясь каждому ошеломленному лицу, каждой отвисшей челюсти и каждым широко открытым глазам, которые молча осуждали их.

Когда они подошли к стойке, Латика уже смотрела на них поверх оправы своих очков.

— Эта осуждающая ухмылка когда-нибудь исчезает с твоего лица? — улыбнулся ей Гейдж.

— М — м — м — хм — м — м.

— Позволь остановить тебя прямо сейчас, — произнес мужчина. — Я с гордостью сообщаю, что твои «м-м-м-хм-м-м» больше не оказывают на нас желаемого эффекта, — и он поднял вверх их сцепленные руки.

Ленивый взгляд Латики метнулся на их переплетенные пальцы, но она не шелохнулась.

— Веда теперь моя девушка, — продолжил Гейдж. — И да, отдел кадров в курсе, на тот случай, если ты думаешь о том, как бы найти лучший способ улучшить пенсионную программу, из-за которой ты все время мучаешь меня.

Брови Латики взлетели еще выше.

— Сладенький, ты думаешь, что отдел кадров не в курсе? Ты думаешь, что вся больница ничего не знает? — она даже не дала Гейджу ответить и громко рассмеялась. — Неужели ты и правда думаешь, что Хавьер Лопес пропустил эту новость! — воскликнула Латика.

Гейдж побледнел, когда медсестра произнесла имя молодого мексиканца, который почти год находился в коме.

Латика встала и обогнула стол, а её смех перешел в громкий хохот до такой степени, что она начала смеяться, запрокинув голову назад, словно её охватило ликование. Она ушла, все еще прижимая карточку пациента к груди.

— Я первый раз увидел, как ты встала с этого стула за все то время, пока работаешь здесь! — крикнул Гейдж ей вслед, хмурясь, когда она лениво махнула рукой, отходя от них все дальше и все еще громко смеясь.

— Ну... — Веда поправила его галстук. — Это было болезненно, как я себе и представляла, — она поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. По всему телу девушки прокатилась волна тепла, когда от её маленького проявления любви лицо Гейджа смягчилось. Веда шлепнула его по заднице и собралась уходить, оборачиваясь к нему через плечо. — Не могу дождаться того, что произойдет во второй половине дня.

Гейдж схватил её за руку, притянув обратно.

— Поделись со мной кисло-яблочным вкусом, — он застонал, когда Веда сделала

именно то, о чем он просил, еще раз вставая на цыпочки и мягко целуя, прежде чем повернуться и уйти. Гейдж смотрел ей вслед, кусая нижнюю губу. — Сегодня я собираюсь делать с тобой невообразимые вещи... — предупредил он.

— Обещания, обещания, — Веда прикусила свою нижнюю губу.

Его улыбка исчезла, сменившись страстным взглядом, который девушка знала слишком хорошо.

— У меня. Сегодня.

— Ладно, — пробормотала Веда, перед тем как отвернуться от него, не в силах остановить себя, чтобы не закатить глаза от глупой улыбки, которую она не могла стереть со своего лица.

В то время как они занимались в третий раз любовью на пляже прошлой ночью, Веда внезапно осознала, почему не смогла убить Тодда.

Она еще раз оглянулась через плечо, прежде чем повернуть за угол, и покраснела, когда Гейдж облокотился на стойку, а его горячий взгляд приклеился к её заднице. О сознание снова пронзило девушку.

Веда вздохнула и закрыла глаза, позволяя новому ощущению охватить её тело, и промчаться по венам, сжав сердце. Она не могла поверить в это. У нее появился парень. И в отличие от последнего её парня, отношения с Гейджем Блэкуотером не были похожи на все предыдущие.

Нет. Она ощущала себя...

Веда не знала, как ощущала себя рядом с ним. Чувство, которое разрывало её изнутри ... Девушка просто знала, что хотела бы, чтобы это чувство жило в ней. Чтобы это чувство процветало. Чтобы озаряло светом ту часть её души, которая, как она думала, давно умерла и исчезла.

Она открыла глаза, врезавшись во что-то, и поняв, что пялится на доктора Гитлера ... ой, доктора Бритлера ... улыбка исчезла с её лица.

— Я так рад, что генеральный директор этой больницы вызывает у вас такую глупую улыбку на лице...

Последнее, что осталось от улыбки Веды, с того момента как она его увидела, исчезло, пока не сменилось полным отвращением.

Доктор Бритлер продолжил.

— Так уж вышло, что больница на самом деле платит вам зарплату... — он пожал плечами, посмеиваясь. — Так что выполняйте свою работу.

Веда закатила глаза.

— Не удивляйтесь, но я и так все это знаю.

Её разум велел ей не обращать внимания. Сердце говорило о том же. Но её губы, словно жили своей жизнью.

— С моего первого рабочего дня здесь вы всегда приставали ко мне со всяким дерьмом. Вы влюбились в меня или что? Что это за игра типа «дернул за косичку и убежал»? Это стало надоедать. Я бы сказала, даже утомлять. Почему бы нам просто не отправиться в ординаторскую и... — Веда подняла свой кулак в воздух, щелкнув зубами, смотря на него хитрым взглядом, который был похож на взгляд Пепе Ле Пью (Прим.: Пепе ле Пью (англ. Pepe Le Pew) — любвеобильный скунс, герой мультипликационного сериала «Веселые мелодии»). Большинство серий с ним основано на том, что скунс принимает кошку или кота за самку скунса и флиртует) и даже ждала, что у неё появится мультяшный французский

акцент, который готов был слететь с её губ.

Доктор Бритлер нахмурился, потом собрался уходить, снова нахмурился и повернулся к ней лицом, коснувшись краем медицинской карты груди девушки.

Веда вырвала у него карту с насмешкой.

Его голос остался монотонным.

— У нас сегодня утром очень мало медсестер. Мне нужно, чтобы вы сейчас были в палате 105.

Веда сжала медицинскую карту, когда доктор Бритлер прошел мимо неё, размахивая карточкой в воздухе.

— Полмиллиона долларов, чтобы выполнять работу медсестры. Этот диплом стоит каждого пенни. Спасибо, Стэнфорд!

Доктор Бритлер только громко свистнул в ответ, потому что, конечно, девушка не была тем человеком, который заслуживал словесного ответа.

Веда злилась всю дорогу до палаты 105. Она попыталась напомнить себе, почему выбрала именно эту маленькую больницу в Тенистой Скале для ординатуры, а не одну из самых знаменитых, разбросанных по всей стране, многие из которых предлагали ей работу.

Казалось, каждый день ей приходилось напоминать себе об этом все чаще и чаще.

Каждый день с тех пор, как она встретила Гейджа.

Веда повернула за угол в палату, и, увидев людей внутри, застыла в дверном проеме и открыла от шока рот. Она бросила взгляд на медицинскую карту и, конечно же, прочитала то, что и предполагала.

Её ошеломлённый взгляд снова вернулся к людям в комнате.

— Веда, хорошо, — доктор Джин, дежурный врач, говорящая всегда тихо и спокойно, махнула Веде, чтобы та вошла.

Но это не то, что заставило девушку остановиться на полпути.

Детектив Линкольн Хилл расслаблено сидел в потрепанном кресле в углу комнаты, одетый в джинсы и белую футболку, опираясь локтем на подлокотник и приложив пальцы к губам. Как только он увидел В еду, то закрыл глаза. Усмешка появилась на его губах, и он захихикал.

Но даже не Линк со своим красивым, самодовольным, раздраженным лицом заставил её остановиться.

Нет.

Тодд Локвуд сидел на краю кровати, одетый только в больничный халат. Его щеки казались более красными, чем обычно, и румянец не исчез даже через несколько минут. Его голубые глаза избегали всех, а взгляд был устремлен в окно, когда он сжал свои скрещенные руки.

Однако, когда молчание затянулось надолго, он посмотрел на доктора Джин и рявкнул.

— Может, мы уже покончим с этим, пожалуйста?

Теперь, когда пришла Веда, доктор Джин могла поговорить с Тоддом свободно. Политика больницы требовала, что, если врач чувствовал себя некомфортно, то всегда обеспечивал присутствие медсестры в качестве свидетеля для подстраховки. Если медсестра не могла присутствовать, то её мог заменить врач.

Увидев Тодда, Веда поняла, почему доктор Джин, которая редко просила свидетеля, чувствовала себя некомфортно этим утром. У Тодда был к этому талант. Это жило под его кожей, эта его способность заставлять женщин чувствовать себя не в своей тарелке.

Особенно таких тихих, как доктор Джин.

Но Веда знала, что дни Тодда, который был искусным насильником, подошли к концу, и она вошла в палату с опущенной головой, пытаясь побороть улыбку, которая грозила появиться на её губах, и прислонилась к стене в нескольких шагах позади доктора Джин.

«Не улыбайся», — приказала себе Веда, взглянув на Линка, который смотрел на неё.

Детектив, казалось, тоже боролся с теми же чувствами, что и она, но, в отличие от неё, дерьмово скрывал это. Веда никогда не видела, чтобы Линк улыбался, но теперь, когда он уже практически сделал это, она увидела улыбку в его глазах, прежде чем та появилась на губах. Его зеленые глаза словно ожили, чего девушка не видела в них раньше.

Значок полиции, который висел на цепочке у него на шее, казалось, поднимался и опускался быстрее с каждой секундой, когда их взгляды встречались.

«Почему он так тяжело дышал?»

— Вы можете помочь мне или нет? — снова раздался глубокий голос Тодда, который дрожал от той же беспомощности, что читалась в его глазах.

Вырвавшись из транса, вызванным видом Линка, Веда посмотрела на Тодда, заметив уязвимость в его глазах. Она не могла не задаться вопросом, выглядела ли она такой же беспомощной, уязвимой, незащищенной в ту ночь, когда ублюдок забрал её невинность.

Доктор Джин вздохнула.

— Мистер Локвуд, тот, кто кастрировал вас, был профессионалом. Качество швов на высоком уровне. Кто бы это не сделал... ну, он знал, что делает.

Веда боролась с желанием смахнуть пылинку со своего плеча. Она еще никогда не была так рада тому, что посещала факультативы по хирургии в медицинской школе. Неплохо для анестезиолога, а?

Доктор Джин переступила с ноги на ногу и прочистила горло.

— Боюсь, единственное, что мы можем вам предложить, это заменить ваши отсутствующие яички протезами, — щеки доктора Джин покраснели. — Протезирование кажется самым идеальным выходом. По весу и форме они ощущаются как настоящие. Вы даже не увидите разницы...

— Что будет со мной дальше? — его голос настолько повисился, что, если бы Веда не смотрела на него сейчас, то могла бы спутать его с пятилетним орущим ребенком, не заметив разницы. — С могу ли я и дальше заниматься сексом?

Доктор Джин оглянулась через плечо и встретила взглядом с Ведой и Линком, которые все еще задерживали дыхание, чтобы не засмеяться, и сжала губы, прежде чем повернуться к Тодду.

— К сожалению, стерилизация не позволит вам иметь детей, и отсутствие яичек резко понизит выработку тестостерона...

— Смогу. Ли. Я. Возбудиться? — прорычал Тодд, сжимая большой палец и указательный вместе, словно разговаривая с младенцем.

После этого румянец исчез с лица доктора Джин. Она перестала переминаясь с ноги на ногу и не шевелилась. Её скрещенные руки упали по бокам.

— Да, — сказала она с такой властью, которой не слышалась в её голосе до сих пор.

Веда мягко кивнула и была рада увидеть, что доктор Джин, наконец, поняла, что за человек сидел перед ней.

Она начала перечислять факты, явно больше не заботясь о нежных чувствах Тодда.

— Так как яички производят 95 % тестостерона в мужском теле, у вас все же может быть эрекция, и вы все еще можете эякулировать. Тем не менее, ваше либидо значительно уменьшится.

Лицо Тодда побледнело.

Это не помешало доктору Джин, голос которой стал выше, продолжить.

— Частота, сила и длина ваших оргазмов будут уменьшаться и никогда не сможет восстановиться. Преждевременное облысение, жар и головокружение со временем будут для вас естественными. Еще, вполне вероятно, что начнет быстро расти грудь.

Тодд схватился за голову обеими руками как раз в тот момент, чтобы заглушить вскрик, который вырвался из его горла, и от его рыданий дрожала кровать, на которой он сидел.

Только тогда доктор Джин остановилась. Бормоча себе под нос, она сдалась, а затем поспешила через комнату к Тодду. Её рука на мгновение зависла в воздухе над согнутой спиной Тодда, прежде чем она опустила её и тихонько прикоснулась. Доктор Джин погладила его спину, словно ипохондрик прикасался к раненному животному, все это время шепча о лекарствах, которые помогут ему жить новой жизнью.

Но Веда знала лучше всех, что на земле не было лекарства, достаточно сильного, чтобы дать человеку новую жизнь. Помочь человеку снова отрастить крылья, которые срезали безвозвратно. Прикоснуться к небесам еще раз после того, как вы уже рухнули на землю.

Засунув руки в карманы своей формы, Веда наблюдала, как рыдал Тодд, и даже когда доктор Джин повелась на его крокодильи слезы, девушка жадно пожирала их глазами, как восемнадцатилетка пожирала глазами малолитражный автомобиль.

Она использовала его боль как энергию.

Она использовала его боль как топливо.

Прежде, чем Веда смогла себя остановить, улыбка, с которой она боролась, начала расплзаться по её лицу и становилась все шире, пока девушка не убедилась в том, что та смогла прорваться через потолок, касаясь луны и облаков.

Веда перевела взгляд на Линка и увидела, что он тоже улыбался.

Она сжала бронзовый медальон в кармане, и на мгновение стало легче.

На мгновение она снова могла дышать.

Один есть.

Конец первой книги...

Больше книг на сайте — Knigolub.net